

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2024 Vol. 7 № 3 (25)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

“Caucasian Science Bridge” journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 27.11.2024. Подписано в печать 18.12.2024. Выход в свет 24.12.2024.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 550 экз. Заказ № 535.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции Типографии «СоруВага».

344064, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, 3, тел. (863) 200-72-00.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верецагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Социология образования

Бабинцев В.П., Осипов А.М., Серкина Я.И.

Социолог в административной среде вуза: ловушки для исследователя.....8

Дюжиков С.А., Пилипенко А.Э., Чикарлова Г.И.

Опыт реализации спортивной работы как части внеучебной деятельности
вуза (на примере Южного федерального университета).....22

Казанцев О.А.

Рождение американской школы из духа патриотизма: институциональные
зигзаги и публичные баталии внутри среднего образования.....34

Кичерова М.Н., Симакова А.П., Зенкова О.С.

Независимая оценка квалификаций: отечественный и зарубежный опыт.....43

Региональная социология

Захарова В.А., Чигрина Н.В.

Факторы формирования жизненных ценностей населения Республики Крым:
социально-политический аспект.....55

Верещагина А.В.

Адаптация жителей Крыма в контексте интеграции российского поликультурного
общества в условиях новой территориальности.....62

Социология управления

Салогуб А.М.

Человекоцентричность – ключевой фактор развития креативной индустрии.....73

Социология молодежи

Шахбанова М.М.

Религиозная самоидентификация дагестанской молодежи.....83

Социология семьи и детства

Жиденко А.А.

Причины конфликтов и способы их разрешения в молодой семье
Ростовской области.....96

Дискуссионная трибуна

Киселев Д.А.

Ценностный конфликт в восприятии недружественных стран жителями среднего
южно-российского города (на примере г. Таганрога).....108

Информация для авторов.....117

CONTENT

Sociology of education

Babintsev V.P., Osipov A.M., Serkina Ya.I.

Sociologist in the administrative environment of the university: traps for the researcher.....8.

Dyuzhikov S.A., Pilipenko A.E., Chikarova G.I.

Experience in the implementation of sports work as part of extracurricular activities of the university (on the example of the Southern Federal University).....22

Kazantsev O.A.

The birth of the American school from the spirit of patriotism: institutional zigzags and public battles within secondary education.....34

Kicherova M.N., Simakova A.P., Zenkova O.S.

Independent assessment of qualifications: domestic and foreign experience.....43

Regional sociology

Zakharova V.A., Chigrina N.V.

Factors of formation of vital values of the population of the Republic of Crimea: socio-political aspect.....55

Vereshchagina A.V.

Adaptation of Crimean residents in the context of integration of Russian multicultural society in the context of new territoriality..... 62

Sociology of Management

Salogub A.M.

Human-centricity is a key factor in the development of the creative industry.....73

Sociology of youth

Shakhbanova M.M.

Religious self-identification of Dagestan youth..... 83

Sociology of family and childhood

Zhidenko A.A.

Causes of conflicts and ways to resolve them in a young family Rostov области.....96

Discussion platform

Kiselev D.A.

The value conflict in the perception of unfriendly countries by the residents of an average city in the South Russia (on the example of Taganrog).....108

Information for authors 117

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.1>

EDN WQPBDU

**Социолог в административной среде вуза: ловушки для исследователя
Валентин П. Бабинцев ¹**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Александр М. Осипов ²

²Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: osipov.al58@gmasil.com

Яна И. Серкина ³

³Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Аннотация.

Ведение. В статье рассмотрены особенности социологических исследований в учреждениях современной высшей школы России. Цель – показать специфику ловушек, возникающих для социолога при проведении исследований в вузах. Ловушки используются в качестве манипулятивных технологий. Ловушки, в которые может попасть социолог, исследующий сферу высшего образования, определяются как негативные ситуации, обусловленные особенностями организации социальной жизни вуза, либо намеренно созданные представителями корпоративного менеджмента, либо явившиеся результатом когнитивной несостоятельности исследователя. Ловушки – индикатор латентного конфликта интересов социолога и бюрократической административной системы.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрены три вида ловушек: институциональные (обусловлены спецификой правовой среды и организации жизни вуза, особым клановым позиционированием социологии образования в производстве и распространении социологического знания), манипулятивные (созданные для скрытого управления действиями исследователя), рефлексивные, порождаемые самим социологом вследствие дефицита у него информации или неспособности адекватно ее интерпретировать. Сделан вывод о том, что задача преодоления ловушек должна решаться в контексте общей проблемы социологической безопасности и внедрения в программы профессиональной подготовки социологов в России.

Ключевые слова: образование; высшее образование; социология образования; манипулятивные технологии; ловушка; административно-бюрократическая система управления вузом; педагогическая рента.

Для цитирования: Бабинцев В.П., Осипов А. М., Серкина Я. И. (2024). Социолог в административной среде вуза: ловушки для исследователя. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.1>.

**Sociologist in the administrative environment of the university: traps for the researcher
Valentin P. Babintsev ¹**

¹Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Alexander M. Osipov ²

²A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
e-mail: osipov.al58@gmasil.com

Yana I. Serkina ³

³Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Abstract.

Introduction. The article examines the features of sociological research in institutions of modern higher education in Russia. The aim is to show the specifics of the traps that arise for a sociologist when conducting research at universities. Traps are used in a variety of manipulative technologies. The traps that a sociologist who studies the field of higher education can fall into are defined as negative situations caused by the peculiarities of the organization of the social life of the university, either intentionally created by representatives of corporate management, or resulting from the cognitive insolvency of the researcher. Traps are an indicator of a latent conflict of interest between a sociologist and a bureaucratic administrative system.

Results and its discussion. Three types of traps are considered: institutional (determined by the specifics of the legal environment and the organization of university life, the special clan positioning of the sociology of education in the production and dissemination of sociological knowledge), manipulative (created to covertly control the actions of the investigator), reflexive, generated by the sociologist himself due to a lack of information or inability to adequately to interpret it. It is concluded that the task of overcoming traps should be solved in the context of the general problem of sociological security and the introduction of professional training programs for sociologists in Russia.

Keywords: education; higher education; sociology of education; manipulative technologies; trap; administrative and bureaucratic system of university management; pedagogical rent.

For citation: Babintsev V.P., Osipov A.M., Serkina Ya. I. (2024). A sociologist in the administrative environment of a university: traps for a researcher. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), P. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.1>.

Введение

Социология образования – одна из наиболее состоявшихся отраслей социологии в нашей стране. Достаточно указать на два обстоятельства. Во-первых, на публикации в журналах, посвященные анализу состояния отрасли (Григорьев, Матвеева, 2002; Иванова и др., 2013; Осипов, Матвеева, 2009, 2015; Осипов и др., 2020; Осипов, Тумалев, 2004; Осипов, Иванова, 2016). Способность работающих в ее рамках авторов к теоретической рефлексии свидетельствует о достижении своего рода «степени зрелости». Во-вторых, на широкий круг учебных изданий (Гаврилюк, 2003; Зборовский, Шуклина, 2005; Нечаев, 1992; Осипов, 1998, 2006; Осипов и др., 2024; Фурсова, 2013), на устоявшиеся научно-отраслевые концепции.

Тем не менее, для отрасли типичен ряд противоречий. Так, еще в 2013 г. отмечалось: «В социологии образования выполнен большой объем эмпирических исследований, но их чертами остаются тематическая фрагментарность, слабая преемственность и сопоставимость, неявная теоретическая и практическая результативность» (Иванова и др., 2013, 96). Наиболее значимыми из них авторы считают непроработанность методологического аппарата, неоправданную диверсификацию и смещение акцента на эмпирическое изучение частных аспектов, сервильность. Следствиями являются дефицит исследований, анализирующих систему управления образованием и высшей школой и снижение авторитета науки. И хотя появились исследования, рассматривающие специфику сложившихся в вузах административно-бюрократических структур, многие аспекты их деятельности остаются мало изученными социологами.

Цель данной статьи – показать механизмы бюрократического манипулирования субъектами социологических исследований в вузах посредством использования технологии ловушек. Авторы писали о них в ряде публикаций (Бабинцев и др., 2022; Бабинцев и др., 2023; Бабинцев, Серкина, 2023)). Надо отметить длительное невнимание многих социологов к этим механизмам.

Методы исследования

Проблема ловушек для социолога, исследующего образовательные системы, специально не ставилась и не рассматривалась в отечественной научной литературе. Она смыкается с проблемой управляемых факторов надежности исследования (Социология образования, 2024, с. 327-337). В зарубежной социологии обращения к ней имеют гораздо большую историю¹, но редко прорабатываются в научно-методическом аспекте и остаются неупорядоченными, выпадая даже из учебников. И для нас эта тема стала довольно неожиданной при экспертном опросе 38 социологов из 14 регионов России, проводивших исследования в вузах. На основе полученных данных мы сформулировали общий концепт ловушек (Бабинцев и др., 2023), имея в виду

¹ The Sociology of Sociology. Ed. by L.T. Reynolds, J.M. Reynolds. N.Y.: David MacKay Co., 1970. 438 P.

готовность ученых к встрече с ними и внедрения этого концепта в подготовку социологов. Объектом изучения выступали ситуации ловушек в сфере высшего образования, но нельзя не видеть их сходства с другими сферами работы социологов.

Анализ этой проблемы был осуществлен путем изучения публикаций по теме ловушек и реконструкции опыта проведенных ранее исследований, к числу которых относятся:

- упомянутый выше экспертный опрос по проблеме ловушек;
- авторские исследования в вузах Белгородской области и других регионов России в 2005-2015 гг. на базе созданного в Белгородском государственном университете Центра социальных технологий²;
- инициативные НИР: «Управление инновационным развитием вуза» (2012) в Белгородской, Волгоградской, Курской, Липецкой, Орловской обл.; «Ограничения и риски внедрения цифровых технологий в региональных вузах» (2021) в Белгородской, Курской, Воронежской, Волгоградской обл.; «Дигитализация образовательного пространства провинциального вуза: проблемы и перспективы» (2022) в Белгородской, Курской, Воронежской обл.;
- вторичный анализ НИР, реализованных аспирантами, докторантами и соискателями Белгородского государственного национального исследовательского университета (Тарабаева, 2009; Озерова, 2017; Логвинова, 2020; Луговская, 2018; Конищева, 2023);
- НИР по проблеме информационных потоков в образовании (межрегиональная выборка, 2018-2020) по гранту РНФ №18-18-00047 и информационных перегрузок в системе образования Санкт-Петербурга (2023-2024) по гранту РНФ и СПбНФ №23-28-10010.

Обсуждение результатов

Уточнение понятий

Термин «ловушка» многозначен, его можно в рабочем порядке определить как намеренно созданные ситуации обмана, фальсификации в процедурах или результатах исследования. Он используется в социально-гуманитарном знании³. Специалисты пишут о социальных, институциональных, жизненных и иных ловушках, зачастую не пытаясь дать определение данному феномену. Многозначность ловушек связана с разнообразием, «сочетанностью» их самих и порождаемых ими затруднений для исследователя. «По оценке Е.В. Балацкого, в российском сегменте исследований описаны десятки видов ловушек, инструментарий теории институциональных ловушек оперирует такими понятиями, как факторы и механизмы возникновения институциональных ловушек, дисфункции институциональных ловушек (по работам В.М. Полтеровича в период с 1999 по 2007 гг.), ... разработана система рангов институциональных ловушек, включающая глобальные, системные, структурные ловушки и институциональные ловушки финансового ранга» (Сафина, 2012, 137). Термин «ловушка» сегодня вряд ли вписывается в устоявшуюся систему научно-методических категорий социологии, остается социальной метафорой, но обусловленные данным феноменом проблемы встречаются в практике исследований любого масштаба.

Во-первых, в известных нам работах ловушка описана как ситуация, возникающая при попадании субъекта в обстоятельства, уже получившие институциональное закрепление, своеобразный замкнутый круг, выход из которого связан с потерями. Профессиональная деятельность социолога в образовательном пространстве пронизана взаимодействиями с людьми (администраторами, коллегами, респондентами), и ловушки – «рабочие» моменты этих взаимодействий. Они подчас не институционализированы *формально*, подвижны, а потому с трудом поддаются идентификации и типологизации. Ловушки – продукт группового действия в корпоративных структурах, которыми становятся вузы (Осипов, Иванов, 2004; Титаев, 2016).

Во-вторых, остается открытым вопрос о возможности ученого попасть в собственные, не распознанные своевременно ловушки из-за дефицита информации и/или ее неадекватной оценки.

В-третьих, ловушки играют деструктивную роль в изучении объекта, но и проблема обмана с позитивными следствиями не имеет однозначного решения. Деструктивность проявляется в

² Были проведены НИР по темам: «Социологический мониторинг системы качества», «Анализ взаимодействия между структурными подразделениями», «Формирование имиджа университета», «Оценка эффективности работы института кураторства БелГУ».

³ Термин «ловушка» восходит к охотничьим практикам, когда охотник, осознавая повадки добычи и используя приманки, расставляет на звериных тропах средства охоты, ловли (ямы, флажки, капканы, мережи, петли). Жертву пробуждают двигаться нужным охотнику путем, что и обеспечивает его последующую «успешность».

снижении качества собираемой информации и/или «когнитивном кризисе» социолога – его разочаровании в способности адекватно интерпретировать реальность [Римский, 2018, с. 18].

С учетом данных обстоятельств мы определяем ловушку, в которую может попасть социолог, исследующий сферу высшего образования, как негативные для него ситуации, обусловленные особенностями институциональных деформаций жизни вуза, либо намеренно создаваемые представителями корпоративного менеджмента, либо вызванные когнитивной несостоятельностью ученого. Любая ловушка, как правило, отражает наличие латентного конфликта интересов социолога и бюрократической административной системы. В такой ситуации любые действия ведут к снижению качества результатов НИР, что противоречит интересам науки.

Ниже мы рассмотрим три вида ловушек для социолога в пространстве высшей школы⁴:

- институциональные, вызванные особенностями организации вузовского пространства, характером его нормативного регулирования;

- манипулятивные, возникающие как результат действий вузовского менеджмента, ограничивающих субъектность социолога⁵;

- рефлексивные, в основе которых лежит неспособность адекватно оценить возможности НИР, ориентация на неадекватные концепции и принципы, применение не оправдавших себя методов исследования.

Общим для всех их является, во-первых, наличие «приманок» или пугающих «красных флажков», которыми в первом случае выступают внешние объективированные феномены; во втором – симулякры, созданные социальным окружением; в третьем – собственные иллюзии и химеры. Во-вторых, негативное влияние на результаты исследований и, соответственно, на принятые по их итогам решения. В-третьих, в конкретной ситуации разные виды ловушек могут проявляться одновременно, что усиливает негативные риски для качества НИР и усложняет ориентацию исследователя в такой ситуации.

Институциональные ловушки

Дуглас Норт рассматривал институты как «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» (Норт, 1993, 73). Можно утверждать: современный российский вуз все чаще живет по корпоративным правилам. Переосмысление модели вуза, заключающееся в отказе от «гумбольдтского типа» с его академическими свободами и организационной прозрачностью, и утверждение эталона предпринимательского типа стало следствием трактовки образования как сферы услуг. «Вузы, призванные строить модель будущего, вместо этого *оказывают образовательные услуги*. На рынке услуг ... функция рекламы (в данном случае – рекламы образовательных услуг) сводится к тому, чтобы формировать у потенциальных потребителей ... те потребности, которые выгодно удовлетворять производителю (в данном случае – вузам)» (Севостьянов, Гайнанова, 2014, 44).

Но, поскольку трансформация учреждений высшей школы в корпоративные структуры, на наш взгляд, пока не завершена, они соединяют некоторые традиционные (академические) и новые (корпорацентризм) нормы (Социология образования, 2024, 362-363). При этом первые все более вытесняются вторыми, которые поддерживаются топ-менеджерами, нередко в деструктивных формах. В результате создаются условия, делающие непривлекательным изучение административных практик и притягательным – анализ разных аспектов научно-образовательного процесса.

Один из ключевых моментов – усилившееся властное возвышение административного аппарата вуза (и его вспомогательных служб) над массой персонала, ведущей образовательную и научную деятельность, в т. ч. и социологические НИР. У этой массы нет властного и организационного ресурса для влияния на такой аппарат даже при абсурдном нагнетании им

⁴ Для полноты социологической картины ловушек отметим, что их типология может иметь и иные основания, влияющие на их локальную конфигурацию: В их числе: масштаб ситуации, когда ловушки действуют предельно широко (в рамках общества, например, в силу обязывающего федерального законодательства), в отдельных системах (сферах, отраслях), локально; характер позиции топ-менеджмента (руководителя) вуза по отношению к НИР, когда он пресекает возможные ловушки, или, наоборот, по сути, «охраняет» их действие.

⁵ Под субъектностью социолога мы понимаем его способность самостоятельно формулировать идеи, определять цели своей деятельности и принимать решения, относящиеся к профессиональной сфере.

бюрократических препятствий для успешной работы коллектива⁶. Институциональная деформация заключается и в том, что оценка деятельности исследователя почти полностью зависит не от его коллег-профессионалов, но именно от администраторов.

Непривлекательность изучения административно-бюрократической системы вуза связана и со сложностью ее правил и норм, сочетающих формальные и неформальные. В их число, наряду с организационно-правовыми нормами, входят: высокая степень формализации отношений, утилитарное восприятие топ-менеджментом реальности, групповая солидарность и группомыслие, лояльность руководителям. Их анализ означает вторжение в непривычный для внешнего наблюдателя и оберегаемый от посторонних мир. Вузовская бюрократическая иерархия своим *modus operandi* – формализмом и бумаготворчеством – отталкивает массу рядовых сотрудников, в которую обычно входят социологи. Бюрократия навязала вузам «культуру недоверия», а подчас и элементарный страх.

Система управления образованием и наукой ограничивает доступ к информации о механизмах своего функционирования. На уровне вуза эти механизмы, хотя в формально соответствуют нормативно-правовым актам, работают кулуарно (без протоколов или голосования – «позвоночное право»). Напротив, учебный и научный процессы более доступны для изучения. Результат – ловушка легкого выбора⁷.

Институциональной деформацией является формирование, по меньшей мере, двух субкорпораций – администраторов и преподавателей (в т. ч. научных работников). Некоторые авторы указывают на непростые отношения между ними. Так, М.В. Курбатова и Е.С. Каган писали об оппортунизме преподавателей: «Реформирование российской системы высшего образования сопровождается изменением институциональной природы вузов, их превращением в клиентоориентированные организации, формирует новые стимулы деятельности... Все это сопровождается ухудшением академической среды, ограничением академических свобод и снижением академических стандартов» (Курбатова, Каган, 2016, 133-134).

Развитие событий показало ограниченность такого оппортунизма и его опасность в условиях, когда вузы, оптимизирующие свои структуры по образцам корпораций, легко расстаются с более опытными и творческими работниками⁸, а рынок труда в науке и вузах узок. Административная корпорация часто агрессивна и безжалостна в своих действиях. Социологи, как часть общности преподавателей и научных работников, в большинстве случаев выбирают «мирное сосуществование» с бюрократами, которых отчаянно не любят и обоснованно боятся, но предпочитают риску увольнения те не очень значительные преференции, что дает педагогическая рента⁹. Предпочтение гарантированных этой рентой минимальной стабильности и привычности, в противовес рискам рынка труда, превратилось для части ученых в ловушку.

Институциональные ловушки получают «академическую» подпорку со стороны «маститых» авторов, уводящих исследователей от реальной картины и насущных проблем образования, подчас и от перспективных концепций и пороговых проблем научной отрасли.

⁶ Так, в РГПУ им. А.И. Герцена действует условие, по которому для приема на работу будущий сотрудник сдает в отдел кадров 24 вида личных документов или их нотариально заверенных копий, проходит 4 инструктажа (по графику работы разных отделов). Программы НИР в вузе «утверждаются» сотрудниками, не имеющими в большинстве случаев должной научно-отраслевой квалификации.

⁷ Эта доступность, привлекая, прежде всего молодых исследователей, своей мнимой простотой и предвосхищением «скорох результатов», которые всегда востребованы, в действительности не так уж очевидна. Образовательный и научный процессы в вузах заключают в себе довольно много скрытых проблем и неформальных практик, содержат значительные элементы имитаций, которые также трудно идентифицировать социологическими методами, несмотря на то, что для участников они очевидны.

⁸ Более того, руководству университета выгоднее уволить профессора, чем ассистента, поскольку зарплата первого втрое выше, следовательно, он менее выгоден с псевдозэкономической точки зрения.

⁹ Мы используем понятие «педагогическая рента» по аналогии с «академической рентой», определяя его как эффект от научно-образовательной деятельности, который преподаватель или научный сотрудник может использовать для собственного благополучия. По своей структуре оба вида ренты похожи и включают: денежный доход (прямой, косвенный, теневой), неденежный (творчество, свобода, репутация, признание) и антирисковый компоненты (сохранение работы, служебный рост). И, несмотря на ограниченность денежных и антирисковых компонентов, свобода и творчество сохраняют свое значение для работников вузов.

Именно в таком ключе они представлены в новом обзоре социологии образования Г.Е. Зборовским в «Социологических исследованиях» (Зборовский, 2024, 98-111). Этот автор пишет о росте количества публикаций, но «не заметил», что журнал после ухода с поста главного редактора Ж.Т. Тощенко не публикует проблемных и фундаментальных статей о состоянии российской системы образования в ее кризисный период. Мнение Г.Е. Зборовского расходится и с архивом журнала: он сообщает о 178 статьях в журнале за 2011-2024 гг. (на деле их было 111). Судя по архиву журнала, в 2021-2023 гг. это число падало (соответственно, 9, 7, 5). «Академические» подпорки – некоторые сложившиеся в науке и высшей школе кланы, ставшие органическим элементом административно-бюрократической системы. Так работает давняя ловушка сервильности «научных авторитетов».

Она реализуется посредством ангажирования части ученых (не только социологов, но и авторитетных представителей любых областей социально-гуманитарного знания), создания для них статусных преференций (членство в редакциях научных журналов, присвоение наград и званий, раздача грантов и т. п.). Совпадение основных декларируемых ими позиций, являющееся не следствием изучения реальностей высшей школы, но неких конвенций, дает основания для заключения, что в социологической науке (вероятно, и не только в ней) научные школы отчасти замещаются *наукopodobными* кланами. Их представители защищают бюрократическую политику посредством *имитации* предметно-научного дискурса в категориях «низкой размерности»¹⁰, что характерно для упомянутого выше обзора, смещают дискуссии на заведомо второстепенные вопросы и игнорируют *пороговые* проблемы.

Манипулятивные ловушки

Администрации вузов, по словам почти половины экспертов, осторожны в отношении проводимым в их учреждениях исследованиям. Отчасти такое отношение оправдано в интересах охраны корпоративного знания – сведений, относящихся к процессу разработки и реализации управленческих решений (Луговская, 2018, 75). Административная установка на информационный контроль нередко мотивируется стремлением скрыть существующие проблемы, которые, как полагает часть администраторов, следует замалчивать ради сохранения корпоративной солидарности (и своей репутации). Подобные практики, которые, к сожалению, имеют основание в организации жизни в стране в целом, называют «страусиной политикой».

Социолог для сторонников такой политики – нежелательный возмутитель спокойствия, деятельность которого лучше ограничить. В упомянутом экспертном опросе каждый третий социолог отметил, что сталкивался с административными запретами. Если же запрет невозможен, администраторы отказываются от публичного обсуждения результатов исследования. Около половины экспертов сообщили, что руководство вузов *никогда* не обсуждало результаты их НИР; более трети *иногда* участвовали в обсуждениях и лишь 10% признали, что результаты НИР обсуждались регулярно. Здесь мы наблюдаем традиционную административную ловушку, механизм которой представлен фантастом П. Валё в книге «Гибель 31 отдела». Он заключается в том, чтобы разрешить социальному субъекту обосновывать и проектировать любые действия в области изменения массового сознания, но ограничивать знакомство с ними узким кругом доверенных людей, показывая им, что не следует делать.

В условиях цифровой революции на смену административным запретам приходят манипулятивные практики, суть которых – в скрытом управлении людьми. Манипуляции становятся «одним из главных способов формирования социальных взаимодействий» (Нуриджанов, 2015, 65), в том числе и высшей школе. Большинство их связано с феноменом ловушек: приманивание, «создание требований» (удовлетворяемых лишь субъектом манипулятивного действия), *растяжение сети власти* (включение дополнительных источников зависимости), подсказки, косвенный информационный контроль.

Распознать манипулятивные ловушки сложно. В их существовании не признаются ни администраторы в силу репутационных соображений, ни социологи из-за многообразия управленческих воздействий.

Судить о наличии таких ловушек можно по косвенным признакам:

1. Поощрение «однаправленности исследований» исследований и табуирование ряда тем. Бюрократия вуза не может игнорировать запрос на социологию, тем более, что применение ее методов в ряде случаев предписано нормативно (например, в системе менеджмента качества).

¹⁰ Противопоставление мышления высокой и низкой размерности описывает Н. Талеб: первому присуща многомерность в восприятии проблем, второе выражается в ее одномерной интерпретации [Талеб, 2018].

Более того, исследования даже инициируются руководством вуза и его подразделений, что с удовлетворением воспринимают некоторые авторы. Так, например, утверждается: повышенная социологическая активность в том или ином сегменте образования имеет объективные предпосылки, поскольку она фундируется стремлением понять, как изменяются позиции участников образовательной деятельности в условиях бесконечных реформ, «спускаемых сверху» (Образовательное..., 2014, 5).

Если активность социолога выходит за рамки разрешенного администраторами, она не поддерживается или пресекается. Так, в 2012 г. в Белгородском государственном университете был подвергнут административному разному отчет Центра социальных технологий по итогам опроса заведующих кафедрами, где 54% заведующих указали на бюрократизацию вуза (теперь широко признаваемый факт) и 61% – на чрезмерное число «контролеров». Напротив, исследования «нейтральных» тем получали поддержку со стороны администраторов, что выражало технологию «приманивания».

Ловушки – социальные технологии, выражающие реакцию бюрократии на ситуацию, в которой их стремление ограничить информацию о внутрисистемных проблемах противоречит потребности в социологической диагностике. Ловушки «уводят» социологов от острых кадровых, хозяйственных и институциональных проблем. В частности, на VIII Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии» в разделе «Управление и образование: социологический ракурс» по данной проблематике не было ни одного выступления (Материалы VIII..., 2018). На XIII конференции ни один из спикеров секции «Образование и профессия: стратегии и практики в новой реальности» не обсуждал эти проблемы (Материалы XIII..., 2023). Таким же был настрой на VI Всероссийском социологическом конгрессе: большинство сообщений по проблемам высшего образования были о конкретных исследованиях без теоретических обобщений и выводов в отношении эффективности управления вузами и всей отраслью. Это, по нашему мнению, и есть общий результат манипулятивных технологий приманивания и табуирования – деформация проблемного поля социологии и торможения ее концептуального развития.

2. Презентация и реализация подлежащих социологическому обеспечению управленческих решений, которые не (или мало) соответствуют реальному положению дел, говорит о наличии у их авторов латентных целей, целей-симулякров. Пример такой ловушки – внедрение социологического мониторинга в систему менеджмента качества (СМК) в вузах. Но СМК, ориентированная на формальные показатели, часто воспринимается как излишняя, хотя и обязательная процедура, что переносится на социологический мониторинг: «внимание руководства не нацелено на привлечение необходимого количества социологов, соразмерного масштабам работ», но выражается в регламентации обязанностей «исследователей по изучению проблем качества образования. Требования проверяющих соотносятся с иной оценочной шкалой, чем у социологов или представителей вуза» (Довейко, Стеценко, 2018, 139-140). Следствие попадания в эту ловушку информационного контроля – репутационные издержки социологии образования как «сервильной» науки и ее деятелей.

3. Создание вузовских социологических центров под патронажем администрации. При их финансовой зависимости от администрации, они могут превратиться в «рыбные садки» - структуры, в которых происходит селекция лояльных исследователей (Курбатова, Каган, 2016). К тому же, возможности таких центров ограничены из-за дефицита необходимой инфраструктуры (Стеценко, 2016, 534). Ловушка создается посредством *растяжения сети власти* – дополнительных источников зависимостей, дающих возможность администраторам корректировать в желательном направлении исследовательский процесс и интерпретацию его результатов. Работа в таком центре обычно оплачивается, ловушка действует успешно (особенно среди молодых сотрудников (Шереги, Кириллов, 2017, 97).

Манипулятивная ловушка включает ряд элементов. Среди них:

1) скрытая цель, воплощающая корпоративный интерес, например, ожидание позитивной оценки со стороны вышестоящего менеджмента. Она диктуется административно-бюрократическим аппаратом вуза в рамках, заданных федеральными стандартами, чем обесценивается идея социологических измерений – они излишни, все заранее предписано;

2) «декоративная» цель (цель симулякр) – позитивно окрашенный образ будущего, достижение которого якобы связано с выполнением действий, требующих социологического обеспечения. Акцент на гуманитарном характере цели побуждает социологов выстраивать «под нее» свой инструментарий;

3) шаблон рекомендуемых социологу действий. Обычно шаблон предписывает конкретные методы (чаще всего – анкетирования и формулировки вопросов и шкал),

минимальные (и даже недостаточные для репрезентативности) объемы выборок, одобренные списки анкетизируемых аудиторий;

4) «приманка», демонстрация выгод, которые якобы могут быть получены отдельным социологом или исследовательским коллективом. Приманки, разумеется, не допускают «отрицательного» результата, означающего ухудшение репутации администрации по итогам (в выводах) исследования.

Манипулятивные ловушки решают важные для администрации задачи:

- профилактическую – предотвращение будущих негативных для инициаторов ловушки выводов социологического исследования, на что направлено создание в вузе научных подразделений (социологических лабораторий), чья деятельность ограничена выполнением «разрешенных» проектов, прежде всего, поверхностных социальных характеристик образовательного процесса;
- корректирующую – воздействие на процесс исследования. Администраторы вуза в этом случае обещают ученым благоприятные условия для работы, что оборачивается для социологов вынужденной «игрой по чужим правилам». Соглашаясь на это, социолог может получать фальсифицированные первичные данные и заранее подобранные администраторами аудитории, где опросы ведутся «под давлением» (Титаев, 2016, 892-893);
- интерпретирующую – истолкование результатов НИР в духе «корпоративного» интереса¹¹. Интернетизация образовательной среды снизила частоту использования такой практики, придавая интерпретациям публичность. Однако опрос экспертов показал: четверть их сталкивалась с попытками администраторов оспорить результаты, треть – с критикой методики.

Манипулятивные ловушки включают не все «социологические институты» в вузах. Однако порой трудно провести границу между продуктивным административным содействием и скрытым бюрократическим управлением социологическим процессом. Здесь важную роль играет интуиция исследователя и его способность к социологической реконструкции образовательных проблем и методологической рефлексии.

Рефлексивные ловушки

Если институциональные и манипулятивные ловушки являются внешними для социолога, то рефлексивные он может создавать сам на разных этапах НИР, руководствуясь неверной информацией и неадекватно оценивая достоверную. В обоих случаях он проявляет неспособность критически оценить свой профессиональный опыт, ориентируясь на симулякры. Этому способствует необоснованная автономия и «закрытость» части исследований¹².

На этапе разработки программы исследования чаще всего возникает ловушка «модного тренда». Она заключается в подмене самостоятельного определения концепции и методов исследования заимствованием их у авторов, которые являются популярными и проявляют активность в пространстве публичного научного дискурса. В тех случаях, когда эти концепции и методы выбираются с ориентацией на их эвристический потенциал и соответствуют исследовательской ситуации, заимствование их уместно. Ловушка возникает, когда социолог обращается к ним для демонстрации собственной компетентности и нестандартности мышления.

Связана с предыдущей и ловушка «зачарованности концепцией» – некритическое использование теоретических конструкций, подстраивание под них целевых установок и процедур новой НИР, что сокращает ее горизонты.

Встречается и ловушка «упрощения». Она сводится к ограничению выбора методов исследования до спектра количественных. Это стремление нередко поддерживается администрацией вуза, обычно ориентированной на *упрощенные* подходы (Немирова, 2018), простые решения.

На полевых этапах исследований возникают ловушки «настроенной аудитории», «непреложности замысла», «рационального максимализма». Первая – форма косвенного административного контроля (подготовке респондентов к ответам, которые выгодны администрации; отбор участников фокус-групп и предложение «нужных людей» в состав

¹¹ Как показал опыт одного из авторов статьи в качестве заместителя руководителя Центра социальных технологий Белгородского национального исследовательского университета (2000–2005 гг.), эта задача решается в публичных обсуждениях выводов НИР, оспариваемых с позиций «локального патриотизма».

¹² В 1990-е гг. программы и отчеты НИР по социологии, проводимых в вузах, проходили обязательное утверждение в научно-методических советах крупных вузов, имеющих профильные факультеты (как СПбГУ).

экспертных панелей. Исследования регламентируются приказами, задающими формальные условия. И хотя «приказной порядок» не всегда эффективен (Стеценко, 2016, 533), социолог принимает его, обрекая себя на получение в последующем картины, не соответствующей реальности, что уместно квалифицировать как ловушку.

Вторая ловушка связана с отрицанием возможности корректировки стратегии НИР и исходит из ложной презумпции безошибочности исследователя. Заняв эту позицию, социолог превращает свои возможные изначальные ошибки в серьезные просчеты, снижающие качество выводов НИР и в перспективе – основанных на них управленческих решений.

Ловушка «рационального максимализма» заключается в убежденности социолога, что люди в большинстве своем поступают рационально, и их поведение можно в полной мере понять со столь же рациональными процедурами социологических измерений. Так недооцениваются иррациональные и нерациональные реакции в человеческом мышлении и поведении (по Э. Бёрку – предрассудки (Burke, 1987)), а преувеличение возможностей рационального анализа мешает понять и описать богатую оттенками реальность.

На этапе презентации результатов обычно возникает несколько ловушек:

- мнимая очевидность, непонимание того факта, что очевидное для ученого – не обязательно убедительно другим. Игнорирование этого может вести к взаимному отторжению исследователя и индивидов в изучаемой ситуации;
- неоправданная экстраполяция на окружающих намерений самого социолога, пытающегося понять тенденции развития и поле проблем образования. Во многих случаях не только администрация, но и коллеги по вузу воспринимают проблематизацию как попытку поставить под сомнение их заслуги, создать трудности и рассматривают НИР в качестве интеллектуальной диверсии;
- мнимая самодостаточность дискурса, при которой социолог безосновательно полагает, что понятные ему результаты проведенной НИР очевидны и другим, а они требуют особых разъяснений. Однако, напротив, типична ситуация, в которой эти итоги НИР не будут востребованы менеджментом не только по причине его консерватизма или корпоративного эгоизма, но и из-за его погруженности в рутину повседневности и недостаточной научной компетентности.

Заключение

Формулируя и рассматривая проблему ловушек, возникающих в ходе социологических исследований в высшей школе, мы не считаем ее неразрешимой и даже наиболее важной среди многих других проблем. Акцент на ней связан с тем, что до недавнего времени феномену ловушек уделялось в публичном дискурсе внимание, не соответствующее их роли в научно-познавательном процессе. Это, с одной стороны, вело и ведет к формированию неадекватной социологической картины развития современного российского высшего образования, в том числе в крупных публикациях по социологии высшей школы. С другой стороны, социологи, как правило, попадали и попадают в ловушки, не имея о них систематизированного представления из-за пробелов своей профподготовки.

Масштабы ловушек различаются в зависимости от характеристик социальной и организационно-нормативной среды вуза, позиции его руководства. Возможность попадания в них во многом определяется профессиональным и личностным потенциалом самого социолога. Ее негативные следствия для исследований часто недооцениваются. Однако цена их довольно высока. Она определяется не только перспективой формирования у исследователя индивидуальных ошибочных представлений и его репутационными издержками. Ловушки, выступая инструментом манипуляций, несмотря на сравнительно незначительную степень влияния социологии на процесс регионального управления, все же оказывают воздействие на процесс принятия управленческих решений хотя бы тем, что ориентируют общественное внимание не на реальных, но мнимых проблемах. И данное обстоятельство позволяет представить их функционирование как часть проблемы социологической безопасности, которая, в отличие от других видов безопасности (информационной, интеллектуальной, духовной и т.п.), пока не получила необходимого осмысления в научной литературе.

Литература

- Бабинцев, В. П. Корпоративные отношения в российских вузах: разрыв традиции / В. П. Бабинцев // Высшее образование в России. – 2017. – № 7. – С. 26-35. – EDN ZAYFKP.
- Бабинцев, В. П. Вузовская бюрократия в России - terra incognita социологии образования / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 895-908. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022->

22-4-895-908. – EDN VKBSBW.

Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, И. Э. Надуткина, Ж. А. Шаповал // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 50-69. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.4>. – EDN YHIWQG.

Бабинцев, В. П. Институционализация социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов в провинциальных городах России / В. П. Бабинцев, Я. И. Серкина // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 26-43. – <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.2>. – EDN RBEEAH.

Гаврилюк, В. В. Социология образования : Учеб. пособие / В. В. Гаврилюк ; В.В. Гаврилюк ; М-во образования Рос. Федерации. Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. – 232 с. – ISBN 5-88081-331-2. – EDN QOCFVL.

Григорьев, С. И. Социология образования как отраслевая теория в современном социологическом витализме / С. И. Григорьев, Н. А. Матвеева. – Барнаул : Алтайский региональный научный центр СО РАО, 2002. – 168 с. – (Социология и социальная антропология). – ISBN 5-93347-021-4. – EDN XBDBNN.

Довейко, А. Б. Социологические аспекты мониторинга качества образования в Воронежском государственном университете / А. Б. Довейко, А. И. Стеценко // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 17 сентября 2018 года / Министерство высшего образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральское отделение Российского общества социологов. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. – 378 с. – ISBN 978-5-7584-0334-1. – EDN YANVVB.

Зборовский, Г. Е. Социология образования : учеб. пособие для студентов социол. и пед. специальностей / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина ; Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. – Москва : Гардарики, 2005. – 383 с. – (Disciplinae). – ISBN 5-8297-0237-1. – EDN QODURT.

Зборовский, Г. Е. Проблемы образования на страницах журнала Социс / Г. Е. Зборовский // Социологические исследования. – 2024. – № 7. – С. 98-111. – DOI 10.31857/S0132162524070108. – EDN GNZMRL.

Современная социология образования в России: некоторые итоги и проблемы развития / В. А. Иванова, Н. А. Матвеева, А. М. Осипов, П. И. Рысакова // Социологические исследования. – 2013. – № 5(349). – С. 95-103. – EDN QYQKYT.

Конищева, Е. В. Регулирование взаимодействий субъектов образовательного пространства вуза в ситуациях профессионально-жизненных затруднений : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Конищева Евгения Васильевна, 2023. – 218 с. – EDN MLRPHQ.

Курбатова, М. В. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности / М. В. Курбатова, Е. С. Каган // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 116-136. – DOI 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136. – EDN WNHUGV.

Логвинова, А. В. Регулирование социальных рисков административного управления региональным вузом : специальность 22.00.08 "Социология управления" : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Логвинова Анастасия Владимировна, 2020. – 198 с. – EDN FSTDHD.

Луговская, М. В. Управление корпоративными знаниями в провинциальных вузах : специальность 22.00.08 "Социология управления" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Луговская Мария Владимировна, 2018. – 19 с.

Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции "Социолог 2.0: трансформация профессии", Москва, 18–19 апреля 2018 года / Отв. ред. А.В. Кулешова. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018. – 482 с. – ISBN 978-5-906345-15-8. – EDN UQYAYA.

Переустройство мира: исследования (в) новой реальности : Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 25–27 мая 2023 года. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. – 222 с. – ISBN 978-5-906345-46-2. – EDN GAUNHK.

Немирова, Н. В. Метод кейс-стади в оценке качества образования: методологические преимущества / Н. В. Немирова // Материалы VIII международной социологической Грушинской

конференции "Социолог 2.0: трансформация профессии", Москва, 18–19 апреля 2018 года / Отв. ред. А.В. Кулешова. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018. – С. 167–170. – EDN XPQZBV.

Нечаев, В. Я. Социология образования : учеб. пособие / В. Я. Нечаев. – Москва : МГУ, 1992. – 198 с.

Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение / Д. Норт // THESIS. – 1993. – Т. 1, Вып. 2. – С. 69–91.

Нуриджанов, А. Э. Значение технологий скрытого управления культуре менеджмента бизнес-организаций регионов России / А. Э. Нуриджанов. – Уфа: Диалог, 2015. – 219 с.

Озерова, М. М. Корпоративные коммуникации в управлении вузом : специальность 22.00.08 "Социология управления" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Озерова Маргарита Михайловна. – Белгород, 2017. – 22 с. – EDN ZQFGHP.

Осипов, А. М. Общество и образование: лекции по социологии образования / А. М. Осипов. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1998. – 204 с.

Осипов, А. М. Социология образования: Очерки теории / А. М. Осипов. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 504 с.

Осипов, А. М. Университет как региональная корпорация / А. М. Осипов, С. В. Иванов // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 162–172.

Осипов, А. М. Институциональные функции — «пороговая» проблема современной социологии образования / А. М. Осипов, В. А. Иванова // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 118–125.

Осипов, А. М. Институциональные барьеры и механизмы доступности образования: концепция и региональная динамика / А. М. Осипов, Н. А. Матвеева // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 37–48.

Осипов, А. М. Социология образования в России: «работа над ошибками» в начале XXI века / А. М. Осипов, Н. А. Матвеева // Высшее образование в России. – 2009. – № 9. – С. 36–42.

Осипов, А. М. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа / А. М. Осипов, Н. А. Матвеева, П. А. Бояджиева, Я. А. Воронцов // Социологические исследования. – 2020. – № 3. – С. 60–70.

Осипов, А. М. Социология образования в России: проблемы и перспективы / А. М. Осипов, В. В. Тумалев // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 120–127.

Социология образования : Учебник и практикум для вузов / А. М. Осипов, В. В. Матвеев, Н. А. Матвеева [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-534-15347-7. – EDN ZBMOIE.

Образовательное пространство школы: опыт социологических исследований : коллективная монография. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. – 246 с. – ISBN 978-5-7186-0626-3. – EDN ZDCDBZ.

Римский, В. Л. Помогают ли социологи гражданам формировать собственные мнения о реальности? / В. Л. Римский // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции "Социолог 2.0: трансформация профессии", Москва, 18–19 апреля 2018 года / Отв. ред. А.В. Кулешова. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018. – С. 16–19. – EDN UQYKZE.

Сафина, Л. М. Институциональная ловушка формирования качества трудовой жизни / Л. М. Сафина // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 137–139. – EDN STVUBF.

Севостьянов, Д. А. Ценности образования: инверсия смыслов / Д. А. Севостьянов, А. Р. Гайнанова // Высшее образование в России. – 2014. – № 2. – С. 43–48. – EDN RVKMSV.

Социология образования: учебник для вузов / Под ред. А.М. Осипова. 3-е изд. – М.: Юрайт, 2024. – 393 с.

Стеценко, А. И. Основные принципы и критерии организации социологического мониторинга качества образования // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16 – 17 марта 2016 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2016. – С. 532–535.

Талев Н. Рискающая собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни / Н. Талев. – М.: Колибри, 2018. – 379 с.

Тарабаева, В. Б. Управление конфликтами инновационного развития вузов : специальность 22.00.08 "Социология управления" : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Тарабаева Виктория Борисовна. – Белгород, 2009. – 434 с. – EDN QEKBRV.

Тумаев, К. Д. Опросы «под давлением»: как проверить качество данных, когда они собираются в закрытой для исследователя институции // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16 – 17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2016. – С. 892–895.

Фурсова, В. В. Социология образования. Зарубежные парадигмы и теории : Монография / В. В. Фурсова. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 195 с. – ISBN 978-5-4458-3471-7. – EDN SULTFB.

Шереги, Ф. Э. Труд преподавателя вуза: творчество или "выживание"? / Ф. Э. Шереги, А. В. Кириллов // Социологические исследования. – 2017. – № 11(403). – С. 87-98. – DOI 10.7868/S0132162517110101. – EDN ZRQQPP.

Burke, E. Reflection on the revolution in France / E. Burke. – Indianapolis: Hackett Pub. Co., 1987. – 215 p.

References

Babintsev V. P. Corporate relations in Russian universities: breaking tradition. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2017; 7: 26-35. (In Rus)

Babintsev V. P., Gaidukova, G. N., Shapoval J. A. University democracy in Russia - the terra incognita of sociological education. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*. 2022; 4: 895-908. (In Rus)

Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval J. A. Investigation or investigation: prospects for the development of sociology of higher education in conditions of bureaucratization and commercialization. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14; 2: 50-69. (In Rus)

Babintsev V. P., Serkina Ya. I. Institutionalization of social risks of digitalization of the educational space of universities in the provincial cities of Russia. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2023; 11; 1: 26-43. (In Rus)

Gavrilyuk V. V. Sociology of education: a textbook. Tyumen: TSU = Tyumen: TSU; 2003. 232 p. (In Rus)

Grigoriev S. I., Matveeva N. A. Sociology of education as a branch theory in modern sociological vitalism. *Barnaul: ARNTS RAO = Barnaul: ARNTS RAO*; 2002. 168 p. (In Rus)

Doveyko A. B., Stetsenko A. I. Sociological studies of monumental quality at Voronezh State University // Higher education in the Russian Republic: results of the XXI century. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (September 17, 2018, UrFU, Yekaterinburg). *Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy = Yekaterinburg: An armchair scientist*. 2018: 136-140. (In Rus)

Zborovsky G. E., Shuklina E. A. Sociology of education: a textbook. Moscow: Gardariki = Moscow: Gardariki; 2005. (In Rus)

Zborovsky G. E. Problems of education on the pages of the journal Socls. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2024; 7: 98-111. (In Rus)

Ivanova V. A., Matveeva N. A., Osipov A. M., Rysakova P. I. Modern sociology of education in Russia: some results and problems of development. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2013; 5(349): 95-103. (In Rus)

Konishcheva, E. V. Regulation of interactions of subjects of the educational space of the university in situations of professional and life difficulties": dissertation for the degree of cand. social sciences. Belgorod; 2023. 218 p. (In Rus)

Kurbatova M. V., Kagan E. S. Opportunism of university leaders as a way to involve them in the foreign policy of the state. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2016; 8; 3: 116-136. (In Rus)

Logvinova A. V. Regulation of social risks of administrative management of a regional university: abstract of dissertation for the degree of cand. social sciences. Belgorod; 2020. 19 p. (In Rus)

Lugovskaya M. V. Corporate knowledge management in provincial universities: dissertation for the degree of cand. social sciences. Belgorod; 2018. 192 p. (In Rus)

Materials of the VIII international sociological Grushin conference "Sociologist 2.0: transformation of the profession", April 18-19, 2018 / ed. by A. V. Kuleshova. Moscow: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion; 2018. 482 p. (In Rus)

Reorganization of the world: research (in) the new reality: Proceedings of the XIII International Sociological Grushin Conference, Moscow, May 25–27, 2023. Moscow: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion; 2023. 222 p. (In Rus)

Nemirova N. V. The case study method in assessing the quality of education: methodological

advantages. *Materials of the VIII International sociological Grushin conference "Sociologist 2.0: transformation of the profession", April 18-19, 2018* / ed. by A.V. Kuleshova. Moskva: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion; 2018: 24-28. (In Rus)

Nechaev V. Ya. Sociology of education. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet = Moscow: Moscow State University; 1992. 198 p. (In Rus)

North D. Researchers of astronomical growth: a historical introduction. *THESIS = THESIS*. 1993; 1; 2: 69-91. (In Rus)

Nuridzhanov A. E. The importance of hidden management technologies in the culture of management of business organizations in the regions of Russia. Ufa: Dialog = Ufa: Dialog; 2015. 220 p. (In Rus)

Ozerova M. M. Corporate communications in university management: abstract of dissertation for the degree of cand. social sciences. Belgorod; 2017. 17 p. (In Rus)

Osipov A.M. Society and education: lectures on the sociology of education. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo = Veliky Novgorod: NovGU named after Yaroslav the Wise; 1998. 204 p. (In Rus)

Osipov A.M. Sociology of education: Essays on theory. Rostov-na-Donu: Feniks = Rostov-on-Don: Phoenix; 2006. 504 p. (In Rus)

Osipov A.M., Ivanov S. V. University as a regional corporation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2004; 11: 162-172. (In Rus)

Osipov A.M., Ivanova V. A. Institutional functions — the "threshold" problem of modern sociology of education. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2016; 1: 118-125. (In Rus)

Osipov A.M., Matveeva N. A. Institutional barriers and mechanisms of accessibility of education: the concept and regional dynamics. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2015; 7: 37-48. (In Rus)

Osipov A. M., Matyeva N. A. Sociology of education in Russia: "work on Albania" at the beginning of the XXI century. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2009; 9: 36-42. (In Rus)

Osipov A.M., Matveeva N. A., Boyadzhieva P. A., Vorontsov Ya. A. Russian education in the paper abyss: the experience of socio-logical analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2020; 3: 60-70. (In Rus)

Osipov A. M., Tumalyov V. V. Sociology of education in Russia: problems and prospects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2004; 7: 120-127. (In Rus)

Sociology of education: textbook for universities / Edited by A.M. Osipov. 3rd ed. Moskva: Yurait = Moscow: Yurait; 2024. 393 p. (In Rus)

The educational space of the school: the experience of sociological research: Collective monograph. Edited by E.V. Pryamikova; S.V. Frants. Yekaterinburg : Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universite = Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2014. 244 p. (In Rus)

Rimsky V. L. Do sociologists help citizens form their own opinions about reality? Proceedings of the VIII International Grushin Sociological Conference "Sociologist 2.0: transformation of the profession", April 18-19, 2018 / ed. by A.V. Kuleshova. Moskva: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion; 2018: 16-18. (In Rus)

Safina L. M. The institutional trap of forming the quality of working life. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2012; 2: 137-139. (In Rus)

Sevostyanov D. A., Gainanova A. R. Values of education: inversion of meanings. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2014; 2: 43-48. (In Rus)

Sociology of education: textbook for universities. Edited by A.M. Osipov. 3rd ed. Moskva: Yurait = Moscow: Yurait; 2024. 393 p. (In Rus)

Stetsenko A. I. Basic principles and criteria for the organization of sociological monitoring of the quality of education. Materials at the VI International Sociological Grushin Conference "The life of research after research: how to make the results understandable and useful", March 16-17, 2016 / ed. by A.V. Kuleshova. Moskva: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion; 2016: 532-535. (In Rus)

Taleb N. Risking his own skin. The hidden asymmetry of everyday life. Moskva: KoLibri = Moscow: KoLibri; 2018. 379 p. (In Rus)

Tarabayeva V. B. Conflict management of innovative development of universities: abstract of dissertation for the degree of Doctor of Social Sciences. Belgorod; 2009. 42 p. (In Rus)

Titaev K. D. Surveys "under pressure": how to check the quality of data when they are collected in an institution closed to a researcher. Materials at the VI International sociological Grushin conference "Life of research after research: how to make the results understandable and useful", March 16-17, 2016. Ed. by A.V. Kuleshova. Moskva: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-

Russian Center for the Study of Public Opinion; 2016: 892-895. (In Rus)

Fursova V. V. Sociology of education: Foreign paradigms and theories. *Moskva: Direct Media = Moscow: Direct Media*; 2013. 195 p. (In Rus)

Sheregi F. E., Kirillov A.V. Teacher's work: creativity or living. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2017; 11: 87-98. (In Rus)

Burke E. Reflections on the revolution in France. *Indianapolis: Hackett Publishing House*; 1987. 215 p.

Дата получения рукописи: 30.09.2024

Дата окончания рецензирования: 18.10.2024

Дата принятия к публикации: 20.10.2024

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и муниципального управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Осипов Александр Михайлович – доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: osipov.al58@gmasil.com

Серкина Яна Игоревна – доктор социологических наук, доцент, заместитель по научной работе директора Института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия, e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Babintsev Valentin Pavlovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Municipal Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Osipov Alexander Mikhailovich – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Researcher at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia, e-mail: osipov.al58@gmasil.com

Serkina Yana Igorevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia, e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья**УДК 37.015.4(07)**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.2>

EDN BWURBP

Опыт реализации спортивной работы как части внеучебной деятельности вуза (на примере Южного федерального университета)**Сергей А. Дюзиков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: duzhikov@sfedu.ru**Анастасия Э. Пилипенко²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalosha@sfedu.ru**Галина И. Чикарова³**³Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: chikarova@sfedu.ru**Аннотация**

Введение. Спорт является неотъемлемой частью воспитательной работы в российских вузах, прививая необходимые духовные и нравственные ценности студентам и предоставляя молодым людям возможность участвовать в социально полезных практиках, направленных на развитие спорта и формирование культуры здорового образа жизни. Актуальность деятельности вуза в вопросе реализации спортивно-оздоровительного компонента внеучебной деятельности и воспитательной работы подчеркивается как государством, так и обществом. Данное направление работы включает в себя привитие обучающимся ценностей здорового образа жизни как необходимого условия для развития российского общества, а также создание всех необходимых условий для развития физической культуры и спорта. Цель данной статьи – проанализировать эффективность принятых Южным федеральным университетом мер и используемых им механизмов для достижения поставленных перед вузами целей в сфере массового спорта.

Методы. Положения статьи основываются на результатах социологических исследований, проведенных в 2023 и 2024 годах методом анкетного опроса: ежегодный мониторинг «Портрет студента ЮФУ» и исследование, проведенное на платформе «Неравнодушный человек». Всего в рамках двух исследований было опрошено 4350 обучающихся Южного федерального университета.

Результаты исследования. Спортивная деятельность – значимый компонент внеучебной работы образовательной организации. Несмотря на включенность большого количества студентов ЮФУ в спортивную деятельность вуза, выявлены перспективы развития данного направления. С одной стороны, необходима работа по увеличению числа женской группы обучающихся, занимающихся активными видами спорта. С другой, важно создавать и развивать формы пассивного участия всех студентов в спортивных мероприятиях.

Ключевые слова: студенческий спорт; здоровый образ жизни; воспитательная работа; внеучебная деятельность вуза; университетская молодежь.

Для цитирования: Дюзиков С.А., Пилипенко А.Э., Чикарова Г.И. (2024). Опыт реализации спортивной работы как части внеучебной деятельности вуза (на примере Южного федерального университета). *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 22-33. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.2>.

Experience in the implementation of sports work as part of extracurricular activities of the university (on the example of Southern Federal University)**Sergey A. Dyuzhikov¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russiae-mail: duzhikov@sfedu.ru**Anastasia E. Pilipenko²**²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russiae-mail: kalosha@sfedu.ru**Galina I. Chikarova³**³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russiae-mail: chikarova@sfedu.ru

Abstract.

Introduction. Sport is an integral part of educational work in Russian universities, instilling the necessary spiritual and moral values in students and providing young people with the opportunity to participate in socially useful practices aimed at the development of sports and the formation of a healthy lifestyle culture. The relevance of the university's activities in the implementation of the sports and wellness component of extracurricular activities and educational work is emphasized by both the state and society. This area of work includes instilling in students the values of a healthy lifestyle as a necessary condition for the development of Russian society, as well as creating all the necessary conditions for the development of physical culture and sports. The purpose of this article is to analyze the effectiveness of the measures taken by the Southern Federal University and the mechanisms used by it to achieve the goals set for universities in the field of mass sports.

Methods. The provisions of the article are based on the results of sociological research conducted in 2023 and 2024 using a questionnaire survey: the annual monitoring of the «Portrait of a student of SFU» and a study conducted on the platform "Caring person". In total, 4,350 students of the Southern Federal University were interviewed in two studies.

The results of the study. Sports activities are an important component of the extracurricular work of an educational organization. Despite the involvement of a large number of SFU students in the sports activities of the university, the prospects for the development of this area have been identified. On the one hand, work is needed to increase the number of female students involved in active sports. On the other hand, it is important to create and develop forms of passive participation of all students in sports events.

Keywords: student sports; healthy lifestyle; educational work; extracurricular activities of the university; university youth.

For citation: Dyuzhikov S.A., Pilipenko A.E., Chikarova G.I. (2024). Experience in implementing sports work as part of the extracurricular activities of a university (using the example of the Southern Federal University). *Caucasian Science Bridge*, 7(3), P. 22-33. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.2>.

Введение

Среди приоритетных целей национального развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года государством обозначается укрепление здоровья населения и повышение уровня удовлетворенности граждан условиями для занятия спортом¹³. Наибольшим вниманием со стороны государства и общества наделяется студенческая молодежь как социальная группа, которая будет вносить значительный вклад в социальную жизнь страны в ближайшие десятилетия. Среди отличительных черт студенческой молодежи можно выделить активность, динамичность (Шарапов, 2011), способность быстро реагировать на социальные изменения, интегрируясь в различные социальные практики (Хамчук, 2009).

Студенческий спорт в России реализуется по двум направлениям: как часть спорта высших достижений¹⁴ и как часть массового спорта (включает в себя соревнования и разовые мероприятия по физической культуре)¹⁵, который в свою очередь делится на активный (занятия в спортивных залах и фитнес-центрах, посещение спортивных секций, участие в студенческих соревнованиях и чемпионатах) и пассивный (развлекательно-зрелищный досуг, включенность в сообщества любителей определенного вида спорта).

Также следует определить различия между массовым спортом и физической культурой. Важным компонентом массового спорта определяется состязательность. Занятия физкультурой направлены на поддержание или улучшение здоровья человека, но не предполагают участие в соревнованиях и наличие конкуренции. Массовый спорт выполняет не только оздоровительную, но и воспитательную, коммуникативную, развивающую функции, способствует социализации представителей молодого поколения (Зангиева, 2014).

Регулирование массового студенческого спорта осуществляется по строгой вертикали: федеральные – региональные – муниципальные структуры управления (Щербакова, Чалохян, Рачипа, 2019). Кроме того, большая часть работы в области вовлечения молодежи в массовый спорт и здоровый образ жизни реализуется через учебные заведения, общественные

¹³ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>.

¹⁴ Приказ Министерства спорта РФ от 21.11.2017 N 1007 «Об утверждении концепции развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года»// "Сборник официальных документов и материалов Министерства спорта РФ", N 11, 2017.

¹⁵ Там же.

организации, политические партии.

Среди основных акторов развития студенческого спорта можно выделить Российский студенческий спортивный союз (РССС) (<https://studsport.ru/>) и Ассоциацию студенческих спортивных клубов (АССК) (<https://ssca.ru/>). Сегодня спортивный союз координирует деятельность физкультурных организаций и спортивных клубов в вузах по всей стране и представляет Россию в международных ассоциациях и федерациях. Организация работает со студентами вузов и сузов, проводя образовательные и просветительские программы и консультируя студентов, объединяющихся в клубы. Кроме того, у АССК есть авторские проекты, позволяющие консолидировать усилия студентов-представителей разных организаций и регионов на своей базе.

На локальном уровне основным институциональным актором, вовлекающим молодых людей в физкультурную, оздоровительную и спортивную деятельность, является образовательная организация. Традиционно внеучебная деятельность студентов сосредоточена в рамках следующих направлений: общественное, культурно-творческое, научно-исследовательское, спортивное. Для проведения анализа деятельности образовательной организации в сфере массового спорта и ее востребованности со стороны студентов остановимся на примере Южного федерального университета.

Кейс ЮФУ в данном случае может являться востребованным в силу некоторых причин: в вузе обучается более 20 тысяч студентов (Отчет ректора ЮФУ), что делает его крупной образовательной организацией и обеспечивает широту контингента. Кампусы вуза распределены в двух городах с разной численностью населения – Ростове-на-Дону и Таганроге.

Обзор литературы

Спортивная работа как компонент внеучебной деятельности вуза определяется как особо важная ввиду значимого социального эффекта. Отечественные исследователи А.В. Колычев, Н.Г. Радостев, Е.В. Хрюмин отмечают ценность массового студенческого спорта как формирующего здоровый стиль жизни (Колычев, Радостев, Хрюмин, 2014), а Н.Х. Гафиатулина определяет этот воспитательный компонент как подготовку качественных образовательно-трудовых ресурсов, важным фактором формирования социального здоровья (Гафиатулина, 2012).

Широкая направленность и полезность вызывают устойчивый интерес к данному явлению таких социологов, как: Ю.А. Фомин, который в своих работах рассматривает проблемы современного массового спорта (Фомин, 2009), А.В. Ключев, который исследует управленческие тенденции (Ключев, Кузнецов, 2013), А.В. Верещагина и С.И. Самыгин, которые актуализируют вопросы массового спорта и здоровья в контексте национальной безопасности (Верещагина, Самыгин, 2015).

Исследовательский интерес А.А. Болозина направлен на изучение массового спорта для молодых людей (Болозин, 2018). Мотивам занятия спортом и особенностям здорового образа жизни молодого поколения посвящены работы В.П. Каргаполова, М.Я. Вилецкого, В.И. Ильинича и других.

Эмпирическая база исследования

В Институте социологии и регионоведения ЮФУ, начиная с 2013 года, проводится традиционное социологическое исследование, посвященное отношению обучающихся к различным сферам жизни университета. Одним из направлений мониторинга «Портрет студента ЮФУ» (Портрет студента..., 2024) является спорт и здоровый образ жизни. Исследование, реализованное методом анкетного опроса, охватывает студентов всех структурных учебных подразделений и укрупненных направлений подготовки: естественно-научное, физико-математическое, инженерное, социально-гуманитарное, психолого-педагогическое, архитектура и искусства. Выборка квотная по уровням образовательных программ и направлениям подготовки, объем в 2023 году – 3715 респондентов. Юноши – 40,7%, девушки – 59,3%.

В статье также использованы данные, полученные на платформе «Неравнодушный человек». Методика – онлайн-опрос, самозаполнение анкет респондентами на специализированной платформе в апреле 2024 года. Использована двухступенчатая выборка. На первой ступени выборка сплошная: приглашения участвовать в опросе рассылались по всем вузам. На второй ступени используется конформная выборка: в опросе приняли участие все желающие представители целевой группы. Объем выборки по Южному федеральному университету – 635 респондентов: 326 мужчин и 309 женщин¹⁶.

¹⁶ Опрос российских студентов «Спорт как норма» // Платформа «Неравнодушный человек». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.неравнодушный.рф/news3>.

Массовый спорт в жизнедеятельности студенческой молодежи Южного федерального университета

Здоровье человека в понимании Всемирной организации здравоохранения – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов (<https://www.who.int/ru>). Одна из основных составляющих здоровья — здоровый образ жизни, который имеет 7 основных «столпов»:

- правильное, сбалансированное питание,
- физическая активность,
- гигиенический уход,
- соблюдение режима дня,
- укрепление иммунитета,
- эмоциональный настрой,
- отсутствие вредных привычек.

Согласно данным исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, 20% молодых людей отмечают, что внимательно относятся к своему здоровью, занимаясь спортом, избегая вредных привычек и своевременно обращаясь к врачу. Еще 45% говорят, что относятся скорее внимательно к своему здоровью. При этом больше трети (33%) фиксируют, что относятся без особого внимания к данной сфере своей жизни (Опрос ВЦИОМ..., 2022). Государство, общественность и ученые «делают ставку» на студенческую молодежь, что актуализует вопрос структуры ценностей данной социальной группы.

Представленное на рисунке 1 распределение баллов студентами ЮФУ между полезными практиками и действиями, составляющими здоровый образ жизни, позволяет утверждать, что все составляющие здорового образа жизни, такие как отсутствие вредных привычек, здоровое питание, занятие спортом и физической культурой, правильный режим дня, регулярные медицинские осмотры, поддержка психологического состояния, являются важными для обучающихся Южного федерального университета, принявших участие в исследовании. Вместе с тем, прослеживается и некоторая иерархичность: наиболее важным проявлением здорового образа жизни, по мнению респондентов, является занятие спортом и физической культурой (6,25 баллов), а наименее важным – регулярные медицинские осмотры (3,56 баллов).

Рисунок 1. Распределение 30 баллов респондентами между полезными практиками и действиями, составляющими здоровый образ жизни¹⁷

При попытке провести анализ ценностных оснований современной молодежи стоит учитывать условия турбулентности и неопределенности, в которых происходит становление и формирование личности молодого человека. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров называют современное общество обществом риска. Исследователи утверждают, что объективные условия рискогенного характера оказывают негативное влияние на реализацию жизненных планов молодых людей и их притязания. При этом молодежь и сама является субъектом риска, провоцируя его возникновение формирующейся субъектностью общественных отношений (Зубок, Чупров, 2008). Таким образом, перед молодым человеком, развитие которого происходит в постоянно меняющихся обстоятельствах, стоит задача поиска крепкой опоры, которая будет способствовать формированию устойчивой ценности здоровья. Спорт как основа здорового образа жизни выступает активатором важных позитивных качеств личности, таких как активность, целеустремленность, способность работать в команде, преодолевать трудности и другие.

Больше половины (53,1%) обучающихся Южного федерального университета, принявших

¹⁷ Данные получены на платформе «Неравнодушный человек».

участие в исследовании, занимается спортом на уровне массового спорта. 11,8% респондентов занимаются профессиональным спортом, 25% опрошенных не занимаются, но хотели бы, и только 10,1% участников исследования убеждены в том, что спорт не для них (рисунок 2). Как видно из таблицы 1, практически все респонденты занимаются спортом в вузе. По частоте занятий физической культурой и спортом в Южном федеральном университете самыми многочисленными оказались группы респондентов, занимающихся физической культурой и спортом в вузе 2-3 раза в неделю (данная когорта составляет 39,1% от общей выборки) и один раз в неделю – 37,7% соответственно.

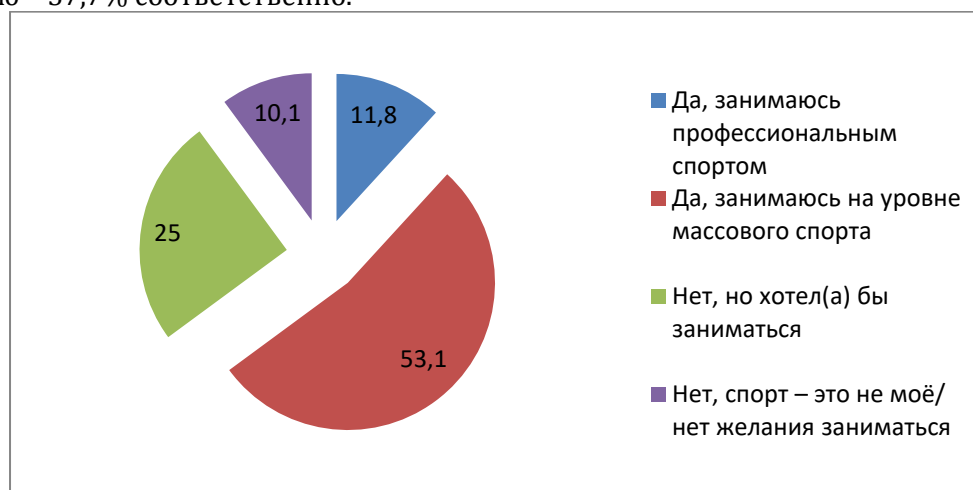

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы занимаетесь спортом на постоянной основе?», %¹⁸

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы занимаетесь физической культурой и спортом в вузе?», %¹⁹

Ежедневно	10,6
2-3 раза в неделю	39,1
1 раз в неделю	37,7
1-3 раза в месяц	1
Несколько раз в год	1,4
Только на занятиях физической культурой	6,8
Никогда/ практически никогда	0,5
Не занимаюсь спортом в вузе	1,4
Затрудняюсь ответить	1,4

Основными причинами, по которым обучающиеся вуза, принявшие участие в исследовании, занимаются физической культурой и спортом, стали следующие аргументы: «забочусь о своем здоровье и поддерживаю хорошую физическую форму» (данную позицию в вариантах ответа выбрало 84,5% опрошенных), «приобретаю новые физические умения и навыки, развиваю физическую способность» (данное мнение разделило 66,3% респондентов), «учусь владеть собой и своими эмоциями» – 35,2% (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы занимаетесь физической культурой и спортом?», %²⁰

Забочусь о своем здоровье и поддерживаю хорошую физическую форму	84,5
Учусь работать в команде	11,2
Учусь владеть собой и своими эмоциями	35,2
Приобретаю новые физические умения и навыки, развиваю физическую способность	66,3
Хочу построить карьеру в спорте	11,4

¹⁸ Данные получены на платформе «Неравнодушный человек».

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Хочу нравиться противоположенному полу	22,1
Хочу быть в тренде: спорт – это модно	9,7
Потому что спортом занимаются мои друзья, моя девушка/мой парень	7
Продолжаю спортивную династию/ у меня спортивная семья	3,9
Хочу прославить свою команду/вуз/город/страну	9,5
Потому что занятия спортом включены в образовательную программу	15
Затрудняюсь ответить	6,3

Юноши включены в спортивные практики вдвое чаще, чем девушки – 42,8% и 20,5% соответственно. Данные анализа деятельности университета в области вовлечения студентов в массовый спорт демонстрируют превалирование количества мужских команд над женскими. Кроме того, нельзя не учитывать традиционное восприятие спорта как вида досуговой деятельности более присущего юношам, чем девушкам. Полученные результаты позволяют выдвинуть тезис о необходимости создания инструментов для вовлечения девушек в занятия массовым спортом.

Среди студентов ЮФУ наиболее популярными видами спорта являются плавание (34,7%), волейбол (24,1%), легкая атлетика (12,5%) и баскетбол (11,4%). У юношей наиболее востребован волейбол (20,4%), плавание (25,9%), баскетбол (15,3%) и футбол (16,3%). Девушки чаще всего занимаются плаванием (43,3%), волейболом (27,7%), легкой атлетикой (11,3%) и спортивной или художественной гимнастикой (8%).

Спорт и физическая культура играют важную роль в процессе адаптации молодых людей к жизни в вузе. Так, спортивные практики более востребованы студентами-иностранцами (38,1%), чем обучающимися, имеющими российское гражданство (29,3%), а также студентами, проживающими в общежитиях (32,9%), чем студентами, которые живут с родителями (27,9%).

Массовый студенческий спорт, в отличие от физкультуры, предполагает наличие различного рода соревновательных мероприятий и состязательности. Если физкультурой занимаются 29,6% студентов, то в спортивных соревнованиях вуза (Универсиада ЮФУ, Фестиваль спорта и пр.) в 2023 году принимали участие 13,7% респондентов, при том, что знают об этих событиях 77,5%.

Говоря о пассивном участии в спортивных мероприятиях, 33,3% студентов состоят в интернет-сообществах о спорте и проявляют интерес к данной тематике. Еще 24,9% говорят, что хотели бы стать частью данных объединений по интересам, а также посещать игры и соревнования в качестве болельщиков.

В этой связи перспективным форматом работы университета в спортивно-оздоровительной сфере может также стать организация трансляций спортивных соревнований, где выступают спортсмены и сборные вуза. По результатам 2024 года, среди опрошенных большинство (57,2%) уже активно поддерживает спортивные команды и спортсменов ЮФУ, когда они выступают на соревнованиях. Велика доля и тех, кто еще пока не поддерживает, но хотел бы. Данная категория составила 26,8% респондентов. Высказано желание обучающихся в сочетании с заинтересованностью каждого второго участника исследования принимать участие в организованных коллективных просмотрах трансляций спортивных соревнований, где выступают спортсмены и сборные. Эти данные демонстрируют потенциал зрелищных событий как эффективного механизма по вовлечению молодежи в тематику спорта и здорового образа жизни и позволяют говорить о перспективах развития нового формата работы вуза в отношении популяризации спортивно-оздоровительных мероприятий.

Спортивно-оздоровительная деятельность Южного федерального университета в оценках обучающихся

В Южном федеральном университете выстроена система деятельности, направленная на развитие студенческого спорта, поддержку клубов и лиг как необходимого компонента усвоения норм и ценностей культуры здорового образа жизни, гражданской и общественной активности. В контексте данного исследования, особый интерес представляют формы самоорганизации студентов, направленные на развитие здоровья и вовлечения молодежи в массовый спорт. Так, на базе АФКиС ЮФУ действуют Студенческие научные общества, целью которых является исследование различных аспектов здоровья и спорта и демонстрация полученных результатов в научных журналах

В области популяризации студенческого спорта и здорового образа жизни Южным

федеральным университетом реализованы масштабные университетские и региональные проекты по формированию здорового образа жизни в молодежной среде и вовлечению обучающихся в спортивную деятельность: «Спартакиада студентов ЮФУ – 2023», отборочный этап Чемпионата АССК России, Клубный турнир АССК России, образовательный проект «ССК.Старт», «Кубок первокурсника ЮФУ – 2023», «Фестиваль спорта ЮФУ – 2023», «Универсиада студентов ЮФУ – 2023», Спартакиада сотрудников, Чемпионская гонка, Образовательная смена «ЮФУ – территория спорта» на базе практик и спортивнооздоровительного туризма ЮФУ «Лиманчик», Трейл-забег «Ботаника Донская степь», проект «Уличная классика» (Отчет ректора..., 2024, С. 101-102.). Проводимая работа высоко ценится обучающимися вуза. Ответы участников исследования зафиксировали убежденность большинства респондентов (66,6%) в том, что Южный федеральный университет прививает студентам ценность физической культуры и спорта (рисунок 3).

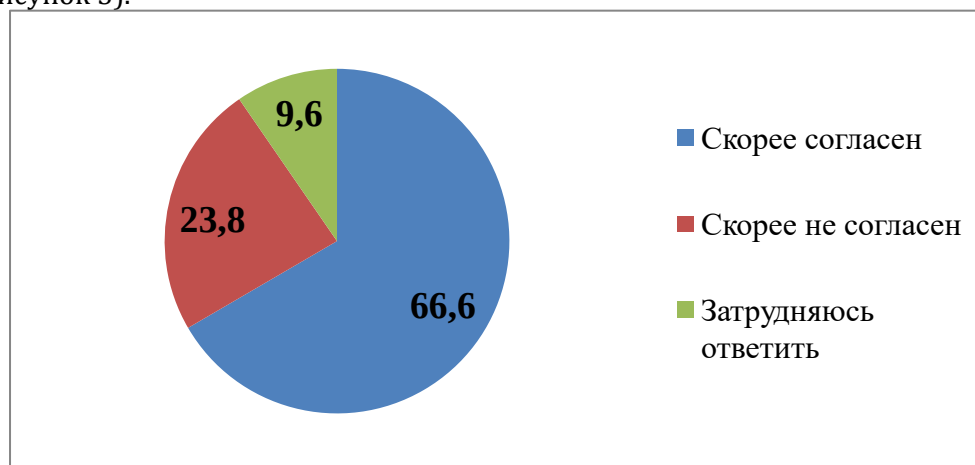

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов относительно утверждения «Вуз прививает студентам ценность физической культуры и спорта», %²¹

По мнению подавляющего большинства опрошенных (97,3%), в Южном федеральном университете созданы условия для занятия спортом (таблица 3). Участниками исследования отмечается, что в вузе есть большой выбор спортивных секций/сборных команд (63,1%), создана возможность участвовать в спортивных мероприятиях как внутри вуза (59,8), так и за сборную вуза во вне (48,2%). Среди условий, созданных вузом для занятий физической культурой и спортом студентов, третью респондентов выбраны позиции, связанные с наличием необходимого оборудования и специальных мест для занятий физической культурой и спортом, а также удобный график тренировок в секциях/сборных командах. Еще одним важным условием, созданным вузом для занятий физической культурой и спортом студентов, по мнению 21,7% обучающихся Южного федерального университета, принявших участие в опросе, являются стипендиальные выплаты и другие поощрения за участие в спортивной жизни университета.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из условий для занятий физической культурой и спортом студентов созданы в Вашем вузе?», %²²

Большой выбор спортивных секций/сборных команд	63,1
Возможность участвовать в спортивных мероприятиях внутри вуза	59,8
Возможность участвовать в спорт. мероприятиях за сборную вуза	48,2
Удобный график тренировок в секциях/сборных командах	29,8
Имеется все необходимое оборудование и специальные места для занятий спортом	35,7
Высококвалифицированный тренерский состав	21,9
Стипендиальные выплаты или другие поощрения за участие в спортивной жизни вуза	21,7
Медицинская страховка по льготной цене	3,8
В моем вузе отсутствуют условия для занятий спортом	2,7
Другое	0,2
Затрудняюсь ответить	18,7

²¹ Данные получены на платформе «Неравнодушный человек».

²² Там же.

Обучающиеся ЮФУ активно используют все инфраструктурные объекты университета: 70% респондентов для занятий физической культурой используют спортивные залы, 43,5% – специальные спортивные площадки под открытым небом, 30,4% опрошенных посещают бассейн (таблица 4).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой инфраструктурой своего вуза Вы пользуетесь для занятий физической культурой и спортом?», %²³

Парковые зоны, скверы	16,9
Специальные спортивные площадки под открытым небом	43,5
Спортивный зал (в том числе фитнес-центр)	70
Бассейн	30,4
Занимаюсь спортом, не связанным с физическими нагрузками	7,2
Затрудняюсь ответить	4,8

Учитывая Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации по увеличению доли граждан, регулярно занимающихся физической культурой и спортом, Южный федеральный университет предоставляет обучающимся возможность посещения спортивных объектов в любое удобное для них время в рамках освоения элективных дисциплин по физической культуре и спорту. Расписание учебных групп по физической культуре и спорту, сформированных по интересам студентов, и график работы спортивных объектов размещаются в личном кабинете обучающихся. Для желающих повысить двигательную активность предоставляется возможность самостоятельно заниматься на спортивных объектах университета (Отчет ректора..., 2024, С. 14).

В 2023 году обучающимся ЮФУ в г. Ростове-на-Дону был представлен выбор 24 элективных дисциплин спортивной или физкультурно-оздоровительной специализации на 8 спортивных объектах. В г. Таганроге – 8 дисциплин, реализуемых в 5 спортивных залах. Наибольшая наполняемость наблюдалась в тренажерных, спортивных игровых залах и бассейне. По запросам студенческого сообщества были предложены и реализованы занятия в секциях джиу-джитсу, стрельбы из лука, цигуна, аквааэробики (Отчет ректора..., 2024, С. 14).

Обучающиеся Южного федерального университета – участники исследования дали очень высокую оценку работе тренерского состава спортивных секций, клубов, сборных, определив ее по 10-бальной шкале на уровне 9,65. Оснащенность спортивных залов ЮФУ участники исследования оценили в 8,87 баллов по 10-бальной шкале.

Полученные результаты исследования позволяют выдвинуть тезис, что наиболее удобным временем для занятий физической культурой и спортом и посещения спортивных секций для обучающихся Южного федерального университета являются дневное время с 16 часов и вечернее время. Наименее удобным временем для физической активности участники опроса считают обеденное время с 13 до 15 часов (таблица 5).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «В какое время Вам удобно заниматься физической культурой и спортом или посещать спортивные секции в вузе в течение дня?», %²⁴

Утренние часы: 6 – 12	22,8
Обеденное время: 13 – 15	14,5
Дневное время: 16 – 18	30,6
Вечернее время: 19 – 24	50,6
В любое время	10,9
Затрудняюсь ответить	7,9

Информированность обучающихся относительно всех возможностей вуза, созданных для реализации их спортивного потенциала, как и во всех других сферах деятельности университета, является очень важной составляющей. В Южном федеральном университете в 2023 году внедрен единый информационный ресурс о спортивной деятельности университета на базе Национального портала студенческого спорта (Отчет ректора..., 2024, С. 123), на протяжении многих лет действует личный кабинет обучающегося. Однако из ответов респондентов видно,

²³ Данные получены на платформе «Неравнодушный человек».

²⁴ Данные получены на платформе «Неравнодушный человек».

что наиболее удобными каналами получения информации о занятиях физической культурой и спортом, спортивных секциях, сборных командах в вузе являются Телеграмм-канал и социальная сеть ВКонтакте. Данные ресурсы были выбраны 53,1% и 46,1% участников исследования соответственно. Официальный сайт вуза как желаемый источник получения информации о занятиях физической культурой и спортом был выбран только 16,2% респондентов (рисунок 4).

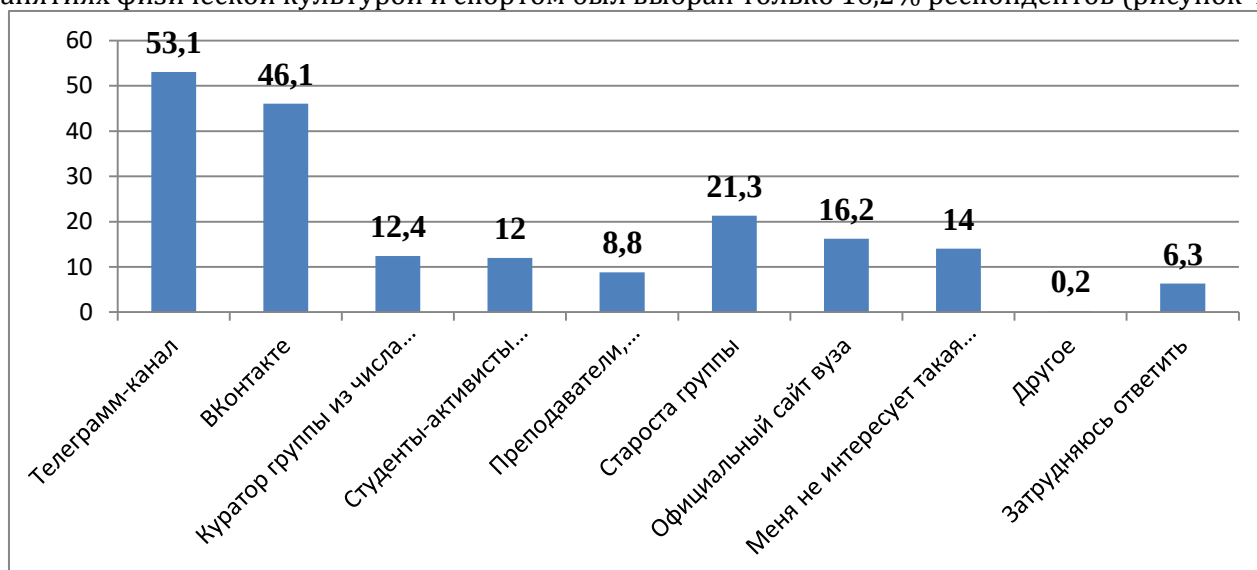

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Из каких источников Вы хотели бы получать информацию о занятиях физической культурой и спортом, спортивных секциях, сборных командах в вузе?»²⁵

Полученные социологические данные ярко демонстрируют низкую степень информированности обучающихся Южного федерального университета о деятельности студенческих спортивных лиг и ассоциаций. 43,1% опрошенных не знают об их существовании. Только 10,7% респондентов проинформированы о деятельности «Ассоциация студенческого баскетбола» и 5,4% – о национальной студенческой футбольной лиге. Уровень информированности обучающихся Южного федерального университета, принявших участие в исследовании, относительно деятельности других студенческих спортивных лиг и ассоциаций не превышает статистической погрешности, что может рассматриваться в качестве одного из барьеров развития физической культуры и спорта.

Перспективы развития

При выстраивании дальнейшей управленческой работы вуза по спортивно-оздоровительному направлению и популяризации здорового образа жизни важно учитывать мнение обучающихся. В ходе опроса участникам исследования была предоставлена возможность определить топ-задач, которые в первую очередь необходимо решить руководству вуза, чтобы привлечь как можно больше студентов к занятиям физкультурой и спортом.

По мнению обучающихся Южного федерального университета, для их Альма-матер сегодня актуальными и не до конца решенными являются вопросы, связанные с:

- планированием удобного графика тренировок в секциях;
- разработкой системы мотивации и поощрения для студентов, занимающихся спортом;
- приобретением нового спортивного оборудования и инвентаря;
- информированием студентов о возможностях для занятий спортом;
- ремонтом в спортивных залах/на спортивных площадках.

Также активная работа по развитию студенческого спорта в вузе невозможна без кадрового оснащения. Академия физической культуры и спорта ЮФУ реализует основные образовательные программы, профессиональную переподготовку и повышение квалификации для студентов, обучающихся в данном структурном подразделении, а также ведет занятия по «физической культуре» для студентов всех направлений подготовки. Вместе с тем, значительная роль в данном вопросе должна отводиться и самоуправлению обучающихся, представленному деятельностью Студенческого спортивного клуба. Работающий по принципу самоорганизации Студенческий спортивный клуб предоставляет возможности для самореализации студентов и

²⁵ Данные получены на платформе «Неравнодушный человек».

становится эффективным инструментом привлечения большего числа студентов в спортивное движение вуза.

Заключение

Анализ спортивной деятельности в университете позволил выделить некоторые принципы работы: развитие корпоративной культуры; сотрудничество с профильными структурами государственной и муниципальной власти, спортивными ассоциациями и федерациями; большой выбор видов спорта, которыми может заниматься студент университета; проведение мероприятий университетского и регионального уровня общественных организаций, таких как АССК, РССС, «ССК|СТАРТ»: в рамках данного мероприятия студенты университета обучаются основам спортивного менеджмента, репортажной съемке спортивных мероприятий, спортивной журналистике, судейству; проведение домашнего турнира всероссийских соревнований по футболу Национальной студенческой футбольной лиги с привлечением спортивных волонтеров университета; целенаправленная информационная работа (Итоги деятельности..., 2023); объединение группы лидеров общественного мнения, выступающих определенным мотиватором к участию в мероприятиях, направленных на оздоровление молодежи и развитие массового спорта в университете.

Проведенный анализ также позволяет в качестве выводов зафиксировать следующие положения о спортивной деятельности вуза как части воспитательной работы:

- спортивная работа как часть внеучебной деятельности обозначается чрезвычайно актуальным явлением в управленческой и научно-исследовательской средах;
- институциональное регулирование спортивной работы с молодежью имеет четко выстроенную иерархию, где федеральные акторы формируют основную повестку;
- несмотря на активную деятельность институциональных акторов, развивающих массовый студенческий спорт, пример рассматриваемого вуза показывает, что сегодня включенность учащейся молодежи в спортивную деятельность является недостаточной, однако, имеющей потенциал для развития;
- студенты-юноши включены в спортивные практики вуза в два раза чаще чем девушки (42,8% и 20,5%), что актуализирует необходимость увеличения возможностей для вовлечения представителей женской группы;
- спортивная деятельность имеет значительный адаптационный потенциал в среде студенческой молодежи и должна играть особую роль в данной работе образовательной организации;
- образовательная организация может развивать не только активное, но и пассивное участие в спортивных мероприятиях, которое влияет на формирование культуры здорового образа жизни у молодого человека.

Из данного анализа можно сделать вывод, что спортивная деятельность как часть внеучебной работы имеет особую значимость в формировании ценности здорового образа жизни молодого человека. Необходима более значимая всесторонняя поддержка университетских спортивных команд, так как в настоящее время многие вопросы содержания студентов/спортсменов приходится на сами вузы, которым сложно продвигать их на общедеревальный уровень. Важным является поддержка спортсменов/абитуриентов – система льгот при поступлении, сопровождении образовательного процесса. Стоит рассмотреть возможность развития спортивной инфраструктуры в вузах, которая не всегда может обеспечить потребности студентов. В образовательные программы возможно внедрение курсов для всех обучающихся, направленных на воспитание корпоративной культуры, здорового образа жизни, образования команд через передачу навыков спортивного образа жизни. Таким образом можно констатировать, что существует значимый резерв развития студенческого спорта, перевод его по-настоящему в массовый, что требует дополнительных организационных ресурсов, основанных на научном анализе.

Литература

- Болозин, А.А. Массовый спорт и его значение для современной российской молодежи / А.А. Болозин // Гуманитарий юга России. – 2018. – №2. – С. 54-60. – <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.2.4>.
EDN: YWZFTW.
- Верещагина, А.В., Самыгин, С.И. Проблемы формирования здоровья российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности: социологический дискурс / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, // Национальное здоровье. – 2015. – №1. – С. 53-61. – EDN: VVDMGV.

Гафиатулина, Н.Х. Влияние социально-классового, экономического неравенства на социальное здоровье студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2012. – № 4 (32). – С. 103-108. – EDN: PXVFMD.

Зангиева, М.Ж. Массовый спорт как многофункциональное социальное явление в жизни молодого поколения / М. Ж. Зангиева // Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы : материалы Всерос. Науч.-практ. Конф. С международ. Участием, г. Екатеринбург, 19–20 ноября 2013 г. : в 2-х т. / отв. Ред. Л. К. Тропина, Т. Н. Карфидова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2014. – Т. 1. – С. 132-134.

Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Вопросы образования. – 2008. – №4. – С. 31-56. EDN: JWJFJP.

Итоги деятельности Студенческого спортивного клуба ЮФУ. 2023. – Режим доступа: <http://sportsfedu.ru/>.

Клюев, А.В., Кузнецов, П.К. Тенденции и барьеры в управлении массовым спортом в современной России (на материалах экспертного опроса) / А.В. Клюев, П.К. Кузнецов // Управленческое консультирование. – 2013. – № 2. – С. 68-76.

Колычев, А.В., Радостев, Н.Г., Хромин, Е.В. Системные инновации в сфере физической культуры и спорта на муниципальном уровне: внедрение и эффективность / А.В. Колычев, Н.Г. Радостев, Е.В. Хромин // Теория и практика физической культуры. – 2014. – № 12. – С. 82-85. EDN: TBGGVV.

Опрос ВЦИОМ «Ценности и приоритеты в молодежной среде» (2022) // Официальный портал Всероссийского центра изучения общественного мнения. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>.

Отчет ректора И.К. Шевченко о деятельности университета за 2023 год / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – 260 с.

Портрет студента Южного федерального университета 2023 : Монография / Я. А. Асланов, А. В. Бедрик, Я. В. Артамонова [и др.]. – Ростов-на-Дону – Таганрог : Южный федеральный университет, 2024. – 279 с.

Фомин, Ю.А. Актуальные социальные проблемы спорта: монография / Ю.А. Фомин. – Омск., 2009. – 142 с.

Хамчук, О.В. Восприятие студентами имиджа высшего учебного заведения / О.В. Хамчук // Социологические чтения 2009. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 8-11.

Шарапов, Н.П. Влияние внешних факторов на студенчество как на социокультурную общность. Наука и общество: проблемы современных исследований. / Шарапов Н.П. – Омск: ОмГА, 2011. – 348 с.

Щербакова, Л.И., Чалохян, С.И., Рачипа, А.В. Инновации в управлении массовым молодежным спортом: соотношение регионального и муниципального уровней (на примере Ростовской области) / Л.И. Щербакова, С.И. Чалохян, А.В. Рачипа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – №1. – С. 241-246. – <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-1-241-246>. – EDN VXNMBE.

References

Bolozin A.A. Mass sport and its significance for modern Russian youth. *Gumanitarij yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2018; 2:54–60. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.2.4>. (In Russ.).

Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Problems of the formation of the health of Russian youth in the context of national security: a sociological discourse. *Nacional'noe zdorov'e = National health*. 2015; 1:53–61. (In Russ.).

Gafiatulina N.H. The influence of socio-class, economic inequality on the social health of students. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii = Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2012; 4(32):103–108. (In Russ.).

Zangieva M.Zh. Mass sport as a multifunctional social phenomenon in the life of the younger generation / M. Zh. Zangieva // Youth of the XXI century: potential, trends and prospects : materials of the All-Russian. Scientific and practical. Conf. From the international community. Participation, Yekaterinburg, November 19-20, 2013 : in 2 volumes / ed. L. K. Tropin, T. N. Karfidova. Yekaterinburg : Ural Publishing House. Unita; 2014; 1:132-134. (In Russ.).

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Risk in the field of youth education: institutional and self-regulatory management mechanisms. *Voprosy obrazovaniya = Education issues*. 2008; 4:31-56. (In Russ.).

Results of the activities of the Student Sports Club of SFU. 2023. Available at: <http://sportsfedu.ru/>. (In Russ.).

Klyuev A.V., Kuznetsov P.K. Trends and barriers in the management of mass sports in modern Russia (based on the materials of an expert survey). *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Managerial consulting*. 2013; 2:68-76. (In Russ.).

Kolychev A.V., Radostev N.G., Khromin E.V. Systemic innovations in the field of physical culture and sports at the municipal level: implementation and effectiveness. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2014; 12:82-85.

VTSIOM survey "Values and priorities in the youth environment" (2022). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>. (In Russ.).

Report of Rector I.K. Shevchenko on the activities of the University for 2023 / Southern Federal University. Rostov-on-Don ; Taganrog : Southern Federal University Press; 2024. 260 p. (In Russ.).

Portrait of a student of the Southern Federal University 2023 : Monograph / Ya. A. Aslanov, A.V. Bedrick, Ya. V. Artamonova [et al.]. – Rostov-on-Don – Taganrog : Southern Federal University; 2024. 279 p. (In Russ.).

Fomin Yu.A. Actual social problems of sports: a monograph. Omsk; 2009. 142 p. (In Russ.).

Khamchuk O.V. Students' perception of the image of a higher educational institution // Sociological readings. 2009. Grodno: GrSU; 2009. pp. 8-11. (In Russ.).

Sharapov N.P. The influence of external factors on students as a sociocultural community. Science and society: problems of modern research. Omsk: OmGA; 2011. 348 p. (In Russ.).

Shcherbakova L.I., Chalokhyan S.I., Rachipa A.V. Innovations in the management of mass youth sports: the ratio of regional and municipal levels (on the example of the Rostov region). *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scientific notes*. 2019; 1:241-246. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-1-241-246>. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 8.10.2024

Дата окончания рецензирования: 16.11.2024

Дата принятия к публикации: 18.11.2024

Информация об авторах

Дюжиков Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры конституционализма юридического факультета ЮФУ, заведующий кафедрой прикладной конфликтологии и медиации Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Пилипенко Анастасия Эдуардовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной конфликтологии и медиации Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalosha@sfedu.ru

Чикарова Галина Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: chikarova@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Dyuzhikov Sergey Alexandrovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor of Constitutional Law department SFU, Head of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Pilipenko Anastasia Eduardovna – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalosha@sfedu.ru

Chikarova Galina Igorevna – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: chikarova@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Рецензия**УДК 316.354:351/354**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.3>.

EDN DOAQUO

**Рождение американской школы из духа патриотизма:
институциональные зигзаги и публичные баталии внутри среднего
образования**

Рецензия на книгу: Грэм, П.А. (2011). Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Осип А. Казанцев¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: okazancev@sfedu.ru

Аннотация. В статье приводится анализ книги американского историка образования П.А. Грэм «Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации». Рецензент показывает, что указанную монографию, представляющую нелинейный процесс развития через реформирование средней школы в Соединенных Штатах, можно рассматривать с позиций неинституционального подхода. Более того, в выделяемых П.А. Грэм четырех этапах изменений и модификаций образовательной политики можно обнаружить одну стабильную тенденцию – возникновения, формирования и укрепления менеджеристской модели управления школой как институтом. Работа зарубежного исследователя под таким ракурсом приобретает дополнительную теоретическую и практическую актуальность, т.к. показывает опасности слишком частой смены целей и приоритетов в институциональном реформировании школьного образования и иные возможные угрозы в обозначенном государством курсе на суверенизацию российской образовательной системы.

Ключевые слова: американская средняя школа; школьные реформы в США; институциональная история; школьный менеджизм; суверенизация российского образования; разработка образовательных реформ.

Для цитирования: Казанцев О.А. (2024). Рождение американской школы из духа патриотизма: институциональные зигзаги и публичные баталии. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 37-46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.3>.

**The Birth of the American School out of the Patriotism Spirit: institutional zigzags
and public battles within the secondary education**

Book review: Graham P.A. (2011). *Schooling America: How the Public Schools Meet the Nation's Changing Needs*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics

Osip A. Kazantsev¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: okazancev@sfedu.ru

Abstract

The article provides an analysis of the book "Schooling America: How the Public Schools Meet the Nation's Changing Needs" by P.A. Graham, the American historian of education. The reviewer shows that this monograph, which represents the nonlinear process of development through high school reform in the United States, can be considered through neo-institutional approach. Moreover, in the four stages of changes and modifications of educational policy, allocated by P.A. Graham, one stable trend which is discovered is the emergence, formation and strengthening of a managerialism model of school management as an institution. From this perspective, the work of a foreign researcher acquires additional theoretical and practical relevance, as it shows the risks of too frequent goals changes and priorities in the institutional school education reform and other possible threats in the designated state course towards the sovereignization of the Russian educational system.

Keywords: American high school; school reforms in the USA; institutional history; school managerialism;

sovereignization of Russian education; development of educational.

For citation: Kazantsev O.A. (2024). The Birth of the American School out of the Patriotism Spirit: institutional zigzags and public battles within the secondary education. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), P. 37-46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.3>

Введение

В последние несколько лет дискуссии о будущем российского образования и давно назревших изменениях для него перешли от уровня «кухонных разговоров» к правительственным и экспертным обсуждениям. Но в настоящий момент действительные преобразования по созданию суверенной и качественной образовательной системы (Кравцов заявил..., 2023) носят весьма локальный характер, касаясь введения новых школьных дисциплин (С нового учебного года..., 2024), сокращения учебных часов для обществознания (Цикулина, 2024б), минимальных и достаточно спорных изменений в выпускных экзаменах по ряду предметов (Цикулина, 2024в), корректировки в оценивании качества образования (Бурдина, 2023), а также ежегодных законопроектов об отмене единого государственного экзамена (Цикулина, 2024а). Необходимость масштабных институциональных и управленческих модификаций для отечественной школы и российских вузов пока остается под вопросом, также как и конкретные контуры для потенциальных реформ в этом направлении.

Преимущественно обозначенный курс на новации в образовательной политике и на суверенизацию характеризуется самими управленцами в медийном пространстве как возврат к советским и более ранним традициям обучения и воспитания, к актуализации наиболее сильных сторон предыдущих систем школьного и вузовского образования из отечественной истории и их осовремениванию. Тем не менее среди прочего указывается и необходимость восприятия опыта школьных реформ в других странах, если этот опыт не будет вреден для национальных интересов России и ее подрастающего поколения (Лекция Министра просвещения..., 2023). Такой подход представляется вполне обоснованным, особенно учитывая обостренную рефлексию советской школы в ее ранний период формирования и восприимчивость отечественных педагогов тех лет к зарубежному, в т.ч. к экспериментальному опыту (Кумсков, 2011).

Во многом в связи с предстоящими задачами по возможному преобразованию российского образования нам представляется актуальным обратиться к книге П.А. Грэм «Америка за школьной партией. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации», где разворачивается социальная, публичная и политическая история американской средней школы с начала предыдущего столетия по настоящее время. При этом, как и в нашем недавнем очерке (Казанцев, 2024), мы предлагаем рассмотреть труд американского историка образования с точки зрения менеджеристской перспективы, т.е. прослеживая в обозреваемом материале возникновение тех отдельных управленческих элементов и решений, которые в дальнейшем станут реализованной в школе как социальном институте идеологией менеджеризма.

Тем не менее такая историческая реконструкция американской менеджеристской модели управления в сфере школьного образования не будет означать обнаружения институциональных «корней» российского школьного менеджеризма. Формирование схожих управленческих парадигм, выстраиваемых на «эффективном менеджменте» и количественных показателях, как показывают некоторые исследователи, вполне может представлять собой совокупность параллельных и независимых процессов, характерных для разных институциональных национальных пространств (Piattoeva, 2021, 514). И все же обнаружение этих схожих черт, а также выделение значимых исторических стимулов, их публичного восприятия и осознания последствий в развитии американского школьного образования может способствовать более адекватному восприятию настоящего, а, значит, и потенциального будущего российской среднеобразовательной школы.

Четыре «времени года» американской средней школы: от страхов перед недостаточной американизацией к вопросу об академической успеваемости

П.А. Грэм, профессор истории и образования, в рассматриваемой монографии предлагает периодизацию реформ в американской средней школе при помощи выявления

сущностных сдвигов и значимых смещений в «потребностях нации». Иначе говоря, автор очерчивает границы между различными периодами в развитии школьного образования через изменения ключевых стимулов или целевой направленности, вкладываемых через формальные нормы основными акторами этого института: государством, гражданским обществом и педагогическим сообществом. Притом почти каждый из обозначаемых исследователем этапов в истории американской средней школы – ассимиляция (1900 – 1920), адаптация (1920 – 1954), доступ (1954 – 1983) и борьба за успеваемость (1983 – по настоящее время²⁶) – и его целевое предназначение можно на причинном уровне свести к распространению в публичном пространстве определенной фобии, моральной паники или подобного явления.

Так, например, возникновение периода ассимиляции и как таковое рождение массовой и бесплатной системы государственных школ в Соединенных Штатах П.А. Грэм объясняет общественным запросом на американизацию большого числа мигрантов и их детей, переселившихся в страну начале века: «В 1900 году американцы понимали, что являются... нацией, единство которой в годы Гражданской войны и Реконструкции подверглось испытаниям; теперь угрозу этому единству они усматривали в большом количестве иностранцев, желавших поселиться в стране» (Грэм, 2011, 25). Притом этот общественный заказ, импульс от гражданского общества в форме опасений внутри сообщества коренных белых американцев перед новоприбывшими, совпал с интересами государства по централизации и усилению своего институционального веса в стране: «Подлинной целью бюджетного финансирования школ... было усиление государства посредством воспитания граждан...» (Грэм, 2011, 23). Тем не менее эта тенденция усиления центрального правительства сменялась в другие этапы линией на минимизацию государственной роли в школьном образовании. Например, в конце эпохи доступа, в период президентства Р. Рейгана (Грэм, 2011, 154, 165). Две эти тенденции внутри политических элит, иногда пересекающиеся с общественными запросами (а эти пересечения и совпадения, в свою очередь, и дают возможность стартовать новым образовательным реформам), Э.С. Райнерт называет «традициями Гамильтона и Джефферсона», между которыми «США разрываются», то усиливая государственный контроль более необходимого, то непозволительно уменьшая свое участие и институциональное присутствие в жизни общественного сектора (Райнерт, 2011, 53).

Противоречивое взаимодействие, отступление одной и наступление другой политической традиции, а также конечное «наслоение» их друг на друга заметны во всем том же этапе ассимиляции, где первая масштабная централизация в американской истории финансирования школ не завершилась, как изначально предлагали идеологи этого проекта (Грэм, 2011, 20, 43), универсализацией и стандартизацией учебной школьной программы для всех штатов. Впрочем, последняя отсутствует по сей день (Грэм, 2011, 51). Вместо единого образовательного стандарта возникли множественные профессионально-технические специализации для старших классов, которые должны были и далее прививать подрастающим гражданам американские ценности трудолюбия и помочь выпускникам со скорейшим трудоустройством (Грэм, 2011, 48), что активно поддерживали и предпринимательское, и родительское сообщества (Грэм, 2011, 46-47). Совпадение в модели трудового воспитания патриотических и кадровых запросов родителей, предпринимателей и государства обошло интересы такого не менее важного актора школьного образования, как педагогов. Это рассогласование интересов между педагогическим сообществом, учителями и академиками, с одной стороны, и государством с гражданским обществом, с другой, станет практически несменяемой константой для динамики институциональных преобразований в американской школе (Грэм, 2011, 50).

В период адаптации, на фоне обогащения американского общества, произошла переориентация с общенациональных приоритетов («средняя школа для интересов нации») на запросы родителей («средняя школа во имя интересов детей») (Грэм, 2011, 59). Это время стало рассветом педагогических экспериментов и экспериментальных школ (в одной из которых обучался Томас Кун), но в основном целевой аудиторией подобных учреждений и проектов стали дети из состоятельных семей (Грэм, 2011, 60, 69). Тем не менее новые веяния и образовательные практики проникали и в государственные средние школы, но по преимуществу это случалось благодаря инициативе и самоотдаче отдельных управленцев, например, К. Уошберну (Грэм, 2011, 76-77). Особую опору адаптационный дух педагогики

²⁶ Год первого издания книги на языке оригинале – 2005, в русском переводе – 2011. Поэтому формулировка «по настоящее время» несколько устарела.

приобрел в практике тестирования, которая возникла еще в период ассимиляции для отсеивания «умственно неполноценных» из рядов вооруженных сил (Грэм, 2011, 53). Тесты на умственные способности позволили обосновать различность образовательных потребностей у разных детей и подростков, хотя критика в виде «проверки на демократичность» и обоснованность подобной процедуры не заставила себя ждать (Грэм, 2011, 84-85). И все же идея о некотором необходимом для всех минимуме знаний и навыков сменилась идеей удовлетворения разных потребностей у разных обучающихся при помощи разных же образовательных программ (Грэм, 2011, 80).

Оформилась ситуация, аналогичная периоду ассимиляции: воспитанию в массовой американской школе уделялось больше внимание, а «знания как таковые, похоже, интересовали лишь немногих» (Грэм, 2011, 86). Увеличение количества учащихся, продление времени школьного обучения и упрощение академического содержания уроков проходило на фоне растущей безработицы, которая усиливала функцию школы, ее администраторов и учителей, как персонала по «передержке» молодежи перед вступлением во взрослую жизнь (Грэм, 2011, 88). Несмотря на поддержку адаптационистской политики в образовании самими педагогами и академиками (ее идеологами), опасения вокруг «советской угрозы» вместе с началом «холодной войны» (Грэм, 2011, 99), а также расовое и имущественное неравенства, порождавшие и неравенство образовательное (Грэм, 2011, 101), «подтолкнули» маятник общественного (прежде всего родительского) мнения в обратную сторону. В сторону централизованной политики и государственного вмешательства в институт средней школы, отсутствие которых привело к «безумному одностороннему разоружению в области образования» (Грэм, 2011, 105).

Советофобия и внутренние социально-экономические проблемы американского общества привели к старту нового периода, периода доступа. Доклады государственных и независимых экспертов с громкими названиями, например, «Нация перед лицом угроз», продемонстрировали общественности катастрофическую неуспеваемость и недообученность у значительного количества американских школьников (Грэм, 2011, 105). Преодоление социального неравенства через борьбу с неравенством в школьном образовании, создание особых программ для одаренных детей из любых общественных слоев стали основой национальной образовательной политики Соединенных Штатов в эти десятилетия (Грэм, 2011, 107). Особую роль в росте общественной поддержки подобные смены курса стали наглядные сравнения успеваемости и уровня знаний среднестатистических американского и советского школьников (Грэм, 2011, 111-112). Аргументы «от демократии» (должный уровень образованности и культурности для всех необходим для демократического общества) вновь вошли в публичную повестку (Грэм, 2011, 118). Подобная смена ориентиров имела и относительно неожиданные и преимущественно негативные последствия: на учителей возложили ответственность за ошибки эпохи адаптации, а престиж профессии в целом падал (Грэм, 2011, 129). Зато федеральное финансирование школ увеличивалось и напрямую влияло на ускорение расовой дегрегации в образовании (Грэм, 2011, 142). Тем не менее, окончание эры доступа ознаменовалось ростом недовольства родительской общественности качеством получаемого детьми образования, фрагментарностью и оттого неэффективностью многих государственных мер в улучшении школьного обучения, усталостью учительского сообщества от роста бюрократических процедур (Грэм, 2011, 154-155).

Завершающая эпоха, о которой пишет П.А. Грэм, обозначается ею как борьба за академическую успеваемость. Стартовав с правления Р. Рейгана, основной проблемой предыдущих этапов развития национальной образовательной политики было обозначено низкое качество образования (Грэм, 2011, 158-159). В наличной школьной системе сохранялись отголоски времен адаптации, а минувшая эпоха доступа не позволила обеспечить общий рост образованности выпускников. Общественный маятник вновь качнулся в противоположном направлении: на первое место встали не специальные программы преодоления барьеров для отдельных групп и слоев, а вопросы экономической отдачи и жизненной успешности выпускников (Грэм, 2011, 167). Особенно они обострились на фоне финансовых потрясений конца 1970-х годов (Грэм, 2011, 169). Одним из основных способов преодоления академической неуспеваемости стал проект масштабной приватизации в школьном образовании и возложение на родителей ответственности за выбор образовательного пути для детей (Грэм, 2011, 179). Несмотря на многочисленные экспериментальные меры и институциональные переносы, все же конкретные замеры знаний показывали, что «...ни государственный, ни частный менеджмент не гарантируют качества образования... Гуру от политики предпочитали простой путь – совершенствование менеджмента – более сложному, а именно созданию школ,

способных обеспечить качественное обучение для своих учеников» (Грэм, 2011, 182). В попытке определить само это качество и его рост реформаторы в разных штатах в конце концов пришли к идее стандартов, которые должны усвоить школьники по окончании обучения (Грэм, 2011, 188). Отдельными направлениями реформ в ходе этой эпохи стало повышение образования самих педагогов и развитие педагогической науки, в т.ч. эмпирической и экспериментальной.

Так или иначе, основные вопросы того, чему и как должна учить средняя школа, остаются открытыми, как указывает автор, и в настоящее время. Но ключевая целевая направленность в понимании роли школьного образования как института – подготовка подрастающего поколения к успешной экономической жизни – сохраняется в американском общественном мнении (Грэм, 2011, 248).

Социальная инженерия, господство тестирований и культ эффективности: о специфичности формирования менеджеристской модели управления в школьном образовании

Несмотря на во многом нелинейное и неоднородное развитие институциональной системы средней школы в Соединенных Штатах, на материалах П.А. Грэма вполне можно выделить самостоятельную тенденцию, которая сохраняла и набирала силу на протяжении всего реформационного пути этого института. А именно та тенденция, которую можно обозначить как менеджеристскую.

В сложном маятникообразном движении общественного (родительского, предпринимательского) мнения, интересов государства и академического (профессорского, учительского) сообщества от централизации образовательной политики к ее децентрализации и обратно, процесс распространения в каждый из четырех указанных периодов практик и элементов модели менеджериализма остается более-менее стабильным.

Менеджеризм в американской средней школе как особую управленческую идеологию, состоящую из идей количественного измерения успешности или неуспешности деятельности (Ковалев, 2023, 27), упования на потенциал эффективных менеджеров (Ковалев, 2023, 28) и ориентации на запросы клиентов и потребителей (Ковалев, 2023, 28), можно в виде отдельных практик и тенденций наблюдать с эпохи ассимиляции. Само возникновение общественного запроса на американизацию в короткие сроки на достаточно узкой материальной и инфраструктурной базе способствовало актуализации и использованию наработок «научного менеджмента» и «социальной инженерии», ведь «администраторы стремились наладить работу школ, а не поощрять нравственные искания учащихся или внезапные вспышки их любознательности» (Грэм, 2011, 32). Да, подобный подход не способствовал росту знаний и академической успешности школьников, но последнее перешло в центр внимания национальной образовательной политики лишь на исходе прошлого столетия. Реформаторы прямо ссылались на труды Ф.У. Тейлора и на конвейерное производство Г. Форда, не понимая разницу между управлением последним и «организацией процесса обучения детей» (Грэм, 2011, 39). Но патриотическая повестка по необходимости срочной ассимиляции затмевала критиков такой управленческой модели (вроде Дж. Дьюи) и позволяла «менеджерам добродетели» продолжать двигаться в указанном направлении (Грэм, 2011, 39-40). Другим первичным инструментом, а потом органичной и задающей самостоятельный вектор институционального развития частью общего тренда в менеджериализации школьного образования стала практика тестирования (Грэм, 2011, 53). Последняя позволила установить «объективный и научный» (Грэм, 2011, 55) метод сортировки детей для последующего обучения в средней школе. Тесты в период ассимиляции должны были «стать средством освобождения одаренных от тирании статуса» (Грэм, 2011, 55), т.е. тоже обосновывались как важный инструмент в укреплении демократии. Отдельной составляющей менеджеристского направления в развитии института средней американской школы можно обозначить и раннюю профилизацию обучающихся, которая, как и слишком большая роль тестирований, подвергалась периодической критике (Грэм, 2011, 39).

В противоположную ассимиляции эпоху, в эпоху адаптации, роль тестирований только возросла. В этом инструменте те же самые прогрессивные педагоги, которые выступали на акцентировании внимания на интересах детей и становлении их как личностей, нашли способ не для повышения эффективности американизации, а для раскрытия потенциала обучающихся (Грэм, 2011, 80). А общий целевой вектор этой эры образовательных реформ в пользу интересов ребенка способствовал развитию клиентоориентированности как еще одной характеристики менеджеристского управления в любой сфере общественной жизни. Заявленный гуманистический, педоцентричный подход ориентации на личность

способствовал дальнейшей деформации академического содержания в средней школе: «[сторонники адаптации утверждали, что] учебная программа должна быть гибкой, все предметы имеют одинаковую ценность... Ни страна, ни подрастающее поколение не получали от этого никакой пользы» (Грэм, 2011, 81). Общее выхолащивание академичности дополнялось дальнейшим увеличением преподавания профессионально-технических навыков для «удовлетворения потребностей самих детей» (Грэм, 2011, 86). Университетское сообщество во имя идеалов педоцентризма также поддерживало общий тренд на упрощение учебных программ в школе (Грэм, 2011, 88).

Частичное ослабление формирующегося менеджеристского управления в школах наступило в период доступа, когда стремление к удовлетворению интересов родительского сообщества сменилось общественным рвением к победе в «холодной войне» и преодолением внутренних социальных проблем. Повысилось внимание к научно-фундаментальному наполнению учебных программ (Грэм, 2011, 120). Но, как и в случае с противостоянием технократов и прогрессивных педагогов-педоцентристов, использование для этого иных элементов и инструментов менеджеристского толка не завершилось. Культ эффективности, возникнув в период ассимиляции, получил «второе дыхание» в эпоху доступа с появлением специальных научных направлений (Грэм, 2011, 143) и независимых экспертиз (Грэм, 2011, 146) по оценке отдачи от увеличения финансирования школ.

В конце концов, в период борьбы за академическую успеваемость, набор школьного менеджеризма окончательно оформился, дополнившись практиками из частного сектора (Грэм, 2011, 179) под лозунгами борьбы с излишней бюрократизированностью (Грэм, 2011, 160) и общим низким качеством образования (Грэм, 2011, 158). Тестирование как универсальный и во многом единственный метод оценки уровня знаний достигло наивысшего статуса: «...от утверждения, что образование заслуживает поддержки, ибо приносит пользу нации (делает граждан лучше), американцы перешли к... [тому] какую пользу оно приносит фирме или индивидууму... Перед школой ставились теперь гораздо более ограниченные цели, на вооружение были взяты и более примитивные способы оценки качества знаний. Значение теперь придавалось лишь результатам тестирования» (Грэм, 2011, 168). В попытках обнаружить наиболее осязаемое и измеримое понимание качества образования реформаторы пришли к идее образовательных стандартов, но именно «...вопросы тестов фактически становились «стандартами», и подготовка к их сдаче подменяла собой освоение... объема знаний, существенно ограничивая его» (Грэм, 2011, 188). Из полезного инструмента тестирование стало самоцелью (Грэм, 2011, 191). Попытки повысить качество образования «с другой стороны» – со стороны учителей – привели к возникновению тоже вполне менеджеристской по духу практики регулярных повышений квалификации, которые на деле мало способствуют профессиональному росту педагогов (Грэм, 2011, 192).

Таким образом, исследование П.А. Грэма не только расчерчивает четыре различных периода изменений в американской средней школе, с различными целевыми установками и балансами сил, но и показывает одну вполне стабильную тенденцию: формирование менеджеристской модели управления в школьной системе. Она сложилась из разрозненных источников: тестирования умственных способностей как объективного инструмента сортировки детей; научного менеджмента как универсального инструмента повышения эффективности управления; изначально высокой автономии школьных учреждений; ранней профессионализации обучения как особой этической и демократической практики; количественных показателей эффективности; имплантации управленческих инструментов из частного сектора; сведение целей школы от создания общественного блага к удовлетворению услуги повышения экономической эффективности выпускников.

Россия за школьной партией: чему может научить история американской средней школы отечественных управленцев образованием?

Сегодня перед российскими государством и обществом стоит важная задача: определить будущие контуры собственной образовательной системы, самостоятельной, качественной и независимой, способной обеспечить научно-технический прогресс и экономический рост стране. Тем не менее, осуществить подобную качественную суверенизацию школьного и высшего образования невозможно без сопоставления собственных институциональных и исторических условий с другими, зарубежными примерами. Особенно в нашем случае не обойтись без компаративного анализа «от противного».

Во многом опыт американской средней школы как института показывает угрозу резких реформационных поворотов. Четыре периода преобразований школьной системы, сходные с маятникообразным движением, способствовали лишь частичному достижению поставленных реформаторами и заинтересованными группами целей: «[предполагалось, что] вполне достаточно принять правильные политические меры, чтобы все остальное встало на свои места. Проблемы реализации этих мер возникали позднее; их решение было уделом исполнителей» (Грэм, 2011, 144). Во многом это характеризует реформы в институте средней школы как скорее дискретные, чем инкрементные (Норт, 1997, 21), а также показывает зачастую не учитываемую реформаторами неформальную сторону изменяемого объекта. А именно неформальные нормы и ограничения, их понимание и учет в политической практике, имеет наибольшее значение для успешности реформирования (Норт, 1997, 56). Особую роль для успеха реформ играет согласованность, равновесие (Норт, 1997, 112) основных акторов, их интересов, друг с другом. В случае школьного образования: родительского сообщества, учителей и государства. Из представленного материала видно, что зачастую педагогический актор, за исключением эпохи адаптации, оставался вне участия в публичных и политических дискуссиях о будущем школы. Согласования подобного рода, особенно с вовлечением в потенциальные реформы именно учительской общественности – непосредственных исполнителей будущих перемен, необходимы для построения новой российской средней школы.

Утвердившийся в последнее время тренд на патриотическое воспитание и опору на традиционные ценности также следует сопоставить с американским опытом институциональной «калибровки» между воспитательными и образовательными задачами школьной системы, который в случае средней школы в Соединенных Штатах зачастую сдвигался именно в сторону воспитания: «[обе] эти цели важны, и следует стремиться к достижению их обеих, но действовать нужно осмотрительно, не отдавая предпочтения ни той, ни другой» (Грэм, 2011, 248). Особенно размышления о том, как наиболее качественно проводить курс на повышение патриотичности граждан и формирования российской нации, актуальны при сопоставлении эпохи ассимиляции и современных дискуссий в публичном отечественном поле по вопросам миграции и обучению детей мигрантов в школах (Эфрос, 2022). С другой стороны, возвращаясь от воспитания к обучению, обоюдоостро что для школы в России, что в Соединенных Штатах стоит проблематика господства тестирований и излишней заикленности образовательных программ на них: «...сейчас и в ближайшем будущем общество начнет осознавать, что акцент на результаты тестов – это слишком узкое понимание роли школы. Дети должны очень многому научиться в школе, чему-то большему, чем хорошие оценки тестов, но развитию гибкости ума, воображению и искреннего интереса к предмету» (Лаукканен, 2012).

И, завершая анализ книги П.А. Грэма и обнаружения актуальности этой работы для современных российских дискуссий о будущем школьного образования, важным вопросом остается общественная роль школы как института: «Школа остается важным, но не универсальным орудием борьбы с невежеством» (Грэм, 2011, 181). Необходимо конструировать и формировать такие взаимоотношения между государством, школой и семьей (обществом), чтобы в конечном счете все акторы смогли согласованно и равномерно формировать общественное благо в виде комплекса знаний и добродетелей у подрастающего поколения. Притом понимание этих добродетелей и знаний, т.е. целевая установка в обучении и воспитании, не должно регулярно и быстро сменяться, а тем более кардинально расходиться между указанными агентами. Иначе и американский, и наш собственный российский опыт повторится вновь: частая смена целевых установок приведет к тому, что инструменты для их достижения постепенно сами станут целями. И порождение самых негативных следствий менеджеристской модели управления станут неизбежны.

Заключение

Книга П.А. Грэма не только представляет собой историческую хронику возникновения и развития американской массовой средней школы, но и позволяет реконструировать из приведенного материала логику формирования идеологии менеджеризма в этом институте. Пусть эта управленческая модель напрямую не перешла в российскую общеобразовательную школу, а скорее формировалась в похожих очертаниях независимо от конкретной американской имплементации менеджеристских ценностей и концептов в школьный институт, тем не менее, сама возможность рассмотреть институциональную историю школьного менеджеризма в Соединенных Штатах дает пищу не только для теоретических

размышлений. В потенциале удачи и ошибки заокеанских реформаторов могут позволить сформировать более гибкую и последовательную отечественную национальную образовательную политику для конструирования российской суверенной системы школьного и вузовского образования.

Литература

- Грэм, П.А. Америка за школьной партой. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации / П.А. Грэм // – М.: Издательский дом ВШЭ, – 2011. – 288 с.
- Казанцев, О.А. Концептуализации реформации: методология менеджериализма versus «головокружение от критики» / О.А. Казанцев // *Caucasian Science Bridge*. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 134–142. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>. – EDN ZSZEUW.
- Ковалев, В.В. Идеология менеджериализма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Вестник университета*. – 2023. – №7. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. – EDN XGDYIY.
- Кумсков, В. В. Педагогические идеи Д. Дьюи и советское образование 1920-х гг. / В.В. Кумсков // *Ярославский педагогический вестник*. – 2011. – Т. 2. – № 3. – С. 7–11.
- Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт // – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1– 997. – 180 с.
- Райнерт, Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э.С. Райнерт // – М.: Издательский дом ВШЭ, – 2011. – 384 с.
- Бурдина, А. Качество общего образования в России оценят по новым критериям [2023]. – Режим доступа: <https://ug.ru/kachestvo-obshhego-obrazovaniya-v-rossii-ocenyat-po-novym-kriteriyam/>.
- Лаукканен, А. «Америка за школьной партой» [2012]. – Режим доступа: <https://www.golosameriki.com/a/interview-patricia-graham/1559898.html>²⁷.
- Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования» [2011]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekciya-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razviti-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/>.
- Кравцов заявил о необходимости суверенной системы образования в России [2023]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/17595397>.
- С нового учебного года в школах будет введен курс внеурочных занятий «Семьеведение» [2024]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/8303/s-novogo-uchebnogo-goda-v-shkolah-budet-vveden-kurs-vneurochnyh-zanyatiy-semevedenie/>.
- Цикулина, С. Отмена ЕГЭ: популизм или руководство к действию? [2024]. – Режим доступа: https://octagon.media/istorii/otmena_ege_populizm_ili_rukovodstvo_k_deystviyu_.html.
- Цикулина, С. Учителя заступились за обществознание [2024]. – Режим доступа: https://octagon.media/istorii/uchitelya_zastupilis_za_obshhestvoznaniye.html.
- Цикулина, С. Школьные экзамены возьмут курс на традиционные ценности [2024]. – Режим доступа: https://octagon.media/istorii/shkolnye_ekzameny_vozmut_kurs_na_tradicionnye_cennosti.html.
- Эфрос, И. «Извините, но в школе мест нет». Почему российская система образования отторгает детей трудовых мигрантов и что с этим делать [2022]. – Режим доступа: <https://knife.media/education-of-migrants/>.
- Piattoeva, N. Numbers and their contexts: how quantified actors narrate numbers and decontextualization / N. Piattoeva // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. – 2021. – Vol. 33, № 3. – P. 511–533.

References

- Graham P.A. Schooling America: How the Public Schools Meet the Nation's Changing Needs. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki = Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2011. 288 p. (In Russ.)
- Kazantsev O.A. Conceptualizations of reformation: the managerialism methodology versus “dizzy with criticism”. *Caucasian Science Bridge*. 2024; 7(1):134-142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik Universiteta = Bulletin of the University*. 2023; 7:24-32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. (In Russ.)

²⁷ «Голос Америки» внесен Минюстом в список иностранных агентов.

- Kumskov V.V. D. Dewey's pedagogical ideas and Soviet education of the 1920s. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2011; 2(3):7-11. (In Russ.)
- North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. *Moskva: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala» = Moscow: Foundation of the economic book "Beginnings"*; 1997. 180 p. (In Russ.)
- Piattoeva N. Numbers and their contexts: how quantified subjects talk about numbers and decontextualization. *Assessment of education, certification and accountability*. 2021; 33 (3): 511-533.
- Reinert E.S. How rich countries became rich, and why poor countries remain poor. *Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki = Moscow: Publishing House of Higher School of Economics*; 2011. 384 p. (In Russ.)
- Burdina A. The quality of general education in Russia will be assessed according to new criteria. 2023. Available at: <https://ug.ru/kachestvo-obshhego-obrazovaniya-v-rossii-ocenyat-po-novym-kriteriyam/>. (In Russ.)
- Efros I. "I'm sorry, but there are no places at school." Why the Russian education system rejects the children of migrant workers and what to do about it. 2022. Available at: <https://knife.media/education-of-migrants/>. (In Russ.)
- Laukkanen A. "Schooling America". 2012. Available at: <https://www.golosameriki.com/a/interview-patricia-graham/1559898.html>. (In Russ.)
- Kravtsov stated the need for a sovereign education system in Russia. 2023. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17595397>. (In Russ.)
- Lecture by the Minister of Education of the Russian Federation Sergey Kravtsov "On the development of a sovereign national education system". 2011. Available at: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekcija-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razvitii-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/>. (In Russ.)
- Starting from the new academic year, an extracurricular course "Family Studies" will be introduced in schools. 2024. Available at: <https://edu.gov.ru/press/8303/s-novogo-uchebnogo-goda-v-shkolah-budet-vveden-kurs-vneurochnyh-zanyatiy-semevedenie/>. (In Russ.)
- Tsikulina S. Cancellation of the Unified State Exam: populism or a guide to action? 2024. Available at: https://octagon.media/istorii/otmena_ege_populizm_ili_rukovodstvo_k_dejstviyu_.html. (In Russ.)
- Tsikulina S. School exams will take a course on traditional values. 2024. Available at: https://octagon.media/istorii/shkolnye_ekzameny_vozmut_kurs_na_tradicionnye_cennosti.html. (In Russ.)
- Tsikulina S. Teachers stood up for social studies. 2024. Available at: https://octagon.media/istorii/uchitelya_zastupilis_za_obshhestvoznanie.html. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 17.10.2024

Дата окончания рецензирования: 23.11.2024

Дата принятия к публикации: 26.11.2024

Информация об авторе

Казанцев Осип Андреевич – аспирант, ассистент Института социологии и регионоведения, преподаватель Лицея Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: okazancev@sfedu.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов Information about the author

Kazantsev Osip Andreyevich – Postgraduate Student, Assistant at the Institute of Sociology and Regional Studies, teacher at the Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: okazancev@sfedu.ru.

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 378.6

<https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.4>

EDN ICEZCV

Независимая оценка квалификаций: отечественный и зарубежный опыт

Марина Н. Кичерова¹¹Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия

e-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

Александра П. Симакова²²Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия

e-mail: stud0000287995@utmn.ru

Олеся С. Зенкова³³Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия

e-mail: stud0000287995@utmn.ru

Аннотация

Введение. Независимая оценка квалификаций как процедура подтверждения навыков требованиям профессиональных стандартов активно внедряется в разных странах, в том числе и в России. Изменение задач на рабочем месте требует постоянного обновления компетенций работников, в связи с чем растет запрос на переобучение и независимую оценку квалификаций. Цель статьи - анализ практик реализации независимой оценки квалификаций, сравнение российского и зарубежного опыта, выявление преимуществ и ограничений, связанных с институциональными особенностями развития национальной системы квалификаций.

Методология и методы исследования. Использованы методы качественного контента-анализа источников и данных, представленных в открытом доступе, интервью с экспертами (n=10).

Результаты исследования и обсуждение. Установлено, что в странах Европейского союза и БРИКС независимая оценка квалификаций позволяет признавать результаты неформального образования и практического опыта. По результатам теоретико-эмпирического исследования показано, что во многих странах система независимой оценки квалификаций обрела устойчивые институциональные черты, сложились правила и процедуры, способствующие регулированию спроса и предложения рабочей силы. В России за последние годы наблюдается положительная динамика в развитии инфраструктуры национальной системы квалификаций, увеличилось количество Центров независимой оценки, количество субъектов РФ, где проведены экзамены, однако при этом экспертами выделены противоречия, связанные с организационными, функциональными и нормативно-правовыми факторами. Среди ключевых барьеров экспертами отмечены низкий уровень информированности работников и работодателей, ограничения инфраструктуры для проведения экзаменов, отсутствие продуктивного взаимодействия заинтересованных сторон. Результаты и материалы исследования могут быть полезны специалистам в области образования взрослых и управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: квалификации; неформальное образование; независимая оценка квалификаций; национальная система квалификаций; рынок труда; профессиональные стандарты.

Для цитирования: Кичерова М.Н., Симакова М.П., Зенкова О.С. (2024). Независимая оценка квалификаций: отечественный и зарубежный опыт. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 43-54. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.4>

Independent assessment of qualifications: domestic and foreign experience

Marina N. Kicherova¹¹University of Tyumen, Tyumen, Russia

e-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

Alexandra P. Simakova²²University of Tyumen, Tyumen, Russia

e-mail: stud0000287995@utmn.ru

Olesya S. Zenkova³³University of Tyumen, Tyumen, Russia

e-mail: stud0000287995@utmn.ru

Abstract

Introduction. Independent assessment of qualifications as a procedure for confirming skills with the requirements of professional standards is being actively implemented in different countries, including Russia. Changing tasks in the workplace requires constant updating of employee competencies, and therefore there is a growing demand for retraining and independent assessment of qualifications. The purpose of the article is to analyze the practices of implementing independent assessment of qualifications, compare Russian and foreign experience, identify the advantages and limitations associated with the institutional features of the development of the national qualifications system.

Methodology and research methods. Methods of qualitative content analysis of sources and data presented in the public domain, interviews with experts (n=10).

Research results and its discussion. It has been established that in the countries of the European Union and BRICS, independent assessment of qualifications makes it possible to recognize the results of non-formal education and practical experience. Based on the results of a theoretical and empirical study, it is shown that in many countries the system of independent assessment of qualifications has acquired stable institutional features, rules and procedures have emerged that help regulate the demand and supply of labor. In Russia, in recent years, there has been a positive trend in the development of the infrastructure of the national qualifications system, the number of independent assessment centers has increased, the number of subjects of the Russian Federation where exams are held, however, experts have highlighted contradictions associated with organizational, functional and regulatory factors. lack of productive interaction between stakeholders. The results and materials of the study may be useful to specialists in the field of adult education and human resource management.

Key words: qualifications; non-formal education; independent assessment of qualifications; national qualifications system; labor market; professional standards.

For citation: Kicherova M.N., Simakova M.P., Zenkova O.S. (2024). Independent assessment of qualifications: domestic and foreign experience. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 43-54. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.4>

Введение

Развитие глобальной экономики, появление новых технологий, изменение задач на рабочем месте требуют постоянного обновления навыков работников, оценку их квалификаций. Все большую значимость в обучении взрослых начинает играть неформальное образование и практический опыт, обучение на рабочем месте (Коршунов, 2021). Многие страны, заинтересованные в глобальной конкуренции, пытаются найти инструменты для синхронизации потребностей рынка труда и системы образования, в том числе через внедрение инструментов независимой оценки квалификаций. Независимая оценка квалификаций (далее – НОК) как социально-экономическое явление представляет собой процедуру подтверждения навыков требованиям профессиональных стандартов и активно внедряется во многих странах, в том числе и в России. Интерес к практике независимой оценки квалификаций обусловлен различными факторами, среди которых потребность в синхронизации спроса и предложения на рынке труда, технологические инновации, изменение трудовых функций во многих профессиональных областях. Повышенный интерес к внедрению НОК связан и с ростом межсекторальной мобильности, феноменом транспрофессионализма, что требует быстрой оценки имеющихся навыков соискателя, их сертификации для трудовой деятельности в новой профессиональной сфере (Богданова, 2024). Однако внедрение процедуры НОК зачастую сопровождается противоречиями, рассогласованностью разных акторов, в связи с чем данная проблематика является весьма актуальной, требует всестороннего изучения.

Цель статьи - анализ практик реализации независимой оценки квалификаций, сравнение российского и зарубежного опыта, выявление преимуществ и ограничений, связанных с институциональными особенностями развития национальной системы квалификаций.

Методология и методы исследования

Для изучения практик реализации независимой оценки квалификаций использованы методы качественного контента-анализа источников и данных, представленных в открытом доступе, интервью с экспертами (n=10). Сбор и анализ данных, интерпретация результатов выполнены с опорой на качественную методологию социологического исследования.

На первом этапе проведен критический контент-анализ научной литературы в сравнительно-сопоставительном контексте. Отбор источников проводился по ключевым словам в разных комбинациях: независимая оценка квалификаций, национальная рамка квалификаций,

система квалификаций. Эмпирической базой выступили научные статьи, аналитические доклады, данные, представленные в открытом доступе на официальных сайтах организаций. На втором этапе исследования проведен отбор экспертов в сфере независимой оценки квалификаций, эмпирической базой выступили тексты интервью с экспертами, представленные в СМИ и опубликованные в открытом доступе. Выборка строилась по критериальному принципу: руководящая должность и опыт профессиональной деятельности в сфере развития национальной системы квалификаций. Были отобраны 10 экспертных интервью, опубликованных в официальных СМИ и на сайтах организаций, ссылки на полный текст интервью представлены в списке литературы, должность экспертов - в приложении к статье. При обработке данных использованы приемы интерпретационного анализа, кластеризации мнений.

Результаты исследования

Практики внедрения независимой оценки квалификаций: международный опыт

Применение независимой оценки квалификаций в зарубежных странах имеет достаточно длительную историю. В числе первых её стали практиковать в Европейских странах, что было обусловлено процессами европейской интеграции, мобильностью населения, необходимостью адаптировать мигрантов, в том числе через содействие занятости (Williams, 2019). Независимая оценка квалификаций стала инструментом, позволяющим учитывать прошлое образование, в том числе неформальное обучение и практический опыт: получение сертификата НОК давало возможность выйти на рынок труда, приступить к работе (Allais, 2017). При наличии общих рамочных документов и рекомендаций (Европейская рамка квалификаций...), в каждой стране проявились свои национальные особенности, связанные с применением независимой оценки квалификаций.

Так, например, в Германии независимая оценка квалификаций является частью дуальной системы обучения. Дуальная система включает профессиональное обучение и профессиональный экзамен: образовательные программы носят «параллельный» характер, всё, что изучается в теории, демонстрируется на практике в ходе экзамена. Торгово-промышленные и Ремесленные палаты разрабатывают экзаменационные материалы на основе Регламента профессий, организуют процедуру экзамена. Каждый этап экзамена состоит из трех частей, длится до одного месяца, благодаря комплексной процедуре обеспечивается независимость оценки. Преимущества независимой оценки квалификаций в Германии проявляются в том, что предприятия получают специалистов, максимально точно соответствующих их требованиям (Есенина, 2015).

Профессиональное образование в странах Европейского Союза придерживается принципов непрерывного обучения на протяжении жизни и включает повышение квалификации, обучение взрослого населения и безработных граждан. В связи с этим независимая оценка квалификаций становится важным инструментом в процессе признания полученных навыков. В Нидерландах, Франции и Великобритании квалификации подразделяются на единицы квалификаций, что позволяет сертифицировать их и признавать на рынке труда (Олейникова, 2022). Этот опыт весьма интересен, так как иллюстрирует возможность сертифицировать так называемые микроквалификации (микростепени), запрос на которые в последнее время возрастает (Ralston, 2021). Во Франции практики внедрения независимой оценки квалификаций также имеют длительную историю, в 2002 году Национальной Ассамблеей был принят закон о получении права на валидацию/признание профессионального опыта для всех граждан, имеющих опыт работы на рынке труда, для самозанятых и лиц, проработавших более трех лет волонтерами. Такое официальное признание частично или полностью приравнивается к государственному диплому, выдаваемому учебными заведениями (Олейникова, 2022).

В странах БРИКС, включая Бразилию, Россию, Индию, Китай, Иран, Египет, ОАЭ и ЮАР, накоплен опыт развития национальных систем квалификаций, в том числе процедур их независимой оценки. Так, в Бразилии Национальная рамка квалификаций принята в 2020 году, однако профессиональные стандарты отсутствуют: для описания видов профессиональной деятельности используется Бразильская классификация занятий, которая описывает «существующие на бразильском рынке труда профессии, содержание работы и требования к соискателям» (Свистунов, 2023). В ЮАР возможно оценить «частичную квалификацию», которая понимается как отдельно оцениваемая единица обучения, зарегистрированная как часть квалификации (модуль). В Индии процесс независимой оценки квалификаций представлен довольно широко, особенность в том, что успешно признаются и сертифицируются навыки, полученные за счет практического опыта и неформального обучения (Mandal, 2018). В Китае

сертификация квалификаций работников осуществляется не только на государственном, но и на местном уровне, параллельно существует несколько видов профессиональных сертификатов, успешная сдача профессионального экзамена является обязательным условием допуска к работе (Свистунов, 2023). Несмотря на разный уровень развития национальных систем квалификаций, в странах БРИКС процедура независимой оценки квалификаций успешно применяется для оценки навыков работников. Исследования подтверждают, что использование инструментов НОК играет «важную связующую и регулирующую роль» между системами образования и экономики (Петрова, 2019, 96).

Таким образом, анализ зарубежного опыта свидетельствует, что внедрение системы независимой оценки квалификаций является общим трендом, связанным с переходом экономики к шестому технологическому укладу, появлению новых сфер профессиональной деятельности, в том числе цифровой (платформенной) экономики. Несмотря на отличия в национальных системах квалификаций - например, количество уровней квалификации, наличие либо отсутствие профессиональных стандартов, практически во всех странах процедура независимой оценки квалификаций стала важным инструментом регулирования в социально-трудовой сфере, связующим звеном между образованием и динамично меняющейся экономикой. Активными участниками этого процесса выступают Профессиональные объединения работодателей (Торгово-промышленные палаты), Советы по квалификациям, которые совместно с системой профессионального образования разрабатывают профессиональные стандарты, измерительные материалы, регламенты. Преимущества независимой оценки квалификаций в зарубежных странах связаны с возможностью признания прошлого опыта, неформального образования и возможностью легитимного выхода на рынок труда с профессиональным сертификатом.

Опыт внедрения инструментов независимой оценки квалификаций в России

В России система независимой оценки квалификаций стала внедряться чуть позже, в связи с формированием Национальной системы квалификаций (НСК), включающей широкую инфраструктуру учреждений и инструментов, регулирующих весь комплекс вопросов развития квалификаций. Нормативно-правовое обеспечение подкреплено Федеральными законами (ФЗ «О внесении изменений...», 2015; ФЗ «О независимой оценке...», 2016). Организационная структура включает Национальный совет при Президенте РФ по профессиональным квалификациям, Отраслевые советы, Центры оценки квалификаций (далее ЦОК). Важным инструментом развития национальной системы квалификаций является профессионально-общественная аккредитация образовательных программ, а также процедура независимой оценки квалификаций: в 2016 году был принят одноименный закон (ФЗ «О независимой оценке...», 2016), с января 2017 года данная практика внедряется в разных регионах. Создан национальный реестр независимой оценки квалификаций (Реестр НОК), в котором можно проверить свидетельство или заключение о прохождении независимого экзамена по профессии, познакомиться с оценочными средствами, выбрать экзаменационную площадку. Индикаторы развития национальной системы квалификаций за три года представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Показатели развития национальной системы квалификаций в России

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Количество субъектов, в которых действуют Центры оценки квалификаций	82	83	85
Количество субъектов, в которых были проведены профессиональные экзамены	71	72	76
Количество квалификаций в Реестре НОК	2457	3156	3196
Количество участников (тыс. чел.)	53,6	42,4	221,6
Количество профессиональных стандартов в Реестре НОК	1346	1424	1451

Как видно из Таблицы 1, наблюдается ежегодное увеличение количества субъектов Российской Федерации, в которых присутствуют Центры оценки квалификаций и проводится профессиональный экзамен. Стабильно увеличивается количество квалификаций в Реестре НОК и профессиональных стандартов. Прослеживается динамика и в количестве участников: с 2021 г. по 2022 г. их число уменьшилось на 11, 2 тыс., а с 2022 г. по 2023 г. возросло на 179,2 тыс. человек. Значительное увеличение участников было связано с принятием новой редакции Федерального

закона №238 от 01.01.2023 г., в соответствии с которым прохождение НОК стало обязательным для специалистов Национального объединения строителей и Национального объединения изыскателей и проектировщиков. Для подтверждения квалификации в этих отраслях профессиональный экзамен сдается 1 раз в 5 лет. Учитывая, что это две довольно крупные отрасли, введение обязательного требования НОК для специалистов привело к значительному увеличению общего количества участников независимой оценки квалификаций.

Стоимость процедуры НОК варьируется для разных отраслей, продолжительность составляет от 14 до 30 дней и включает непосредственно профессиональный экзамен, его проверку, подготовку документов и выдачу сертификата. Экзамен состоит из теоретической части (тестирование) и практической, где соискатель выполняет задания и защищает портфолио (Постановление Правительства РФ, 2016). Опыт проведения профессионального экзамена по отраслям ежегодно расширяется: в течение 2023 года он проводился в 76 регионах, его сдавали более 130 тысяч человек. Итоги экзамена показали, что из общего количества сдававших - 132 873 чел., успешно сдали экзамен 108 464 чел., т.е. 82% (НОК в строительстве... 2024).

Анализ развития национальной системы квалификаций свидетельствует, что расширяется число регионов, где внедряются инструменты независимой оценки квалификаций, наблюдается положительная динамика по количеству проведенных экзаменов и соискателей, получивших профессиональные сертификаты. Однако в данном процессе проявились некоторые проблемы, барьеры и ограничения, которые будут раскрыты далее.

Проблемы и противоречия внедрения независимой оценки квалификаций в России в оценках экспертов

Экспертная позиция в отношении независимой оценки квалификаций была выявлена на основе вторичного анализа данных, информационной базой выступили тексты полуформализованных интервью с руководителями и представителями компаний, вовлеченных в процессы независимой оценки квалификаций, опубликованные в открытом доступе. Были проанализированы 10 экспертных интервью (среди экспертов 5 мужчин и 5 женщин).

Анализ интервью с экспертами показал, что независимая оценка квалификаций постепенно входит в практику деятельности российских работодателей, однако пока она не стала устойчивой и популярной в профессиональной среде. Большинство экспертов в интервью акцентировали роль и преимущества НОК для бизнес-сообщества, работодателей и соискателей. Отмечалось, что в России трудовая система переходит на новые профессиональные стандарты, НОК дает работодателям и работникам возможность определить уровень компетентности специалистов, помогает разрешать спорные моменты и удостоверить соответствие квалификации: «А для работодателя НОК - полноценная замена аттестации персонала. И поскольку оценка именно независимая и проводится специальной комиссией, никаких претензий впоследствии к работодателю быть не может» (эксперт 1, М.). Значительная часть интервью касалась декларирования преимуществ процедуры независимой оценки: «Оценка квалификаций выгодна и работодателям, и сотрудникам» (эксперт 4, М.), облегчает выход на рынок труда (эксперт 6, Ж.). Положительный опыт был отмечен для сферы образования в Красноярском крае, в частности для педагогов, где процедура НОК была сопряжена с периодической аттестацией (эксперт 9, Ж.).

Еще один важный момент, по мнению экспертов, связан с тем, что подтверждение квалификации открывает перед работником возможности продвижения на более высокие должности, однако в настоящее время НОК не пользуется популярностью среди соискателей из-за недостаточной информированности. В связи с этим «основным инструментом для актуализации этого вопроса является пропаганда, потому что, к сожалению, даже крупные компании не в курсе, что такая процедура есть и ее можно реализовать» (эксперт 1, М.).

Ю. Смирнова считает, что основными целями независимой оценки квалификаций являются подтверждение квалификационного уровня работников и их защита в условиях изменения технологий. По мнению экспертов, в настоящее время происходит осознание необходимости двигаться в сторону независимой оценки, что способствует восходящей профессиональной мобильности работников: «Для главного инженера управляющей организации в профстандарте требуется высшее образование, а у человека просто есть среднее профессиональное образование и многолетний опыт работы на данной должности. Независимая оценка квалификации может стать для них способом подтверждения своих навыков» (эксперт 2, Ж.). В связи с этим некоторые регионы включаются в пилотные проекты, открывают экзаменационные площадки, создают новые формы партнерства между работодателями и образовательными организациями: «Работодатели должны активно участвовать в экспертизе

образовательных стандартов и программ. Наставничество и налаживание связей между образовательными учреждениями и работодателями могут помочь в решении проблемы нехватки квалифицированных кадров» (эксперт 2, Ж.). В качестве решения предлагается проводить процедуру НОК одновременно с итоговой аттестацией, что позволит выпускникам образовательных учреждений получать одновременно документ об образовании и подтверждение своих профессиональных навыков.

В некоторых отраслях, например, в строительстве, процедура НОК стала обязательной для всех работников, у которых закончился срок действия удостоверения о повышении квалификации. При этом эксперты отметили парадокс: *«В настоящее время не существует механизма исключения из национального реестра за неудачную сдачу экзамена, но работа над этим вопросом продолжается»* (эксперт 3, М.). Эксперты обращают внимание на возможность отклонить результаты экзамена в случае сомнений, определить процедуру исключения из реестра при неудовлетворительном результате. Для строительной отрасли это важно, так как недостаток специалистов в национальном реестре может стать причиной исключения компании из СРО и потери возможности выполнять функции генерального подрядчика. При этом некоторые эксперты видят преимущество в том, что вместо повышения квалификации, которая зачастую была формальной, специалисты будут сдавать профессиональный экзамен (эксперт 10, М.).

Экспертная оценка касалась не только преимуществ внедрения системы НОК, но и возникающих барьеров, противоречий. Так, была высказана точка зрения, что стремление сделать процесс прохождения оценки коммерческим подрывает его независимость. Для некоторых отраслей НОК воспринимается как лишняя, формальная процедура, в частности для строительной отрасли, так как противоречит задачам саморегулирования отрасли. Эта ситуация вызывает вопросы у профессионального сообщества, в частности эксперты Национального объединения строителей высказали мнение, что через систему НОК государство демонстрирует полное недоверие к работодателям. Процедура является излишней, так как работодатели способны самостоятельно оценить квалификацию работников (эксперт 6, М.). Оценка профессиональных навыков специалистов в строительной сфере вызывает множество вопросов и сомнений, требует дальнейших исследований. В частности, поднимаются вопросы коррупции при проведении экзаменов. Эксперты считают, что Центры оценки квалификаций могут быть связаны с руководителями СРО и заинтересованы в получении прибыли от этой оценки: *«Это, в свою очередь, означает, что оценка квалификации, которую предполагается проводить в рамках существующей правовой конструкции, является независимой только на словах»* (эксперт 6, М.).

Таким образом, по мнению экспертов, система НОК имеет как преимущества, так и существенные ограничения. Для некоторых отраслей, например, для строительства, внедрение инструментов независимой оценки рассматривается работодателями как существенное препятствие для развития отрасли, излишнее бюрократическое усложнение. Позитивный эффект связан с возможностями для соискателей, которые имеют профессиональный опыт, но не имеют профильного образования - для них НОК открывает возможности карьерного роста и продвижения. Эксперты отметили необходимость «повышения роли свидетельства о квалификации» (эксперт 3, Ж.) и масштабирования лучших практик.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования, в том числе анализ зарубежных практик реализации независимой оценки квалификаций показал, что во многих странах система независимой оценки обрела устойчивые институциональные черты. В России в течение последних лет активно внедряются практики независимой оценки, наблюдается положительная динамика, связанная с развитием инфраструктуры – появились Центры оценки квалификаций, созданы экзаменационные площадки, утверждены основные регламенты и процедуры, создан Национальный реестр НОК, однако по мнению экспертов пока не хватает реальной заинтересованности сторон (работодателей и соискателей), сырьевая структура экономики и медленные темпы постиндустриального перехода сдерживают распространение новых механизмов независимой оценки квалификаций. Полученные результаты во многом согласуются с исследованиями Олейниковой О.Н., Муравьевой А.А., Аксеновой Н.М. и др. (Олейникова и др., 2022), которые отмечали это как нерешенные проблемы.

Авторами статьи показано, что процедура независимой оценки квалификаций имеет как преимущества, так и существенные недостатки, которые проявились при внедрении НОК в российскую практику. Полученные результаты во многом совпадают с результатами анкетного

опроса пользователей данной системы. Так, проведенный в 2022 году опрос малых и средних саморегулируемых организаций, входящих в состав Ассоциации «Синергия» показал, что 83% знают о нововведении и лишь 27% относятся к нему положительно. Значительная часть опрошенных - 73% представителей компаний негативно реагируют на изменения законодательства в части обязательного прохождения НОК и считают данную процедуру нецелесообразной. Опыт реализации процедуры независимой оценки сформировал у работодателей, представителей малого и среднего бизнеса негативное отношение и недоверие: большинство организаций, которые напрямую столкнулись с НОК, отзываются негативно, в числе недостатков отметили стоимость процедуры и возможность роста коррупции (Мозганова, 2022).

Внедрение НОК вызывает опасения, сомнения и у работников бюджетных организаций, в частности у директоров школ. По результатам исследования, проведенного Г.Голуб, И.Фишман, Л.Шифман, В.Прудниковой в четырех регионах РФ установлено, что значительная часть руководителей образовательных организаций «не нуждаются в НОК как источнике значимой информации для принятия управленческих решений по кадровым вопросам» (Голуб, 2022, 43). Директора школ указали на необходимость доработки данной процедуры, подчеркнули важность сертификации отдельных квалификаций (микронавыков), входящих в состав других профессиональных квалификаций. По мнению руководителей, учителя перегружены работой, формами отчетности и внедрение НОК скорее усложняет ситуацию, нежели помогает работодателям и самим работникам (Любовь Духанина: о первом успешном опыте...).

Сложности и противоречия внедрения НОК отмечаются в разных отраслях. Так, по итогам рабочего совещания, организованного Российским союзом промышленников и предпринимателей, посвященного 10-летию внедрения НОК в строительстве, проектировании, инженерных изысканиях, были выявлены проблемные зоны, требующие доработки (Юбилей НОК-10 лет...). Фактически, запросов «снизу», от рынка труда и новых отраслей не так много. При этом возникающие трудовые практики, связанные, например, с работой на цифровых платформах (менеджер маркет-плейсов), внедрением беспилотного транспорта (оператор БПЛА и др.) пока не нашли отражения ни в профессиональных стандартах, ни на экзаменационных площадках. Иными словами, реальные запросы экономики пока слабо подкреплены нормативной базой, созданная система весьма инертна, не успевает за динамично меняющимся рынком труда. Система формального образования не успевает быстро реагировать на запросы диверсификации экономики, все большую роль выполняет неформальное образование, EdTech - компании, школы интернет-профессий, где можно быстро освоить востребованные навыки, а процедура НОК позволит достоверно оценить квалификации, полученные в неформальном обучении и на практике.

Для развития национальной системы квалификаций в России предпринимаются значительные усилия, меры для популяризации данных практик. В частности, Национальное Агентство развития квалификаций совместно с Союзом журналистов России ежегодно проводит конкурс работ, раскрывающих позитивный опыт регионов: тематика включает «Развитие системы независимой оценки квалификаций. Оценка квалификаций и непрерывное образование. Независимая оценка квалификаций - драйвер развития рынка труда» (Подача заявок...). Стоит отметить, что журналисты довольно часто критикуют внедрение практик независимой оценки, высказывают сомнения о прозрачности процедуры и достоверности результатов (НОК с душком...), однако, благодаря анализу критических отзывов система независимой оценки квалификаций совершенствуется, вносятся коррективы. Любые социальные изменения сопровождаются сопротивлением, определенными барьерами, поэтому исследование и обсуждение нерешенных вопросов и положительных практик является важным.

Заключение

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование показало, что во многих странах система независимой оценки квалификаций обрела устойчивые институциональные черты, стала важным элементом национальной системы квалификаций. Сложились легитимные правила и процедуры, определились роли основных участников процесса, НОК стала инструментом для регулирования спроса и предложения рабочей силы, помогает перестраивать образовательные программы. Изучение отечественного опыта показало, что в России наблюдается положительная динамика по количественным показателям развития инфраструктуры национальной системы квалификаций, однако данный процесс идет несколько медленнее целевых показателей: не хватает синхронизации системы профессионального образования и рынка труда, отстает разработка профессиональных стандартов. Положительная динамика по количеству объектов инфраструктуры для НОК сопровождается рядом проблем и

противоречий. Среди ключевых барьеров внедрения выделены: низкий уровень информированности, работодатели не видят экономической целесообразности в проведении процедуры НОК, так как сертификат действует 5 лет, не во всех регионах есть необходимая инфраструктура для проведения экзаменов и обеспечения процедуры НОК, не хватает институциональной зрелости, продуктивного взаимодействия всех заинтересованных сторон. При этом практики независимой оценки квалификаций активно развиваются и совершенствуются, расширяется число регионов, где независимая оценка реализована в качестве пилотных проектов, имеется положительный опыт, который возможно масштабировать. Материалы и результаты исследования могут быть полезны специалистам в области образования взрослых, оценки квалификаций, управления персоналом и человеческими ресурсами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список экспертов

Эксперт 1, М. Генеральный директор Центра инжиниринга безопасных условий труда, эксперт по технологиям оценки профессиональных рисков, систем мотивации и обучения персонала, руководитель экзаменационного центра.

Эксперт 2, Ж. Первый заместитель генерального директора Национального агентства развития квалификаций.

Эксперт 3, М. Вице-президент Национального объединения строителей.

Эксперт 4, М. Исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, председатель Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка, доктор экономических наук.

Эксперт 5, М. Директор Международного научно-образовательного консорциума «Центр управления знаниями в строительной отрасли».

Эксперт 6, Ж. Заместитель председателя Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка.

Эксперт 7, Ж. Генеральный директор Челябинского регионального агентства развития квалификаций.

Эксперт 8, Ж. Директор Центра развития образования и сертификации персонала «Универсум».

Эксперт 9, Ж. Председатель Совета по профессиональным квалификациям в сфере образования.

Эксперт 10, М. Президент Национального объединения строителей.

Литература

Богданова, О. В. Влияние транспрофессионализма на развитие дополнительного образования в России / О. В. Богданова // *Caucasian Science Bridge*. – 2024. – Т. 7, № 1(23). – С. 88-95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.7>. – EDN RJORGZ.

Голуб, Г.Б. Отношение директоров школ к независимой оценке квалификации педагогов / Г.Б. Голуб, И.С. Фишман, Л.И. Фишман, В.А. Прудникова // *Ярославский педагогический вестник*. – 2022. – №5 (128). – С. 43 – 55. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-5-128-43-55>. – EDN JLNWBW.

Есенина, Е.Ю. Независимая оценка квалификаций как часть дуальной системы обучения: опыт Германии / Е.Ю. Есенина // *Профессиональное образование и рынок труда*. – 2015. – №5-6. – С. 18-22.

Коршунов, И.А. Как учатся взрослые: факторы выбора образовательных программ / И.А. Коршунов, А.М. Тюнин, Н.Н. Ширкова, М.С. Мирошников, О.А. Фролова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2021. – №2. – С. 286 – 314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1627>.

Олейникова, О.Н. Система квалификаций в странах европейского союза / О. Н. Олейникова, А. А. Муравьева // *Центр изучения проблем национального образования*. – 2022. – С. 1 – 13.

Петрова, С.О. Организационная структура национальной системы квалификаций: новая философия в системе образования в России и зарубежных стран / С.О. Петрова // *Педагогика и психология образования*. – 2019. – №2. – С. 84 – 99.

Европейская рамка квалификаций для образования (EPK). – URL: <https://clck.ru/3DxiLG>.

Любовь Духанина: о первом успешном опыте применения механизмов НСК при аттестации педагогов (интервью с Л. Духаниной). – URL: <https://nark.ru/articles/spk/lyubov-dukhanina-o-pervom-uspeshnom-opyte-primenen/>.

Мозганова, В. Независимая оценка квалификации специалистов: нецелесообразная дорогая инициатива или частичное решение кадровой проблемы строительной отрасли (интервью с А. Ишиным) / В. Мозганова // *BFM.RU*. – 2022. – URL:

<https://www.bfm.ru/news?author=16&rubric=16004&page=39>.

Мороз, Н. Развитие независимой оценки профессиональной квалификации: вопросы и анкеты (интервью с А. Любимовым) / Н. Мороз // *HSE LAB*. – 2021. – URL: <https://hseblog.ru/post/razvitie-nezavisimoy-ocenki-professionalnoy-kvalifikacii-voprosy-i-aspekty>.

Необходимость независимой оценки квалификации должна определяться самими профессионалами (интервью с Ю. Смирновой). – URL: <http://cok-ps.ru/news/232-smirnova-interview.html?ysclid=m20h7sck5546340727>.

Нестеров, В. Александр Мурычев: «В России создана и развивается система оценки профессиональных квалификаций» (интервью с А. Мурычевым) / В. Нестеров // *Finversia*. – 2019. – URL: <https://finprofessional.ru/rubrics/interview/aleksandr-murychev-pered-nami-stoit-sereznyaya-zadacha-sozdaniya-mezhotraslevykh-tsentrov-otsenki-kvalifikatsii-728>. НОК в строительстве: 81% специалистов – ГИПов подтверждают квалификацию с первого раза. – URL: <https://needsro.ru/novosti-nok-345908765/>.

НОК и все круги ада (интервью с Е. Карантом). – URL: <https://zsr.ru/blogpost/55/nok-i-vse-krugi-ada>.

НОК с душком / О. Белкина // *За-Строй.РФ*. – 2022. – URL: <https://zsr.ru/blogpost/463/nok-s-dushkom>.

Опубликовано интервью с экспертами НСК Челябинской области (интервью с Т. Калугиной и Т. Ширшовой). – URL: https://nark.ru/news/news_nark/opublikovano-intervyu-s-ekspertami-nsk-chelyabinsk/.

Подача заявок на конкурс СМИ продлена до 15 октября. – URL: <https://konkurs-smi.nark.ru/>.

Поршнева, Л. Независимая оценка квалификации — это условие присутствия компании на рынке (интервью с А. Ишиным) / Л. Поршнева // *НОСТРОЙ*. Национальное объединение строителей. – 2022. – URL: https://nostroy.ru/company/news/?COMP_ID=t_news&CUR_TAB=0&eid=31399.

Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил проведения центром оценки квалификаций независимой оценки квалификации в форме профессионального экзамена» от 16.11.2016 №1204. – URL: <https://base.garant.ru/71542764/>.

Проведение независимой оценки квалификации в строительстве обсудили на конференции НОСТРОЙ (интервью с А. Глушковым). – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/08/07/provedenie-nezavisimoi-otsenki-kvalifikatsii-v-stroitelstve-obsudili-na-konferentsii-nostroi.

Реестр сведений о проведении независимой оценки квалификации. – URL: <https://nok-nark.ru/>.

Свиштунов, П. Обзор национальных систем квалификаций государств, входящих в БРИКС / П. Свиштунов, С. Власова // *Национальное агентство развития квалификаций*. – 2023. – URL: <https://nark.ru/analytics/regionalnoe-razvitie/obzor-natsionalnykh-sistem-kvalifikatsiy-BRICS/>.

СПК финансового рынка - об опыте признания международных документов о квалификации в системе НОК (интервью с Д. Маштакеевой) – URL: <https://u.kimis.org/pWXdD>.

Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации статьи 11 и 73 Федерального закона ‘Об образовании в Российской Федерации’ от 02.05.2015 № 122. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178864/.

Федеральный закон «О независимой оценке квалификации» от 03.07.2016 № 238. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485/.

Ширинова, Э. НОСТРОЙ рассказал о планах по развитию НОК: для кого еще введут обязательный профэкзамен (интервью с А. Глушковым) / Э. Ширинова // *Информационный портал «Все о саморегулировании»*. – 2024. – URL: <https://www.all-sro.ru/news/nostroy-rasskazal-o-planakh-po-razvitiyu-nok-dlya-kogo-eshche-vvedut-obyazatelnyy-profekzamen/>.

Юбилей НОК – 10 лет. Итоги внедрения независимой оценки квалификации (интервью с А. Глушковым). – URL: <https://clp-rf.ru/2024/01/31/yubilej-nok-10-let-itogi-vnedreniya-nezavisimoy-ocenki-kvalifikatsii/>.

Mandal, S. Emerging National Qualification Framework in India: A Journey of Dilemmas / S. Mandal // *Social Change*. – 2018. – № 48. – P. 589-600. – <https://doi.org/10.1177/0049085718801471> (

Ralston, S.J. Higher Education’s Microcredentialing Craze: a Postdigital-Deweyan Critique / S.J. Ralston // *Postdigit Sci Educ*. – 2021. – №3. – P. 83-101. – <https://doi.org/10.1007/s42438-020-00121-8> (In Eng.)

Allais, S. Labour market outcomes of national qualifications frameworks in six countries / S. Allais // *Journal of Education and Work*. – 2017. – № 30. – P. 457-470. – <http://dx.doi.org/10.1080/13639080.2016.1243232>

Williams, E. The police education qualification framework: a professional agenda or building professionals? / E. Williams, J. Norman, M. Rowe // *Police Practice and Research*. – 2019. – № 20. – P. 1-14. – <https://doi.org/10.1080/15614263.2019.1598070>

References

Allais S. Labour market outcomes of national qualifications frameworks in six countries. *Journal of Education and Work*. 2017; 30: 457–470. <http://dx.doi.org/10.1080/13639080.2016.1243232>

Bogdanova O.V. The impact of transprofessionalism on the development of additional education in Russia. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2024; 1: 88 – 95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.7> (In Russ.).

Esenina E.Yu. Independent assessment of qualifications as part of a dual education system: the German experience. *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda = Vocational education and the labor market*. 2015; 5-6: 18–22. (In Russ.).

Golub G.B. The attitude of school principals to the independent assessment of teachers' qualifications. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2022; 5: 43 –55. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-5-128-43-55> (In Russ.).

Korshunov I.A. How adults learn: factors of choosing educational programs. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021; 2: 286 – 314. (In Russ.).

Mandal S. Emerging National Qualification Framework in India: A Journey of Dilemmas. *Social Change = Social Change*. 2018; 48: 589–600. <https://doi.org/10.1177/0049085718801471> (In Russ.).

Olejnukova O.N. The qualification system in the countries of the European Union. *Centr izucheniya problem nacionalnogo obrazovaniya = Center for the Study of Problems of National Education*. 2022:1 – 13. (In Russ.).

Petrova S.O. The organizational structure of the national qualifications system: a new philosophy in the education system in Russia and abroad. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya = Pedagogy and psychology of education*. 2019; 2: 84 – 99. (In Russ.).

Ralston S.J. Higher Education's Microcredentialing Craze: a Postdigital-Deweyan Critique. *Postdigit Sci Educ = Postdigit Sci Educ*. 2021; 3: 83–101. <https://doi.org/10.1007/s42438-020-00121-8>.

Williams E. The police education qualification framework: a professional agenda or building professionals? *Police Practice and Research*. 2019; 20: 1–14. <https://doi.org/10.1080/15614263.2019.1598070>.

Federal Law "On Independent Assessment of Qualifications" dated 07/03/2016 No. 238. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485/ (In Russ.).

Federal Law "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation Articles 11 and 73 of the Federal Law 'On Education in the Russian Federation' dated 05/02/2015 No. 122. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178864/ (In Russ.).

An interview with experts from the NSC of the Chelyabinsk region (interviews with T.Kalugina and T.Shirshova) has been published. Available at: https://nark.ru/news/news_nark/opublikovano-intervyu-s-ekspertami-nsk-chelyabinsk/ (In Russ.).

Lyubov Dukhanina: about the first successful experience of using NSC mechanisms in the certification of teachers (interview with L. Dukhanina). Available at: <https://nark.ru/articles/spk/lyubov-dukhanina-o-pervom-uspeshnom-opyte-primenen/> (In Russ.).

Moroz N. Development of an independent assessment of professional qualifications: questions and questionnaires (interview with A. Lyubimov). HSE LAB. 2021. Available at: <https://u.kimis.org/nJgJC> (In Russ.).

Mozganova V. Independent assessment of the qualifications of specialists: an inexpedient expensive initiative or a partial solution to the personnel problem of the construction industry (interview with A. Ishin). BFM.RU. 2022. Available at: <https://www.bfm.ru/news/504228> (In Russ.).

Nesterov V. Aleksandr Murychev: "A system of professional qualifications assessment has been created and is developing in Russia" (interview with A. Murychev). Finversia. 2019. Available at: <https://www.finversia.ru/interview/aleksandr-murychev-v-rossii-sozdana-i-razvivaetsya-sistema-otsenki-professionalnykh-kvalifikatsii-62827?ysclid=m20h9c5il0957896276> (In Russ.).

NOK and all the circles of hell (interview with E.Karant). Available at: <https://zsr.ru/blogpost/55/nok-i-vse-krugi-ada> (In Russ.).

NOC in construction: 81% of GIP specialists confirm their qualifications the first time. Available at: <https://needsro.ru/novosti-nok-345908765/> (In Russ.).

Podacha zayavok na konkurs SMI prodlena do 15 oktyabrya. Available at: <https://konkurs-smi.nark.ru/> (In Russ.).

Porshneva L. An independent assessment of qualifications is a condition for the company's presence on the market (interview with A. Ishin). NOSTRA. National Association of Builders. 2022. Available at: https://nostroy.ru/company/news/?COMP_ID=t_news&CUR_TAB=0&eid=31399 (In Russ.).

Resolution of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Rules for conducting an independent qualification assessment by the Qualifications Assessment Center in the form of a professional exam" dated 11/16/2016 No. 1204. Available at: <https://base.garant.ru/71542764/> (In Russ.).

SEC of the financial market - on the experience of recognizing international documents on qualifications in the NOC system (interview with D. Mashtakeeva). Available at: <https://u.kimis.org/pWXdd> (In Russ.).

Shirnova E. NOSTROI spoke about plans for the development of the NOC: for whom else will a mandatory professional examination be introduced (interview with A. Glushkov). Information portal "All about self-regulation". 2024. Available at: <https://www.all-sro.ru/news/nostroy-rasskazal-o-planakh-po-razvitiyu-nok-dlya-kogo-eshche-vvedut-obyazatelnyy-profekzamen/> (In Russ.).

Svistunov P. Review of the national qualification systems of the BRICS member states. National Agency for the Development of Qualifications. 2023. Available at: <https://nark.ru/analytics/regionalnoe-razvitie/obzor-natsionalnykh-sistem-kvalifikatsiy-BRICS/> (In Russ.).

The anniversary of the NOC is 10 years old. The results of the implementation of an independent assessment of qualifications (interview with A. Glushkov). Available at: <https://clp-rf.ru/2024/01/31/yubilej-nok-10-let-itogi-vnedreniya-nezavisimoy-ocenki-kvalifikatsii/> (In Russ.).

The European Qualifications Framework for Education (ERC). Available at: <https://clck.ru/3DxiLG> (In Russ.).

The independent assessment of qualifications in construction was discussed at the NOSTROY conference (interview with A. Glushkov). Available at: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/08/07/provedenie-nezavisimoi-otsenki-kvalifikatsii-v-stroitelstve-obsudili-na-konferentsii-nostroi (In Russ.).

The need for an independent assessment of qualifications should be determined by the professionals themselves (interview with Y. Smirnova). Available at: <http://cok-ps.ru/news/232-smirnova-interview.html?ysclid=m20h7sck5546340727> (In Russ.).

The register of information on the independent assessment of qualifications. Available at: <https://nok-nark.ru/> (In Russ.).

Дата получения рукописи: 3.10.20224

Дата окончания рецензирования: 10.11.2024

Дата принятия к публикации: 11.11.2024

Информация об авторах

Кичерова Марина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия, e-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

Симакова Александра Петровна – студент, Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия, e-mail: stud0000292733@utmn.ru

Зенкова Олеся Сергеевна – студент, Тюменский государственный университет, г.Тюмень, Россия, e-mail: stud0000287995@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kicherova Marina Nikolaevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia, e-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

Simakova Alexandra Petrovna – Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia, e-mail: stud0000292733@utmn.ru

Zenkova Olesya Sergeevna – Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia, e-mail: stud0000287995@utmn.ru

The authors have no conflict of interest to declare

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья**УДК 316.454**<https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.5>

EDN ORIBPB

Факторы формирования жизненных ценностей населения Республики Крым: социально-политический аспект**Вера А. Захарова¹**

¹Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия,
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Наталья В. Чигрина²

² Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия,
e-mail: sociochigrin@mail.ru

Аннотация.

Введение. Авторами доказывается актуальность исследования проблемы факторов, оказывающих влияние на формирование жизненных ценностей жителей Республики Крым. Обосновывается специфика условий, в которых формировалась система ценностей населения региона, связь этих процессов с воссоединением Крыма с Россией в 2014 году. Авторы задаются вопросом о том, какие факторы в социально-политическом контексте способны (и как) повлиять на ценностные ориентации населения полуострова сегодня.

Методология исследования. Для целей исследования использованы методологические средства диспозиционной концепции социального поведения личности, а также субъектно-деятельностной научной парадигмы.

Эмпирической основой исследования выступают результаты массового опроса жителей Крыма (N=700), проведённого коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в марте-апреле 2024 года. Квотные признаки: пол, возраст, материальное положение, национальность и вероисповедание.

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты: достаточно большой процент опрошенных крымчан демонстрируют доверие главам государства и региона, оценивают социально-экономическую и политическую ситуацию в Республике как стабильную и безопасную, а уровень социальной напряженности как невысокий. Однако, наряду с этим, фиксируется обеспокоенность близостью СВО, уровнем межнациональной напряженности, а также рядом нерешенных актуальных для крымчан социальных проблем. Авторы рассматривают такие факторы, как геополитический энтузиазм, доверие власти, особенности расположения региона, а также ресурсы общегосударственной, региональной и национальной идентичности в ключе двойственности проявления их влияния на формирование пространства ценностных ориентаций населения.

В заключение делается вывод о амбивалентности в проявлении влияния ряда факторов социально-политического характера на формирование жизненных ценностей населения Республики Крым.

Ключевые слова: межнациональные отношения; Республика Крым; социально-политические факторы; ценности.

Для цитирования: Захарова В.А., Чигрина Н.В. (2024). Факторы формирования жизненных ценностей населения Республики Крым: социально-политический аспект. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3). С.55-61. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.5>

Factors in the formation of life values of the population of the Republic of Crimea: socio-political aspect

Vera A. Zakharova ¹,

¹Crimean branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia

e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Natalia V. Chigrina ²

² Crimean branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia

e-mail: sociochigrin@mail.ru

Abstract.

Introduction. The authors prove the relevance of the study of the problem of factors influencing the formation of life values of the residents of the Republic of Crimea. The specifics of the conditions in which the value system of the region's population was formed, the connection of these processes with the reunification of Crimea with Russia in 2014 are substantiated. The authors ask the question of which factors in the socio-political context are capable (and how) of influencing the value orientations of the peninsula's population today.

Research methodology. For the purposes of the study, the methodological tools of the dispositional concept of individual social behavior, as well as the subject-activity scientific paradigm, were used.

The empirical basis of the study is the results of a mass survey of Crimean residents (N = 700), conducted by the team of the Crimean branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences in March-April 2024. Quota characteristics: gender, age, financial status, nationality and religion.

Research results and its discussion. The following results were obtained: a fairly large percentage of the Crimean respondents demonstrate trust in the heads of state and the region, assess the socio-economic and political situation in the Republic as stable and safe, and the level of social tension as low. However, along with this, concerns are recorded about the proximity of the North Caucasus Military District, the level of interethnic tension, as well as a number of unresolved social problems that are relevant for Crimeans. The authors consider such factors as geopolitical enthusiasm, trust in the authorities, the specifics of the region's location, as well as the resources of national, regional and national identity in the context of the duality of their influence on the formation of the space of value orientations of the population.

In conclusion, a conclusion is made about the ambivalence in the manifestation of the influence of a number of socio-political factors on the formation of life values of the population of the Republic of Crimea.

Key words: interethnic relations; Republic of Crimea; socio-political factors; values.

For citation: Zakharova V.A., Chigrina N.V. (2024). Factors in the formation of life values of the population of the Republic of Crimea: socio-political aspect. *Caucasian Science Bridge*, 7(3). P. 55-61. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.5>

Введение

Республика Крым как регион уникальна не только своим природным и этноконфессиональным разнообразием, но и чередой ярких исторических событий, навсегда вписавших его историю в историю России. Воссоединение Крыма с Россией прошло в атмосфере одобрения и воодушевления со стороны большинства населения в том числе благодаря общности базовых ценностей, в особенности культурных и социально-политических, что было зафиксировано социальными опросами первых лет после Крымской Весны (ВЦИОМ...2016; ВЦИОМ...,2019). Какие же факторы влияют на то, что вмещает ценностное пространство жителей полуострова сегодня?

Теоретические основы исследования

Следует отметить, что в процессе изучения факторов формирования жизненных ценностей населения Крыма мы опираемся на мнение А.А. Черкасовой, определяющей жизненные ценности

как «совокупность социальных установок человека относительно наиболее важных, значимых для него предметов и явлений действительности, образующих смысл жизни, которые при определённых условиях могут стать одним из побудителей его практических действий, направленных на воплощение этих ценностей в жизнь» (Черкасова, 2012, 6).

Аксиологические аспекты социального бытия крымчан как предмет научных исследований до 2014 года изучались в основном в ракурсе культурологического поиска. Динамика развития научного дискурса изменилась с момента восстановления исторической справедливости – за последнее десятилетие количество научных публикаций на эту тему значительно возросло.

Большинство исследователей изучают пространство ценностных ориентаций крымчан сквозь призму определённой группы ценностей, возрастных групп их носителей (Захарова, 2018, 2022; Рожкова, 2020; Трудовые ценности..., 2019; Чигрин, Узунов, 2022) или же в виде обзора ценностного мира в целом, либо динамики изменений в нём (Хриенко, 2018; Динамика и структура..., 2022).

Учитывая роль Крыма в современной международной и федеральной повестке дня, закономерно, что социально-политический контекст формирования жизненных ценностей жителей полуострова является заметным и значимым, поскольку доверие к власти, уверенность в перспективах развития региона и личной и общественной безопасности в условиях напряжённой геополитической ситуации во многом определяют иерархию ценностей современного крымчанина.

Методология исследования

В качестве теоретико-методологической основы данное исследование опирается на положения диспозиционной концепции личности В.А. Ядова, а также субъектно-деятельностной парадигмы, представленной в трудах Л.Г. Ионина, О.Н. Наумовой, А.И. Шендрика (Ионин, 2020; Наумова, 1995; Шендрик, 2007). Диспозиционная концепция социального поведения личности В.А. Ядова даёт возможность методологически точно исследовать особенности социального поведения личности в условиях «столкновения потребностей и ситуаций (условий), в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены» (Ядов, 2013, 31). В частности, высшим уровнем в разделении продуктов такого столкновения – диспозиций – является уровень ценностных ориентаций, связанных с высшими социальными потребностями личности. В ракурсе нашего исследования наибольший интерес представляют именно эти ценностные ориентации высшего порядка – на ценности патриотизма, гражданственности и согласия.

Субъектно-деятельностная парадигма позволяет обнаружить когнитивный ресурс для объяснения механизмов формирования специфического ценностного мира конкретной личности в контексте условиях противоречивости и диссонанса ценностных ориентаций, а также ценностного воздействия. Посредством использования указанной парадигмы становится возможным анализ структурных факторов, определяющих в ценностном отношении жизненные траектории членов социума (например, материальное неблагополучие как барьер для принятия конкретной диспозиции), а также институциональных факторов, отражающих разную степень доступности институциональных ресурсов, которые выступают утвердившимся в конкретном обществе нормой-критерием «правильности» жизненной траектории.

Эмпирическую основу исследования составляют результаты массового опроса, посвящённого проблемам межэтнических отношений в Республике Крым, проведённого коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Выборка составила 700 человек. Квотными признаками выступили пол, возраст, материальное положение, национальность и вероисповедание. В опросе участвовали как жители крупнейших крымских городов, так и сельской местности. В данной статье использованы результаты исследования, касающиеся социально-политических оценок респондентов.

Результаты и их обсуждение

Энтузиазм и единодушие крымчан в отношении правильности сделанного в 2014 году выбора продолжает фиксироваться на достаточно высоком уровне, что демонстрируют результаты опроса 2024 года. Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Десять лет назад Крым

воссоединился с Россией. А как бы Вы поступили, если бы референдум состоялся в ближайшие дни?» 82% опрошенных выбрали вариант ответа «Подтвердил бы решение, принятое крымчанами 10 лет назад». При этом, оценивая, что в Крыму сейчас является наиболее ценным и важным (при возможности выбора нескольких вариантов ответов), 61,4% опрошенных выбрали безопасность и стабильность, 47% голосов было также отдано ценности возможности развития Крыма в составе России. Интересно, что, по сравнению с подобными опросами прошлых лет несколько уменьшилось внимание к варианту «строительство моста, аэропорта, трассы «Таврида» и других знаковых объектов». Можно предположить, что это объясняется тем, что крымчане стали «привыкать» к масштабным объектам строительства, крупным проектам, реализуемым на полуострове, и из феноменальных в сознании некоторых представителей крымского социума они постепенно превращаются в обыденные и привычные.

Реальная важность ценности безопасности и стабильности, заявленная таким значительным количеством опрошенных, подтверждается ответами на последующий вопрос о социальном самочувствии в регионе («Как Вам живется в вашем регионе, спокойно или Вы ощущаете тревогу, опасность?») - совокупно более 60% респондентов (43% - ответ «Чувствуем себя вполне спокойно», 17, 26% - «Скорее, чувствуем себя спокойно, уверенно») дали субъективную оценку ситуации в регионе как спокойной и безопасной, позволяющей чувствовать себя уверенно. Почти 62% участников опроса на вопрос о возможном переезде ответили, что никуда не хотели бы переезжать из Крыма.

При этом в пространстве идентификации наблюдается некоторая эклектика – региональная и общегосударственная идентичности представлены без резких контрастов (25,29% идентифицируют себя прежде всего как жителей Республики Крым, 38,43% - прежде всего россиянами, гражданами России), и обе достаточно сильны. При уточняющем вопросе о том, с кем респондент наиболее часто может себя отождествить («Это - мы»), региональный компонент в самоидентификации даже немного преобладает (около 52% против 44%). Достаточно сильны при этом позиции идентификации по национальному признаку – почти 57%. Такие показатели могут быть связаны с самим расположением полуострова, доступ к которому в последние годы несколько усложнился в связи с опасностью обстрелов, угрозами со стороны украинских властей, а также объективными логистическими трудностями на фоне ужесточившихся санкций.

В оценке социально-экономической и политической ситуации на полуострове за последний год также наблюдается определенный энтузиазм (около 60% респондентов характеризуют её положительно), однако же, в вопросе о степени социальной напряженности почти 34% опрошенных заявили, что её уровень с момента начала СВО возрос. Вызывает определенную озабоченность указание 9,5% опрошенных жителей Крыма на то, что за это же время повысился и уровень межнациональной напряженности. Эта озабоченность возрастает также при взгляде на выбор почти 30% респондентов проблемы миграции и межнациональных конфликтов как наиболее тревожных явлений на сегодняшний день.

В аспекте доверия организациям и общественным институтам результаты опроса демонстрируют небольшие отличия с опросами прежних лет – крымчане по-прежнему больше доверяют главе государства (64% полностью доверяют, 17% скорее доверяют) и главе региона (47,5% полностью доверяют, 24,5% скорее доверяют), нежели федеральному (37% и 27%) и региональному правительствам (37% и 28%). На высоком уровне продолжает фиксироваться доверие действующей армии (53% и 23%). Очевидно, это можно связать с признанием именно за Президентом России В.В. Путиным и Главой Крыма С.В. Аксеновым решающих ролей в воссоединении Крыма с Россией, что в сознании многих крымчан воспринимается тождественно спасению Крыма от масштабного кровопролития и хаоса.

Таким образом, можем заключить, что социально-политическое пространство такого сложного субъекта Федерации, каким является Крым, определяется действием противоположных тенденций: основной – интеграции, и второстепенной - дезинтеграции. Наравне с позитивными оценками социально-экономической и политической жизни региона и правильности выбора крымчанами единого пути с Россией, наблюдаются и некоторые признаки регионализации сознания жителей Крыма, расширение списка проблем, беспокоящих население. Среди них

достаточно значительно представлена проблема межнациональной напряженности, возросшей в атмосфере проведения СВО на фоне возрастания социальной напряженности в целом, отмеченной респондентами. Уверенность в главах государства и региона подразумевает надежду на возможность решения этих проблем именно с их участием, что сохраняет кредит доверия на достаточно высоком уровне.

В частности, энтузиазм, связанный с фактом воссоединения Крыма с Россией, проявляется двояко. Эффект защищенности и более высокой стабильности продолжает работать в сознании крымчан и предохраняет их от привычных в годы Украины активных протестных действий. В то же время, он выступает фактором риска роста патерналистских настроений, деактивирующих перспективы использования ресурсов региональной самоорганизации для решения актуальных проблем развития Республики Крым.

Заключение

Последнее десятилетие выступило доказательством того, что ценности «русского мира» остались актуальными для большинства крымчан. Однако, можно выделить ряд факторов, влияющих на пространство ценностных ориентаций жителей Крыма, в том числе ценностей высшего порядка, определяющих степень развития самосознания населения. Среди факторов такого влияния необходимо отметить: специфическое геополитическое значение Крыма, в виде международной и общегосударственной повестки имеющее как конструктивные, так и деструктивные преломления в сознании граждан (патриотизм против тревожности и уныния); инерция энтузиазма 2014-го года, грозящая усилением патерналистских установок; близость СВО как ресурс социальной напряженности; возросшее внимание населения к проблемам межнациональных отношений на полуострове и в стране в целом.

Стабильность и единство социально-политического пространства зависят от целой группы факторов, в состав которой входит: региональная политика центра, характер федеральных целевых программ в отношении Крыма, четкость нормативно-правовых актов, отлаженность бюджетных взаимоотношений, сохранение общего экономического, образовательного, информационного пространства.

Немаловажное значение имеет субъективный фактор: амбициозность региональных лидеров или их готовность к разрешению противоречий и нахождению баланса интересов, а также границы регионального самосознания населения.

В современных условиях, когда потенциал влияния партий и других институтов гражданского общества на политическую жизнь региона снижается или является минимальным, главными агентами социально-политического пространства выступают региональные экономические и политические элиты.

Ресурс доверия населения Крыма к федеральной и региональной власти пока сохраняет реальной перспективу адекватного решения основных проблем, актуальных для населения, а также активизацию позитивных ракурсов воздействия исследованных выше факторов социально-политического характера на формирование ценностных ориентаций и установок жителей Республики Крым.

Литература

Захарова, В. А. Экологические ценности как основа развития рекреационного пространства Республики Крым в контексте интеграционных процессов: ментальные основы / В. А. Захарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), № S1. – С. 186-192. – EDN VMMZEV.

Ионин, Л. Г. Философия и методология эмпирической социологии: Учебное пособие / Л. Г. Ионин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 361 с. – EDN BXAQPP.

Крым в России: год спустя // Официальный сайт ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-v-rossii-god-spustya>

Наумова, Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 5– 22. – EDN TZJOQB.

Рожкова, Л. В. Семья и образование в структуре жизненных ценностей молодежи Республики Крым / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина // *Logos et Praxis*. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 38 – 47. – <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.4>. – EDN GGBOCA.

Российский Крым: семь лет после воссоединения // Официальный сайт ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-vossoedinenija>

Трудовые ценности и ориентации современной молодежи в условиях кризиса и нестабильности / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина // *Социодинамика*. – 2019. – № 1. – С. 70–80. – <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.1.28758>. – EDN YWYUZF.

Узунов, В. В. Методологические особенности анализа траекторий социальной консолидации в условиях полиэтнических регионов Юга России / В. В. Узунов // *Гуманитарий Юга России*. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 88 – 98. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.6>. – EDN NVCAFU.

Хриенко, Т. В. Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.) / Т. В. Хриенко. – Симферополь: «Издательство Типография «Ариал», 2018. – 356 с. – EDN VRFVMI.

Чигрин, В. А. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России / В. А. Чигрин, В. В. Узунов // *Гуманитарий Юга России*. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 150 – 159. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.11>. – EDN ZYZNSE.

Шендрик, А. И. Культура в мире: драма бытия: избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии / А. И. Шендрик – Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2007. – 704 с. – EDN QOGSUP.

Ядов, В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и ее социальной обусловленности / В. А. Ядов // *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. – Второе расширенное издание. – Москва: ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2013. – С. 31– 39. – EDN ZBZYKD.

References

Chigrin V.A., Uzunov V.V. Features of social consolidation of regional communities in the South of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11 (1):150 – 159. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.11>. (In Russ.)

Crimea in Russia: a year later. Official website of VCIOM. 2015. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-v-rossii-god-spustya> (In Russ.)

Ionin L. G. Philosophy and methodology of empirical sociology: Textbook. - 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: *Izdatel'stvo Yurait=Yurait Publishing House*. 2020. 361 p. (In Russ.)

Khrienko T.V. Ideological values of the youth of Crimea (1991-2017). Simferopol: *Izdatel'stvo Tipografiya «Arial»=«Arial Printing House»*; 2018. 356 p. (In Russ.)

Labor values and orientations of modern youth in the context of crisis and instability / L. V. Rozhkova, S. A. Vlazneva, O. V. Salnikova, A. Sh. Dubina. *Sociodinamika=Sociodynamics*. 2019; 1:70–80. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.1.28758>. (In Russ.)

Naumova N. F. Life strategy of a person in a transitional society. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological journal*. 1995; 2:5-22. (In Russ.)

Russian Crimea: seven years after reunification. Official website of VCIOM. 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-vossoedinenija> (In Russ.)

Rozhkova L. V. Family and education in the structure of life values of young people in the Republic of Crimea. *Logos et Praxis*. 2020; 19(2): 38-47. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.4>. (In Russ.)

Uzunov V. V. Methodological features of the analysis of social consolidation trajectories in the conditions of multiethnic regions of the South of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11(1): 88-98. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.6>. (In Russ.)

Shendrik A. I. Culture in the World: Drama of Being: Selected Works on the Theory and Methodology of Culture, Sociology of Culture, Social Philosophy. Moscow: *Izdatel'stvo Moskovskogo humanitarnogo universiteta=Moscow University for the Humanities*; 2007. 704 p. (In Russ.)

Yadov V. A. Hypothpesis on the Hierarchical Structure of Personality Dispositions and Its Social Determination. Self-regulation and Forecasting of Personality Social Behavior: Dispositional Concept. Second Expanded Edition. Moscow: Tcentr social'nogo prognozirovaniya i marketinga=«Center for Social Forecasting and Marketing». 2013: 31-39. (In Russ.)

Zakharova V. A. Environmental values as the basis for the development of the recreational space of the Republic of Crimea in the context of integration processes: mental foundations. *Uchenye zapiski Krimskogo federal'nogo universiteta imeny V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psihologiya.* = *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology.* 2018; 4 (70):186-192. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 28.10.2024

Дата окончания рецензирования: 20.11.2024

Дата принятия к публикации: 23.11.2024

Информация об авторах

Захарова Вера Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия, zakharova7vera@mail.ru

Чигрина Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия, sociochigrin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Zakharova Vera Alexandrovna - Candidate of Sciences in Sociology, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Chigrina Nataliya Viktorovna - Candidate of Sciences in Sociology, Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: sociochigrin@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.6>

EDN OVXPMI

Адаптация жителей Крыма в контексте интеграции российского поликультурного общества в условиях новой территориальности*²⁸¹Анна В. Верещагина¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anrietta25@mail.ru

Аннотация

Цель исследования: выявить особенности и проблемы адаптации жителей Крыма к современным реалиям в контексте стоящей перед Россией задачи интеграции поликультурного общества.

Эмпирическая база исследования представлена результатами массового опроса, проведенного в Республике Крым в 2024 году (N=760). При формировании выборки квотно-пропорционального типа учитывались такие ключевые параметры, как пол респондента, возраст и местность проживания (городская, сельская). В статье используются также данные фокус-группового исследования, проведенного в Республике Крым в октябре 2023 года. Участниками двух фокус-групп стали жители села и города разных возрастов (N=11), а также студенты вузов (N=12).

Результаты исследования: в статье обосновывается, в том числе эмпирическим путем, значимость субъективной интерпретации процесса адаптации в условиях нестабильности, небезопасности, социальной неопределенности, вызванных текущей ситуацией СВО и связанными с ней факторами расширения границ российского государства, затяжного конфликта с западными странами. Основными эмпирическими индикаторами адаптации жителей Крыма в контексте интеграционных процессов выступают такие, как: самооценка изменений в жизни за последнее время, реализации жизненных планов, общего социального и эмоционально-психического состояния и жизненных перспектив, установки на перспективы самореализации в условиях сложившихся реалий, а также оценка (самооценка) уровня сплоченности российского общества. Результаты исследования продемонстрировали достаточно высокий уровень адаптированности крымчан с точки зрения самооценки жизненных перемен, во многом, связанной с приобретениями материального характера. Материальное благополучие и стабильность в его поддержании (что связано с трудоустройством, повышением квалификации) есть индикаторы адекватной адаптации к «вызовам среды», способствующей позитивному восприятию жизненных перемен и перспектив. Позитивный настрой наблюдается и в отношении перспектив всего российского общества, при том, что высоко интегрированным, сплоченным жители Крыма его не считают, особенно представители молодого поколения.

Перспективы исследования связаны с поиском путей повышения уровня сплоченности российского поликультурного общества, что предполагает необходимость социологической диагностики адаптационных и интеграционных процессов в регионах страны и, особенно, в новых территориях

Ключевые слова: адаптация; интеграция; сплоченность; новая территориальность; Крым; социальная справедливость; перемены.

Для цитирования: Верещагина А.В. (2024). Адаптация жителей Крыма в контексте интеграции российского поликультурного общества в условиях новой территориальности. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С.62-71. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.6>

* Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) по проекту «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» (государственное задание Минобрнауки, внутренний номер Г30110/23-14-РГ).

Adaptation of Crimean residents in the context of the integration of Russian multicultural society in the context of a new territoriality

Anna V. Vereshchagina¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anrietta25@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to identify the features and problems of adaptation of Crimean residents to modern realities in the context of the task facing Russia of integrating a multicultural society.

The empirical base of the study is represented by the results of a mass survey conducted in the Republic of Crimea in 2024 (N=760). When forming a quota-proportional sample, key parameters such as the gender of the respondent, age and place of residence (urban, rural) were taken into account. The article also uses data from a focus group study conducted in the Republic of Crimea in October 2023. The participants of the two focus groups were residents of the village and the city of different ages (N=11), as well as university students (N=12).

Research results: the article substantiates, including empirically, the importance of a subjective interpretation of the adaptation process in conditions of instability, insecurity, social uncertainty caused by the current situation of its own and related factors of the expansion of the borders of the Russian state, a protracted conflict with Western countries. The main empirical indicators of adaptation of residents of Crimea in the context of integration processes are such as: self-assessment of recent changes in life, the implementation of life plans, general social and emotional-mental state and life prospects, attitudes towards the prospects of self-realization in the current realities, as well as assessment (self-assessment) of the level of cohesion of Russian society. The results of the study demonstrated a fairly high level of adaptability of Crimeans in terms of self-assessment of life changes, largely related to material acquisitions. Material well-being and stability in its maintenance (which is associated with employment, professional development) are indicators of adequate adaptation to the "challenges of the environment", contributing to a positive perception of life changes and prospects. There is also a positive attitude towards the prospects of the entire Russian society, despite the fact that the residents of Crimea do not consider him highly integrated, cohesive, especially representatives of the younger generation.

The prospects of the research are related to the search for ways to increase the level of cohesion of the Russian multicultural society, which implies the need for sociological diagnostics of adaptation and integration processes in the regions of the country and, especially, in new territories.

Keywords: adaptation; integration; cohesion; new territoriality; Crimea; social justice; changes

For citation: Vereshchagina A. V. (2024). Adaptation of Crimean residents in the context of the integration of Russian multicultural society in the context of a new territoriality. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), C.62-71. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.6>

Введение

Залогом успешного и прогрессивного развития поликультурного общества выступает высокий уровень его сплоченности, интегрированности. Социальные изменения, особенно масштабного характера, вопросы и проблемы интеграции социума наполняют особой значимостью. От их решения зависит весь ход общественного развития, решение государственно значимых целей и задач, благополучие населения и отдельных индивидов. Начиная с 2014 года, когда произошло воссоединение Крыма и России, российское общество вступило в турбулентный период. Весь мир всколыхнуло это событие, заложившее основы для эскалации затяжного международного конфликта, принятия политики санкций против России, а с 2022 года ситуация приняла форму открытого и глубоко трагичного для нашей страны конфликта – началась специальная военная операция. На фоне этого изменившиеся в очередной раз границы российского государства за счет присоединения новых территорий (ЛНР, ДНР, Херсонская и Запорожская области) самым острым образом поставили вопрос об интеграции российского общества с учетом указанного фактора.

В этих условиях население страны столкнулось с необходимостью адаптироваться не столько к новым очертаниям границ российского государства, сколько к новым реалиям, связанным с довольно сложной социально-экономической ситуацией и изоляцией со стороны мирового сообщества. Таким образом, российское общество в очередной раз в своей истории проходит проверку на прочность в стремлении самосохраниться как самостоятельная цивилизационная единица, как единое социокультурное целое, всегда вмещавшее в себя огромное множество культурных и этнических миров. Индикативными признаками успешности данной проверки

выступают именно интеграционные процессы и уровень сплоченности поликультурного общества. В свою очередь, очень многое зависит от того, как протекают адаптационные процессы в условиях глобальных перемен и сложностей, какой характер они принимают – социально полезный или вредный для общества.

В условиях новой территориальности, конечно же, значительное внимание привлекают вопросы адаптации жителей присоединенных к границам российского государства регионов (ЛНР, ДНР и др.), к его правовой, экономической, политической системе (Руф, 2023; Сеницына, Богачева, Дроздова и др., 2023). Очевидно, данный процесс займет немало времени при том, что со стороны органов государственной власти делается немало для того, чтобы переходный период завершился быстрее и максимально эффективно. Немалый интерес, с нашей точки зрения, представляет опыт адаптации как индикатора интеграционных процессов жителей Крыма. Во-первых, Крым имеет уже десятилетний опыт интеграции в социокультурное пространство российского государства, что нашло отражение в значительном количестве научных исследований (Иванова, 2018; Лубский, 2018; Сараф, 2015), и этот опыт может оказаться весьма ценным для осмысления интеграционных проблем новых присоединенных территорий, в свое время имевших с Крымом общие государственные границы в составе Украины. Во-вторых, жители Крыма как приграничного региона, расположенного недалеко от зоны боевых действий, находятся в достаточно схожей ситуации, вызванной указанным фактором небезопасности. В-третьих, как и новые территории, Крым имеет статус непризнанного субъекта в составе РФ со стороны международного сообщества, что накладывает свои особенности на адаптационную ситуацию в данном регионе. И стоит учитывать тот факт, что Крым, включенный в единое социокультурное, социально-экономическое и политическое пространство страны, находится под влиянием общих для всех жителей страны факторов, детерминирующих сложности и возможности адаптации. Иными словами, изучение адаптации жителей Крыма к современным реалиям в контексте стоящей перед Россией задачи интеграции поликультурного общества непременно должно учитывать и общие для всех жителей страны условия жизнедеятельности, и специфические факторы, связанные с украинским прошлым Республики, историей присоединения к РФ, близостью от театра военных действий. Значимыми в данных условиях выступают субъективные оценки самих жителей Крыма о том, какие сложности возникают у них в процессе адаптации в сложившихся условиях жизнедеятельности, какие положительные результаты достигнуты в этом направлении, что и предлагается в данной работе в качестве эмпирического базиса для достижения ключевой цели – выявить особенности, проблемы и результаты адаптации крымского населения к условиям новой территориальности в контексте интеграции поликультурного российского социума.

Характеристика методологических и эмпирических оснований работы

Теоретической основой исследования адаптации жителей Крыма в современных условиях социальной нестабильности, неопределенности, рискогенности и небезопасности выступает структурно-деятельностный подход. Именно в его методологических границах российскими социологами (в частности, М.А. Шабановой, Л.В. Корель и др.) была выстроена наиболее адекватная для реформирующегося, трансформирующегося и находящегося в кризисном состоянии постсоветского общества теория адаптации, положения которой сегодня представляются очень современными для текущих российских реалий. Особенно для крымского социума, условия адаптации которого еще в значительной степени характеризуются факторами интеграции в новое социокультурное пространство, особенно для молодого поколения, а также трансформации социальных институтов и организаций, прежде функционировавших в условиях украинской государственности. Фактор турбулентности, неопределенности, непредсказуемости социального развития и социальности в целом в условиях военного конфликта также делает актуальным и адекватным современной реальности разработанный для трансформирующегося российского общества адаптационный подход (Корель, 2005; Шабанова 2001).

Социальная адаптация, если отталкиваться от теоретической конструкции Л.В. Корель, представляет собой процесс приспособления индивида, социальной группы, общности, общества, социальных институтов, организаций, социальной системы в целом к изменениям как внутреннего, так и внешнего характера, в результате которого происходят изменения в социальных практиках, ценностях, моделях и стереотипах поведения, а также в самой социальной системе, ее структуре и функциях (Корель, 2005. С. 39). Первостепенное значение в адаптационном процессе отводится субъективной деятельности самого субъекта адаптации, адаптационный потенциал которого в совокупности субъективных и объективных компонентов

во многом ограничивается факторами социоструктурного порядка и самым непосредственным образом связан с особенностями социокультурной реальности в ее правовом, экономическом, культурном, политическом преломлении. Для одних субъектов адаптации эти факторы и социокультурные реалии могут стать барьерами на пути успешной адаптации, а для других – расширяющими горизонты адаптационной траектории и практики, т.е. в адаптационной деятельности большая роль отводится субъективной компоненте.

Положения социологии адаптаций Л.В. Корель составляют разветвленную систему методологии социологического измерения адаптации, в которой для нашего исследования особый интерес представляет классификация системы адаптации, а именно такие ее типы, как адекватные и неадекватные адаптации. Согласно теоретическим взглядам Л.В. Корель, возникновение адекватных адаптаций происходит «в том случае, когда субъект адаптации (адаптант) верно понимает «вызовы среды», суть происходящих в ней изменений и соответствующим, «адекватным» образом корректирует свое сознание и поведение» (Корель, 2005. С. 119). Ежели этого не происходит, то тогда имеет смысл говорить не о совсем адекватных или о неадекватных адаптациях. Разве не созвучно это современной ситуации, когда население страны и Крыма в частности и в особенности не может не понимать, что в текущих реалиях с вызовами и угрозами национальной безопасности России, режима СВО и сложностей, связанных с затянувшимся военным конфликтом и международным политическим противостоянием, что необходима корректировка если не самой адаптивной стратегии, то оценки адаптивности, эффективности адаптации. Иными словами, каждая социальная ситуация задает импульс для адаптивного поиска, а его результат отражается на уровне интегрированности социума, поскольку, отталкиваясь от теории Л.В. Корель, социально полезные адаптации работают на интеграцию социальных институтов, коллективов, систем и социума в целом, а социально вредные, соответственно, – к дезинтеграции общества (Корель, 2005. С. 155).

Социальная интеграция как процесс объединения разрозненных частей и элементов в единое целое, в систему на основе принципов взаимозависимости и взаимодополняемости, способствующих гармонизации отношений между различными социальными группами, есть, своего рода, характеристика «меры совпадения ценностей, целей, интересов различных социальных групп, индивидов» (Табылгинова, 2011. С. 199.). Таким образом, в адаптационных стратегиях и практиках индивидов, социальных групп неминуемо находит выражение уровень интегрированности общества.

Сложность современной ситуации в России определяется ее рискогенностью, неопределенностью, небезопасностью, размытым образом будущего России, что подтверждается эмпирическими исследованиями (Верещагина, 2024; Коленникова, 2023.). В подобной ситуации, как пишет О.Н. Яницкий, приходится развивать способность адаптироваться к миру неопределенности, резких перемен (Яницкий, 2016), встраиваться в формат жизни «здесь и сейчас» с соответствующей стратегией адаптации.

И в этом ключе возможна постановка проблемы в виде противоречия: как в обществе, утратившем константы для устойчивого развития, выстраивать адекватные адаптации, которые соответствовали бы «вызовам среды» (с ее неопределенностью, рискогенностью, нестабильностью и ориентацией на жизнь в формате «здесь и сейчас») и целям интеграции общества, имеющим долгосрочный характер? В качестве гипотезы, которую предлагается эмпирически верифицировать в данной работе, можно сформулировать тезис о значимости субъективной интерпретации процесса адаптации в сочетании с уровнем социального, психологического самочувствия, видением жизненных перспектив в соотнесенности с идентификационными процессами, которые, в свою очередь, являются базисом интеграционных процессов (Дробижева, 2017).

При постановке в таком ракурсе гипотезы мы отталкиваемся от идей М.А. Шабановой о прогрессивной и регрессивной адаптации. Первая характеризуется преобладанием приобретений, нежели потерь в ходе осуществления контактов индивида, социальной группы с преобразуемой социальной средой, а вторая – наоборот: потери превышают приобретения (Шабанова, 1995). Важным методологическим основанием можно считать также утвердившееся в науке мнение о наличии двух критериев эффективности адаптации: объективных и субъективных. Вторые, в отличие от первых, опираются на субъективную самооценку индивида, его самочувствие и не имеют столь жесткой привязки к сложившейся в социуме иерархии социальных статусов (Мезенцева, 1999. С. 100). С этой точки зрения основными эмпирическими индикаторами адаптации жителей изучаемого региона в контексте интеграционных процессов выступают такие, как: самооценка изменений в жизни за последнее

время, реализации жизненных планов, общего социального и эмоционально-психического состояния и жизненных перспектив, установки на перспективы самореализации в условиях сложившихся реалий, а также оценка (самооценка) уровня сплоченности российского общества. Эмпирическая база исследования представлена результатами массового опроса, проведенного в Республике Крым в 2024 году в рамках реализации Государственного задания «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости». Всего в опросе приняло участие 760 человек в возрасте 18 лет и старше. При формировании выборки квотно-пропорционального типа учитывались такие ключевые параметры, как пол респондента, возраст и местность проживания (городская, сельская). В статье используются также данные фокус-группового исследования, проведенного в Республике Крым в октябре 2023 года в рамках реализации указанного выше Государственного задания. Участниками двух фокус-групп стали жители села и города разных возрастов (N=11), а также студенты вузов (N=12).

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего мы поинтересовались у жителей Крыма, как они оценивают происшедшие перемены в регионе за последний год. Это было важно с учетом достаточно напряженной повестки дня, связанной с проведением СВО и новыми социально-территориальными условиями российского государства. Ответы респондентов позволяют констатировать, что даже в столь непростых условиях у жителей Крыма доминирует позитивный настрой относительно динамики социальных изменений в регионе их проживания: 39,9% опрошенных считают, что за последний год перемены носят положительный характер; 25,8% отметили, что произошли отдельные перемены к лучшему; 14,5% никаких перемен не заметили за прошедший год и только 8,8% увидели негативную динамику в переменах за указанный период. Примечательно, что на личностном/семейном уровне оценка изменений в координатах перемен к лучшему фиксируется более высокая, превышая почти в два раза таковую на уровне оценки изменений в регионе - 67,9% против 39,9%, но при этом и тех, у кого жизнь изменилась в худшую сторону, тоже больше - 25,2% против 8,8% (см. таблицу 1).

Таблица 1. Оценка перемен, произошедших в жизни региона за последний год в зависимости от изменений в собственной жизни, жизни семьи, в %

Как Вы оцениваете перемены, произошедшие в жизни региона за последний год?		Всего	Как, в целом, изменилась Ваша жизнь /членов Вашей семьи за последний год?			
			улучшилась	осталась без изменений	ухудшилась	затрудняюсь ответить
	произошли значительные перемены к лучшему	39,9	67,9	25	13,2	13,1
	произошли отдельные перемены к лучшему	25,8	22,4	35,7	26,1	11,9
	никаких перемен не произошло	14,5	4,9	19,5	29,2	15,6
	произошли перемены к худшему	8,8	1,5	10,5	25,2	7,9
	затрудняюсь ответить	11	3,3	9,3	6,2	51,5
	Всего	100	100	100	100	100

Выявленные особенности оценки перемен в жизни изучаемого региона могут свидетельствовать о разном: о завышенных ожиданиях относительно перемен в жизни не так давно воссоединившегося с Россией Крыма ввиду эйфории, сопровождавшей этот исторический момент на уровне массового сознания жителей региона; о высоком адаптивном потенциале крымчан, наличии у них адаптационных ресурсов, во многом связанных с эмоциональной составляющей, источником которой выступает все тот же факт – желанное воссоединение с исторической Родиной – Россией. Эти предположения нуждаются в эмпирической проверке, которую осуществить в рамках данной работы в полной мере не представляется возможным, однако, некоторые сюжеты этой проверки высветить можно. Так, ожидания крымчан

относительно государственной поддержки жителям региона, действительно, не очень оправдались, если учитывать, что 30,7% опрошенных считают ее недостаточной при том, что большинство все же удовлетворено ею (см. таблицу 2), но именно эти 30,7% неудовлетворенных помощью государства и составили самый большой процент тех, кто указал на перемены к худшему в жизни региона за последний год. Наблюдается корреляция и между позитивной оценкой перемен в регионе с точки зрения положительно оценивших помощь государства населению Крыма (39,9% и 46,3% соответственно).

Таблица 2. Оценка перемен, произошедших в жизни региона за последний год в зависимости от оценки помощи государства, в %

Как Вы оцениваете перемены, произошедшие в жизни региона за последний год?	Всего	Как Вы, в целом, оцениваете помощь государства Вам и Вашей семье?		
		помощь вполне достаточная, это существенная поддержка мне/моей с	недостаточная, есть необходимость в ее расширении (укажите, что и	затрудняюсь ответить
произошли значительные перемены к лучшему	39,9	46,3	30,7	23,1
произошли отдельные перемены к лучшему	25,8	26,2	32,6	23,2
никаких перемен не произошло	14,5	16,2	2,3	11,5
произошли перемены к худшему	8,8	5,2	24	16,4
затрудняюсь ответить	11	6	10,4	25,8
Всего	100	100	100	100

Что же тогда является причиной столь высокой оценки положительных изменений в жизни крымчан (67,9%) при том, что, как показывают данные нашего опроса, помимо значительного числа неудовлетворенных помощью государства (30,7%), 36,5% респондентов за последние два года сталкивались с ситуациями социальной несправедливости? И это немало, хотя не сталкивалось с подобными ситуациями все же большее количество опрошенных (45%), однако, затруднились с ответом 33,8% опрошенных жителей Крыма. Эту последнюю цифру можно интерпретировать и со знаком «плюс», и «минус». Размышляя далее о причинах высокой субъективной оценке происшедших в жизни крымчан перемен на индивидуальном уровне, обратимся к другой переменной, связанной с социальным и эмоциональным состоянием респондентов. Согласно полученным данным, большинство респондентов (33,5%) чувствуют себя спокойно, уравновешенно, 14,3% ощущают тревогу, состояние безразличия характерно для 13,7%, а эмоциональный подъем испытывают 17,1%, что, вероятно, не так уж, и статистически незначимо с учетом текущих реалий СВО и, в целом, ситуации нестабильности, неопределенности. Однако, в совокупности этих категорий респондентов, испытывающих эмоциональный подъем (17,1%) и чувствующих себя спокойно, уравновешенно (33,5%), и образуется высокий показатель тех, кто позитивно оценивает происшедшие у них и в их семьях изменения за последний год (34% и 45,5% соответственно). Чувство тревоги в наибольшей степени (26,2%) присуще тем, чья жизнь ухудшилась (см. таблицу 3).

Таблица 3. Оценка настроения, эмоционально-психологического состояния в зависимости от изменений в собственной жизни, жизни семьи, в %

Как бы Вы охарактеризовали свое обычное настроение, повседневное эмоционально-психологическое состояние?	Всего	Как, в целом, изменилась Ваша жизнь /членов Вашей семьи за последний год?			
		улучшилась	осталась без изменений	ухудшилась	затрудняюсь ответить
ощущаю эмоциональный подъем	17,1	34	6,1	1,9	4,6
чувствую себя спокойно, уравновешенно	33,5	45,5	36,2	14,9	8,7

нахожусь в состоянии безразличия, апатии	13,7	4,6	20,5	21,8	18,1
ощущаю тревогу	14,3	7,7	19,3	26,2	8,3
чувствую раздражение	6,7	0,4	11,1	15,2	6,7
ощущаю чувство озлобленности, агрессии	2,7	1,1	2,8	7	1,9
чувствую отчаяние	3,7	2,4	2,3	9,3	3,9
затрудняюсь ответить	8,3	4,3	1,6	3,6	47,9
Всего	100	100	100	100	100

С какими же факторами жизненной самореализации связывают позитивные изменения в собственной жизни жители Крыма? Представленные в таблице 4 результаты опроса дают основания выявить ключевой индикатор позитивной самооценки жизненной ситуации за текущий год в массовом сознании жителей Крыма - материальное благополучие. Именно с улучшением материального положения, которого удалось добиться 31,6% опрошенных, связываются положительные изменения в жизни крымчан (59,6%). На второй позиции из числа реализованных в текущем году жизненных задач, планов, оказалось улучшение жилищных условий (24,6%), что также связано с фактором материального благополучия, и неудивительно, что для 31% опрошенных этот фактор стал значимым в положительной самооценке происшедших с ними перемен. На третьем среди факторов, оказавших влияние на высокую самооценку жизненных перемен, оказалось трудоустройство – 23,3% респондентов с подобной самооценкой выделили именно эту позицию в перечне того, что удалось реализовать в текущем году.

Таблица 4. Оценка самореализации в текущем году в зависимости от изменений в собственной жизни, жизни семьи, в %?

Что Вам удалось реализовать в текущем году? (выберите нужное)	Всего	Как, в целом, изменилась Ваша жизнь /членов Вашей семьи за последний год?			
		улучшилась	осталась без изменений	ухудшилась	затрудняюсь ответить
улучшить материальное положение	31,6	59,6	16,7	6,9	1,4
устроиться на работу	17,4	23,3	16,7	9,2	9,4
улучшить жилищные условия	24,6	31	23,5	17,5	14,1
получить образование (в том числе дать образование детям)	19,5	17,8	24,8	21,5	9,6
повысить свой социальный статус (квалификацию, должность и т.д.)	22,1	18	27,8	22,8	21,3
другое	1,4	0,5	3,4	1,3	0,1
ничего не удалось реализовать	15	3	12	27,5	49,9
Всего	131,7	153,2	124,8	106,6	105,8

Убежденность в материальной составляющей успешной адаптации демонстрируют и ответы на вопрос о реализации значимых планов в ближайшем будущем: большинство опрошенных эти планы связывает с улучшением материального положения (36,5%), улучшением жилищных условий (24,8%), трудоустройством (19,3%). В системе личностно-ориентированных ценностей крымчан ценность материального благополучия заняла довольно высокое место, уступив толь ценности крупной семьи, а замыкающей в тройке ключевых ценностей данного порядка стала ценность здоровья.

Достижение личностно-значимых целей и планов, в том числе и материального характера, во многом зависит от уровня сплоченности, интегрированности общества, особенно в сложных условиях. Но, как показали данных фокус-группового исследования, проведенного среди жителей Крыма в 2023 году,

единого, консолидированного представления о проблемах и процессах интеграции российского общества в массовом сознании крымчан не сложилось. Основные различия в позициях и мнениях крымчан носят поколенческий характер. Так, если взрослое население Крыма в контексте ключевых идей единения российского народа указывает на идеи коллективного, общероссийского характера (патриотизм, чувство ответственности, гордости за свою страну, духовно-нравственные ценности), молодежь в большей степени ориентируется на идеи более конкретного порядка: стабильности, возможности жизненной самореализации. При этом, для молодежи также значимы и указанные выше ценности, связанные с любовью к Родине, с российской культурой.

Жители Крыма не уверены в том, что современное российское общество в его текущей ситуации можно назвать сплоченным, интегрированным. И, что примечательно, именно по этому вопросу наиболее жестко разошлись во мнениях представители старшего и молодого поколений, участвовавших в нашем фокус-групповом исследовании. Наибольшую полемику вызвал вопрос о взаимопомощи, поддержке, который в ходе межпоколенческого диалога дал понять, что формы сплоченности, единения и помощи согражданам различаются во времени, и молодежь также вовлечена в практики помощи тем, кто в ней нуждается, только иначе, нежели старшее поколение: *«Я считаю просто, что Ваше поколение привыкло помогать одним образом, а в нашем случае это больше популяризируется в Инстаграме, например. ... Я соглашусь с Вами, молодые люди не привыкли подойти на улице, помочь кому-то... Это стеснение, что-то такое. Но вот когда это связано с миром Интернета, каждый из них будет смелее в этом плане»* (жен., 26 лет, город) (Верещагина, 2023).

Именно молодежь проявила наибольшую степень сомнения о сплоченности российского общества. Иными словами, сплоченным она его не считает, однако, это не повлияло на уровень оптимизма относительно будущего России. Молодое поколение, прекрасно понимающее и адекватно оценивающее текущие реалии в стране, не скрывающее страхов и тревожного состояния, неуверенности в завтрашнем дне в условиях СВО, будущее России представляет в большинстве своем в положительном свете (Верещагина, 2024).

Выводы

Основываясь на эмпирических данных массового опроса, проведенного в Крыму в текущем году, можно сделать вывод о том, что успешная адаптация к текущим реалиям с точки зрения такого индикатора, как самооценка жизненных перемен, во многом, связана с приобретениями («плюсами» в терминологии М.А. Шабановой) материального характера. Материальное благополучие и стабильность в его поддержании (что связано с трудоустройством, повышением квалификации) есть индикаторы адекватной адаптации к «вызовам среды», способствующей позитивному восприятию жизненных перемен. Тем более, что, согласно данным опроса, большинство из числа опрошенных жителей Крыма достаточно высоко оценивает свои возможности самореализации в таких жизненно важных сферах, как семейная, образовательная, материальная, жилищная, досуговая и т.д., а из опыта советского прошлого хотело бы вернуть экономическую стабильность, которая оказалась на второй позиции после такого важного для крымчан элемента восприятия советской действительности, как гордость за великую страну.

Впереди трудный путь гражданского единения, солидаризации (Гражданский патриотизм..., 2019), требующий своевременного социологического измерения происходящих на уровне массового сознания изменений относительно восприятия текущих реалий и событий. Значимое внимание следует уделять молодежи, проблемам и способам ее адаптации ввиду, ее суждениям и установкам, потребностям и тревогам, барьерам адаптации.

Будущее новой России во многом зависит от степени гражданского единения, при котором невозможно не учитывать факт присоединения новых территорий, за которыми, безусловно, стоят люди, граждане страны, нуждающиеся в поддержке со стороны всего российского общества. И в этом прежде всего проявляется интегративный потенциал социума, готового к формам солидаризации и консолидации, к взаимопомощи и поддержке в крайне непростых условиях. Порой именно такие условия позволяют обществу переосмыслить жизненные ценности, установки, потребности, объединиться для решения социально значимых задач, а потому принципиально важно социологически диагностировать субъективное восприятие той реальности, в которой происходит адаптационный процесс.

Литература

- Верещагина, А. В. Образ России в настоящем и будущем в представлениях жителей Крыма / А. В. Верещагина // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 152-164. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.11>. – EDN UHLKGC.
- Верещагина, А. В. Представления жителей Крыма об интеграционных процессах в российском обществе (по материалам фокус-групп) / А. В. Верещагина // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 159-172. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.12>. – EDN IOOAQX.
- Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинева [и др.]. – Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2019. – 392 с. – ISBN 978-5-907231-55-9. – EDN KKTIRC.
- Дробижева, Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества / Л. М. Дробижева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4(140). – С. 7-22. – DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>. – EDN YLYNRW.
- Иванова, Р. А. Коммуникативные аспекты социокультурной интеграции Крыма в Россию / Р. А. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), № S2. – С. 3-10. – EDN YONUDB.
- Коленникова, Н. Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан / Н. Д. Коленникова // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 91-103. – <https://doi.org/10.31857/S013216250028307-0>. – EDN PJZGUX.
- Лубский, А. В. Модальные модели социального поведения и особенности социальной интеграции Крыма в ментальное многообразие российского социума / А. В. Лубский // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 60-76. – <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.4>. – EDN USUAIC.
- Мезенцева Е.Б. Профессиональная адаптация в условиях негосударственного сектора: анализ интервью с женщинами-специалистами банковского бизнеса // В кн.: Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. – Т.1. М., 1999. 327 с.
- Руф, В. С. К вопросу о правовой интеграции новых субъектов в составе Российской Федерации / В. С. Руф // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 1(22). – С. 60-65. – https://doi.org/10.34076/2658_512X_2023_1_60. – EDN GAQPLM.
- Сараф, М. Я. Социокультурные аспекты интеграции Крыма в Россию / М. Я. Сараф // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции "Модернизация России: ключевые проблемы и решения", Москва, 18–19 декабря 2014 года / Ответственный редактор Пивоваров Ю.С.. Том Выпуск 10, Часть I. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. – С. 425-427. – EDN UDCXUV.
- Перспективы интеграции новых регионов в экономику России / И. В. Синицына, Е. А. Богачева, Е. С. Дроздова, М. И. Солощенко // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2023. – № 1(65). – С. 33-38. – EDN NAQFER.
- Табылгинова, Л. А. Основные научные подходы к понятию "социальная интеграция" / Л. А. Табылгинова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2011. – № 4(39). – С. 196-201. – EDN OEYMCN.
- Шабанова, М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций / М. А. Шабанова // Мир России. Социология. Этнология. – 2001. – Т. 10, № 3. – С. 78-104. – EDN XTKLXO. Шабанова, М.А. Социальная адаптация в контексте свободы / М. А. Шабанова // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 81-88.
- Яницкий, О. Н. Адаптация как вечная проблема / О. Н. Яницкий // Власть. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 68-74. – EDN TQTUAB.

References

- Vereshchagina A. V. The image of Russia in the present and future in the views of the inhabitants of Crimea. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2024; 13; 4: 152–164. (In Russ.)
- Vereshchagina A. V. Perceptions of Crimean residents about integration processes in Russian society (based on focus group materials). *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2023; 12; 6: 159–172. (In Russ.)
- Volkov Yu. G., Lubsky A. V., Bineeva N. K. [et al.]. Civic Patriotism and Solidarity Practices in Local Communities in the South of Russia. Rostov-on-Don: *Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Fond nauki i obrazovaniya»*

= Limited Liability Company "Science and Education Fund"; 2019. 392 p. (In Russ.) Drobizheva L.M. Dynamics of civil identity and its resource in positive integration processes of Russian society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* = *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2017; 4(140): 7–22. (In Russ.)

Ivanova R. A. Communicative aspects of the socio-cultural integration of Crimea into Russia. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* = *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2018; 4 (70); 2: 3–10. (In Russ.)

Kolennikova N. D. Images of the "Russia of the Future" in the Perceptions of Citizens. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = *Sociological Research*. 2023;10: 91–103. (In Russ.)

Lubsky A. V. Modal models of social behavior and features of social integration of Crimea into the mental diversity of Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii* = *Humanitarian of the South of Russia*. 2018; 7; 3: 60–76. (In Russ.)

Mezentseva E.B. Professional adaptation in the non-governmental sector: analysis of interviews with women specialists in the banking business. *Muzhchina i zhenshchina v sovremennom mire: menyayushchiyesya roli i obrazy* = *Man and woman in the modern world: changing roles and images*. 1999; 1: 327. (In Russ.)

Ruf V. S. On the issue of legal integration of new entities within the Russian Federation. *Ural'skiy zhurnal pravovykh issledovaniy* = *Ural Journal of Legal Research*. 2023;1 (22): 60–65. (In Russ.)

Saraf M. Ya. Sociocultural aspects of the integration of Crimea into Russia. Russia: trends and prospects of development: Yearbook: Proceedings of the XV International Scientific Conference "Modernization of Russia: Key Problems and Solutions", Moscow, December 18-19, 2014. Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk = *Russian Academy of Sciences*; 2015: 425–427. (In Russ.)

Sinitsyna I. V., Bogacheva E. A., Drozdova E. S., Soloshchenko M. I. Prospects for the integration of new regions into the Russian economy. *Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza (Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaystvom)*. *Ekonomicheskiye nauki* = *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of Economics and National Economy Management)*. *Economic sciences*. 2023; 1 (65): 33–38. (In Russ.)

Tabylginova L. A. The main scientific approaches to the concept of "social integration". *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo* = *Scientific notes of the Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical University. N.G. Chernyshevsky*. 2011; 4(39): 196–201. (In Russ.)

Shabanova M. A. Mass adaptation strategies and prospects of institutional transformations. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* = *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2001;10; 3: 78–104. (In Russ.)

Shabanova M.A. Social adaptation in the context of freedom. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* = *Sociological Research*. 1995; 9: 81–88. (In Russ.)

Yanitsky O. N. Adaptation as an Eternal Problem. *Vlast' = Power*. 2016; 24; 4: 68–74. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 5.09.2024

Дата окончания рецензирования: 19.10.2024

Дата принятия к публикации: 21.10.2024

Информация об авторе

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anrietta25@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anrietta25@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.354:351/354

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.7>

EDN PAZNTA

Человекоцентричность – ключевой фактор развития креативной индустрии**Анжела М. Салогуб¹**

¹ Российская академия государственной службы и народного хозяйства
при Президенте РФ, г. Москва, Россия
e-mail: salogubam@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье обосновывается современный подход в управлении креативным персоналом. За последние годы в российской экономике сложилась новая отрасль – креативные индустрии. Современное общество (общество знаний) – тот тип общественной структуры, в котором создание, распространение, доступность и использование информации и знаний играют ключевую роль в экономическом и социальном развитии. В таком обществе акцент делается на интеллектуальные ресурсы, образование и инновации как основные двигатели прогресса. Особенностью общества знаний является высокая степень вовлеченности персонала в процессы принятия решений и управления, основанные на информированности и компетентности. На этих идеях построены креативные индустрии, цель которых – производство творческого продукта и управление охраноспособным результатом креативного процесса. В статье оцениваются риски развития креативной отрасли, один из которых – трансформация традиционной модели управления человеческими ресурсами.

Анализ исследований проблемы креативности позволяет нам сделать вывод о том, что междисциплинарный феномен креативности следует рассматривать во взаимосвязи всех ее аспектов, таких как: личность, процесс, продукт и среда. В этом будет заключаться ключевая цель представленной статьи.

Методология исследования. Научные выводы сформулированы в границах методологического аппарата гуманитарных и социальных наук: социологии, управления персоналом, психологии, а также теорий (креативного класса, человеческого капитала, новаторской методологии управления), что позволяет говорить о теме разработки как о междисциплинарной сфере исследований. Эмпирической базой послужили экспертная информация Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), результаты работы комитета по интеллектуальной собственности и креативным индустриям России, официальные порталы деловых СМИ и нормативно-правовые документы.

Результаты исследования и обсуждение. В последнее время активно развивается креативный сектор экономики. Правильное использование потенциала креативных индустрий позволяет производимому продукту получить уникальные, отличительные характеристики и дополнительную ценность. Креативные индустрии имеют реальную возможность стать движущей силой деловой среды, непрерывно совершенствовать технологии и переизобретать то, на чем сегодня базируется основа любой бизнес-модели или существование государства как такового. Имеет смысл адаптировать подходы к управлению персоналом в креативных индустриях тем компаниям, которые заинтересованы в получении бизнес-преимуществ на рынке за счет формирования и развития креативности собственного персонала.

Ключевые слова: креативный персонал; креативные индустрии; инновации; человекоцентричность; принципы управления; кризис; развитие.

Для цитирования: Салогуб А.М. (2024). Человекоцентричность – ключевой фактор развития креативной индустрии. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 73-81. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.7>

Human-centricity is a key factor in the development of the creative industry**Angela M. Salogub¹**

¹ Russian Academy of Public Administration and National Economy
under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia,
e-mail: salogubam@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article substantiates the modern approach in the management of creative personnel. In recent years, a new industry has emerged in the Russian economy – creative industries. A modern society (knowledge society) is a type of social structure in which the creation, dissemination, accessibility and use of information and knowledge play a key role in economic and social development. In such a society, the emphasis is on intellectual resources, education and innovation as the main engines of progress. A special feature of the knowledge society is the high degree of staff involvement in decision-making and management processes based on awareness and competence. Creative industries are built on these foundations, the purpose of which is to produce a creative product and manage the protected result of the creative process. The article assesses the risks of the development of the creative industry, one of which is the transformation of the traditional model of human resource management.

The analysis of the research on the problem of creativity allows us to conclude that the interdisciplinary phenomenon of creativity should be considered in the interrelation of all its aspects: personality, process, product and environment. This will be the key purpose of the presented article.

Research methodology. Scientific conclusions are formulated within the boundaries of the methodological apparatus of the humanities and social sciences: sociology, personnel management, psychology, as well as theories (creative class, human capital, innovative management methodology), which allows us to talk about the topic of development as an interdisciplinary field of research. The empirical basis was the expert information of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), the results of the work of the Committee on Intellectual Property and Creative Industries of Russia, official business media portals and regulatory documents.

Research results and its discussion. The creative sector of the economy has been actively developing recently. The correct use of the potential of creative industries allows the manufactured product to obtain unique, distinctive characteristics and additional value. Creative industries have a real opportunity to become the driving force of the business environment, continuously improve technologies and reinvent what today is the basis of any business model or the existence of the state as such. It makes sense to adapt approaches to personnel management in the creative industries to those companies that are interested in obtaining windfall profits and business advantages in the market through the formation and development of creativity of their own staff.

Keywords: creative staff; creative industries; innovations; human-centricity; management principles; crisis; development.

For citation: Salogub A.M. (2024). Human-centricity is a key factor in the development of the creative industry. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), P. 73-81. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.3.7>.

Введение

В мире накопились проблемы. Регулярные вспышки болезней и вирусов, сложнейшая геополитическая обстановка, цивилизационный кризис, обесценивание человеческой жизни из-за перманентных военных конфликтов, замедление роста экономики, финансовые рынки, перегретые избыточной неликвидной денежной массой, экстремальное расслоение населения по доходам и капиталам, рост популизма – градус напряжения в мире только повышается. Существующие противоречия и проблемы требуют решений, которые невозможны без новых подходов и методов, без оригинальных идей и их носителей, творческих людей.

В деловом мире людей с творческими способностями известный американский социолог Ричард Флорида назвал креативным классом. К этому классу исследователь относит людей, которые в своей профессиональной деятельности заняты созданием новых форм (в материальной и нематериальной сфере) (Мильнер, 2018, 560). Причем большинство ученых (к примеру,

А. Маслоу, К. Юнг) соотносило креативность с продуктивностью и бессознательно причисляло к креативным исключительно ученых-теоретиков, художников, изобретателей, писателей (Ильин, 2009, 31-33). Исследователям понадобилось время и социальный опыт, чтобы научиться употреблять слово «креативный» (а также слово «эстетичный») к людям, продуктам, занятиям, процессам и отношениям.

Менеджеры усмотрели в креативности существенный потенциал, способный обеспечить бизнес оригинальными идеями и продуктивными инновациями. Принято считать, что в мире традиционно изобретателен малый и средний бизнес. А вот в России низовая инициатива, как утверждают, крайне слаба. Это не означает, что страна обладает малой креативностью. Согласно

одному исследованию, проведенному под эгидой ВШЭ, изобретателями можно считать 9,6% взрослого населения нашей страны (Смирнов, Николаенко, 2022, 65). К сожалению, большинство «частных инноваций» не патентуется, не коммерциализируется либо вообще выводится на аутсорсинг частному иностранному капиталу.

Существует мнение, что в России проводником широких изменений в этой связи является одна только власть. Задача номер один – создать благоприятную инновационную среду, в которой комфортно решаются проблемы повышения способности компаний к генерации нового знания как важнейшего элемента обеспечения их конкурентоспособности и суверенности на глобальном рынке.

Теоретические основы исследования

Сегодня в российской экономике наблюдается диспропорция между наличием инновационных возможностей и их реальным внедрением на практике.

Существующие вызовы стали своеобразным стресс-тестом для российской экономики и бизнеса, которые проходят испытания достойно. Вспомним, что Россия остается одной из немногих стран мира, IT-ландшафт которой сформирован не только крупными транснациональными корпорациями. По уровню цифровизации Москва возглавляет мировые рейтинги, транспортная система страны входит в тройку лидеров по внедрению беспилотных технологий, а в цифровом банкинге Россия опережает США. Креативные индустрии становятся новой созидательной силой трансформации национальной экономики и вдохновителем производства социально значимых и полезных продуктов и услуг. В свое время пророческим стало утверждение Ричарда Флориды, что «творчество становится движущей силой экономики и инноваций» (Мильнер, 2018, 571-572).

Творческие (креативные) индустрии – это сферы деятельности, значимая часть добавленной стоимости в которых формируется за счёт творческой деятельности и управления правами на интеллектуальную собственность.

Термин «креативные индустрии» начал употребляться политиками и исследователями в начале 1980-х годов. Тогда был создан знаменитый доклад ЮНЕСКО, в котором была описана первая концепция анализа и оценки состояния креативной индустрии.

В отличие от традиционных видов экономической деятельности, основанных на использовании природных, трудовых ресурсов, капитала, в креативных индустриях ценности создаются за счет реализации творческих способностей людей.

В 2021 году Министерство культуры России представило законопроект, создающий основу для развития креативных индустрий в стране. В российском союзе промышленников и предпринимателей (<https://rspp.ru/>) работает комитет по интеллектуальной собственности и креативным индустриям. Российский рынок креатива поддерживается в том числе некоммерческими организациями.

Эксперты Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики выделили 16 отраслей, которые относятся, по их мнению, к креативным (Смирнов, Николаенко, 2022, 66).

Аналогичный подход использован и Правительством РФ, хотя перечень креативных индустрий несколько отличается и является открытым, поскольку после последнего названия в их ряду в некоторых случаях ставятся «и другие».

Укрупненно креативные индустрии разделены на четыре группы: 1) основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность); 2) относящиеся к искусству (театр, музыка, кино, анимация, живопись, деятельность галерей и др.); 3) медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блогерство, печатная индустрия, средства массовой информации, реклама и пр.) и 4) прикладные (архитектура, промышленный дизайн, индустрия моды, гастрономическая индустрия и т.п.).

Уже один список видов деятельности свидетельствует, что оценка роли креативной экономики и составляющих ее индустрий представляет собой далеко не тривиальную задачу. В любом случае, выработан общий знаменатель – производство нематериальных активов и доход с интеллектуальной собственности.

Этот подход позволяет встроить поддержку креативных индустрий не только в отраслевые программы развития многих федеральных ведомств, но и сделать ее частью региональных программ.

В нынешней ситуации, чтобы показать себя в качестве эффективного инструмента развития национальной экономики, креативные индустрии должны опираться на человеческий капитал, на возвращение к базовым идеалам, ценностям и традициям.

Методология исследования

Научное исследование выстроено в границах теоретических подходов: деятельностного, институционального, ресурсного, опирается на положения теорий креативного класса, человеческого капитала, новаторской методологии управления, инновационной модели кадрового менеджмента, что позволяет говорить о теме разработки как о междисциплинарной сфере исследований. Эмпирической базой послужили экспертная информация профильных министерств, регулирующих деятельность креативных индустрий, официальные порталы деловых СМИ и нормативно-правовые документы.

Результаты исследования

Сегодня на большей части предприятий России одним из главных тормозов на пути роста бизнеса является дефицит человеческого ресурса. По данным РБК (<https://www.rbc.ru/economics>) в 2023-2024 г.г. дефицит кадров стал главной проблемой предприятий и серьезным риском для экономики. Несмотря на рекордно низкую безработицу в 2,9%, она сопряжена дефицитом кадров на рынке труда. Портал Superjob (<https://www.superjob.ru>) отмечает, что нехватку сотрудников испытывают до 85% российских компаний. В творческой отрасли ситуация еще более нервная. С одной стороны, есть объективные причины для фрустрации, к примеру, дефицит «свободных» креативных и талантливых специалистов на рынке труда. Есть и специфические причины.

Во-первых, складывается устойчивый тренд на «вымывание» сотрудников из креативной индустрии. Люди трансформировались в виртуальный ресурс, легко осваивают новые профессиональные роли, выходящие за пределы базовой квалификации, рассматривают организацию как временную локацию в целях получения нужных контактов, обогащения собственной креативности, глубокого понимания профессионального контента и социального опыта.

Во-вторых, креативные сотрудники ожидают гибридный, некоторые – удаленный формат работы. Пандемия и ограничение мобильности выявили потенциал новых условий сотрудничества человека и организации. К 2030 году 44% россиян ожидают, что гибридный формат работы или возможность удаленной работы станут важной частью новых требований к социальному пакету (<https://t.me/hrportalru>). Эффективность применения нейросетей в работе креативных индустрий подтверждается динамичной практикой их использования. Однако требуется проработка вопросов этики (человека), бизнеса и технологий.

В-третьих, существуют сложности совмещения представителей разных поколений. В командах растет доля сотрудников поколений Y и Z, сохраняет свои позиции поколение X. У каждой группы свои идеалы и ценностные ориентиры, требующие соответствующей им системы мотивации, нацеленной на поддержание приемлемой для бизнеса эффективности. Достижение организационных целей не представляется возможным без реализации целей социальных. Требуется соблюдение баланса интересов различных сил и ресурсов компании (Хейманс, 2019, 117).

В-четвертых, непродуктивная модель управления. Привлечь креатора - это половина успеха. Большинство представителей молодого поколения оценивает тандем с организацией максимум 2-5 лет. Есть серьезные проблемы с организацией креативных сотрудников. В компании безупречно отстроены бизнес-процессы, кадровые вопросы решаются научными методами и в русле мировых трендов. Креативный сотрудник блестяще проходит все испытания, тотчас вдохновляется предлагаемым проектом, сходу выдает ряд интересных идей. Потом, в свой первый рабочий день, сообщает, что он сейчас на берегу Байкала – срочно потребовалось «войти в ресурс» (<https://t.me/hrportalru>). Бесспорно, что для креативных сотрудников является непосильной задачей вписаться в бизнес-процессы, происходящие в классической иерархической компании, где менеджмент строится исключительно на авторитарных ценностях и власти статусов.

– В-пятых, дефицит доверия. «Слабый, непродуктивный» менеджмент маскирует свою неполноценность жесткостью в подходах управления и избыточной реструктуризацией, смысл которой - смена фокуса внимания с реальных проблем на имитацию действий и реформ. Согласно официальной статистике РБК (<https://www.rbc.ru/economics>), только 51% сотрудников доверяет

высшему руководству. Одним из факторов и элементов, блокирующих справедливые отношения в организации, является недоверие к выдвигаемым снизу идеям. Обязательно следует уделять особое внимание обереганию культуры взаимного доверия и уважения в организации.

Позитивная корпоративная культура и «отсутствие менеджмента» оцениваются выше, чем зарплатные ожидания. Современное поколение новаторов легко расстается с компаниями, чьи ценности, идеалы и планы не разделяет. Список кадровых проблем, вызовов для креативных индустрий открытый, легко пополняется новыми кейсами.

Решения видятся в той плоскости, в которой порождена проблема. На наш взгляд, это преобразование модели управления, переход от менеджеризма индустриальной эпохи к фокусу на человека, к человекоцентричности в менеджменте и бизнесе. В креативных индустриях и высокотехнологичных компаниях - это новая зарождающаяся практика, признаки формирующегося долгосрочного тренда. Имеет смысл научиться работать по-новому в новых условиях.

Выделим ключевые принципы трансформации философии управления:

- Создание организации будущего, в которой идея и инновация важнее структуры и иерархии, конкурентоспособность и сверхдоходы обеспечиваются за счет ценностной модели управления. Миссия такого бизнеса - становиться лучшими для мира, создавая лучшую жизнь для всех через производство продуктов и услуг высшего качества, этику и ответственность. Поисковый процесс в таких организациях выводится из-под опеки основного бизнеса и бюрократических процедур, чтобы не позволить им «засушить» творческий инсайт.

- Новое лидерство – необходимость подготовки руководителей, готовых к гибкости и принятию культурного многообразия, использующих новые модели руководства, позволяющие управлять бизнесом с использованием цифровых технологий. Выбор методов управления осуществляется в сторону создания поддерживающей и доверительной атмосферы в коллективе, что способствует улучшению мотивации и эффективности работы.

- Ясность целеполагания. Вопрос не в применении новых технологий планирования или прогнозирования. Смысл заключается в формировании заведомо напряженной и крайне увлекательной идеи фикс, выстроенной на научной основе и достижимой нормативной базе. Образуется единый ценностный смысл совместной деятельности бизнеса и человека. В противном случае, в организации формируется тип удовлетворенности сотрудников, который принято называть «лояльность на уровне нормативов», принятие персоналом условий труда, как компенсирующих личные затраты до определенного времени. Как утверждают в компании «ВкусВилл (<https://vkusvill.ru/>): «Эволюционная цель направлена... вовне - принести пользу не только клиентам, а некоему сообществу, государству или даже человечеству в целом».

- Ориентация на результат. Требуется сочетание целей, ценностей креативных сотрудников с целями, ценностями организации, культивирование «образа» компании как важнейшего условия развития личной эффективности. Генераторы новых идей и те, кто их воплощает в продуктах и решениях, становятся владельцами условий, результатов труда и производства. Компания не изымает, а выкупает их разработки по рыночной или договорной цене. Организация получает способный к патенту результат интеллектуальной деятельности. В подобной плоскости отношений собственности отпадает необходимость в ужесточенной системе внешнего контроля и режиме наказаний. В действие вступает механизм внутреннего контроля и личной ответственности самих разработчиков за результаты инновационного процесса (Инновационное развитие ... 2024).

- Корпоративная культура инновационного типа. Инновационная культура – это сложная организационная система, состоящая из множества элементов. Кроме того, она достаточно противоречива. Инновационная культура требует оптимального баланса между различными ценностями, такими как терпимость к неудачам и нетерпимость к некомплектности; готовность к экспериментам и строгая дисциплина; психологическая безопасность и предельная откровенность; сотрудничество и личная ответственность; плоская структура и сильное лидерство. Вопрос построения такой культуры и поиска баланса между противоречивыми (на первый взгляд) практиками – задача лидера. Далеко не все элементы культуры инноваций будут с радостью восприняты каждым сотрудником, эти условия работы подходят не всем. Роль лидера сводится к тренерству, партнерству, к «помогающему» поведению. Однако не стоит впадать в крайность. В организации взаимодействуют две модели культур: культура использования и культура исследования. Первая направлена на реализацию идей, проектов, поддержание текущих бизнес-процессов, в целом функционирование компании в своей отрасли. Культура исследования

нацелена на рост и масштабирование, поиск и генерацию новых точек роста для бизнеса. Обе культуры развиваются в симбиозе, для управления обеими требуются люди, способные к разработке и реализации замысла. Это во многом разные функции, и им соответствуют разные социальные роли.

– «Код экспертности». Исследователь креативности Михай Чиксентмихай в научное знание ввел понятие «Большой К» и «малой к», т.е. большой и малой креативности, каждое из которых символизировало масштаб преобразования областей деятельности. Очевидно, что границы между ними прозрачны, более того, часто в деятельности конкретной организации необходимы оба вида креативности (Мильнер, 2018, 321). Носители «Большой К» - люди с крайне выраженной потребностью в самореализации, обладают экспертностью. Проектирование «кода экспертности» в сочетании с «уникальностью» индивидуума становится действенным инструментом мотивации креативных сотрудников. Важно отметить, что карьерный путь креатора осуществляется через реализацию экспертности в глобальной профессиональной и общественной среде, в том числе в информационном пространстве (Панфилова, 2021, 186-18).

– Карьера и обучение. На сегодняшний день имеет место сдвиг парадигмы обучения персонала в сторону сотрудника, желающего учиться, а не работодателя, заинтересованного в обучении кадров, т.е. стоит говорить о том, что инициатива развития принадлежит сотруднику, и не столько необходимость обучения играет ведущую роль, сколько потребность учиться. Поколение Y и Z ценит разнообразие и свободу выбора, требует гибкости организации и возможность быстрого карьерного роста. Динамику в поведении креативных сотрудников можно обеспечить в том случае, когда за индивидуумом не закреплена только лишь одна карьерная траектория, у них есть возможность перемещаться из одной кросс-функциональной, кросс-индустриальной, кросс-институциональной коллаборации или проекта в другие, в результате чего они могут выполнять разные профессиональные роли либо одновременно, либо последовательно.

Изложенные принципы отражают смысл ключевой идеи «люди и организации нуждаются друг в друге», которая предполагает взаимное инвестирование сотрудников и самой организации (в лице руководителя) друг в друга. Оба субъекта сознательно берут на себя добровольные повышенные обязательства в части вложения сил, ресурсов, потенциала в развитие организации и людей, соответственно, каждый участник приобретает экономическую выгоду и возможность творить действительно уникальные решения для общества и даже новую жизнь (Салогуб, Чистова, Демина и др., 2024, 61).

Может возникнуть вопрос: а зачем вообще нанимать креативного сотрудника? Может воображение отдать на откуп искусственному интеллекту? Большинство экспертов по цифровым технологиям уверенно утверждает о том, что искусственный интеллект призван упростить жизнь людей и повысить эффективность в организациях и оптимизировать бизнес-процессы.

Природа инноваций и творческого инсайта (эврики) имеет социальный характер. Это сугубо человеческая деятельность.

Креативность - это не только образ мышления, но и образ жизни. То, как на самом деле работает мозг во время творческого процесса, - до сих пор загадка для ученых. Как минимум тем, что он растянут во времени и порой совершенно непредсказуем: долгожданное озарение может настигнуть креативного сотрудника в любой момент - и не обязательно в рабочее время (<https://t.me/hrportalru>). И ясно то, что рождение идеи действительно отнимает много сил, и нельзя обесценивать работу творца. Тщетность «машинного моделирования интеллектуальной деятельности» лишь отвергает возможность прямого пути такого управления и предлагает косвенный путь (Ильин, 2009, 213). Суть его сводится к созданию условий, благоприятных поисковому процессу и воспроизводству инновационности - это путь человекоцентричности в управлении бизнесом и персоналом.

В деловом мире существует мнение, что возможно все, на невозможное просто требуется больше времени.

В креативных организациях человекоцентричность - основной фокус менеджмента, а инновации - это и есть бизнес. И то, насколько креативные индустрии будут готовы создавать условия работы, предвосхищающие запросы креаторов, зависит конкурентоспособность бизнеса в ближайшие годы и состояние российской экономики в целом.

В России существуют удачные кейсы применения данных принципов в практике бизнеса. В деловой среде креативных индустрий по-разному и результативно смотрят на вопрос конвергенции человекоцентричности и эффективности. Ряд компаний отходит от

математических моделей оценки результативности своих сотрудников. Оценка персонала в таких случаях строится на принципе «обещаний», по которой вместо использования критериев вроде KPI применяют «протокол обещания». В этой системе координат права и обязанности сосредотачиваются в руках креативного сотрудника, который дал «слово» (обещание). При оценке эффективности смотрят, выполнил ли сотрудник все данные им обещания или что-то было нарушено (<https://vkusvill.ru/>).

В отличие от зарубежной управленческой культуры, где данная идея получила широкое распространение, в России инновационные изменения (социальные или технологические) преимущественно иницируются и контролируются бюрократическими методами. Такая диспропорция во влиянии различных агентов на инновационные процессы является следствием исторически сложившихся социокультурных установок и институциональных особенностей. В текущей ситуации развитие бизнеса и национальной экономики осуществляется в условиях шока. Система менеджмента, построенная на неэффективных принципах, не изжила себя в российской деловой среде. Ее характерными особенностями являются: игнорирование корпоративных, экологических и социальных стандартов ответственности (ESG-принципы) (Салогуб, Старовойтов, 2024, 58-66); маниакальная страсть к количественным показателям; презумпция нормативности в культуре труда и коммуникации; решение сложных производственных задач наспех, по вдохновению; конфликт интересов между новаторами (креаторами) и консерваторами. Такая модель управления порождает ситуацию, при которой «расходы растут в геометрической, а доходы – только в арифметической прогрессии», а самостоятельный творческий процесс и производство критически важных технологий оценивается как труднореализуемая (футуристическая) задача.

Заключение

Несмотря на то, что современные кризисы притормозили развитие креативной индустрии, отрасль адаптировалась к новым фреймам и нашла возможности для положительных сдвигов.

Пример: фильм «Чебурашка» собрал рекордную кассу для России в 76 миллиардов рублей и доказал, что качественный продукт отечественного производства тоже может вернуть зрителя в кинотеатры. Конечно, пока это всего лишь точечные достижения первых посткризисных лет. Но они показательны для индустрии: рынок демонстрирует признаки развития.

Новые бренды, занявшие опустевшую нишу, перезапущенные логистические цепочки, а также легализованный на законодательном уровне параллельный импорт помогают креативным индустриям избежать полной изоляции, а значит, иметь доступ к новейшим иностранным технологиям и международной коммуникации, оставаясь при этом источником перспективных идей и прорывных бизнес-проектов для экономики в целом. Суверенизация – не эквивалент самоизоляции. Более 50% промышленных предприятий пока еще констатируют отсутствие в России альтернативных поставщиков для замены попавшего под санкции импорта, как показал опрос Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (<https://www.rbc.ru/economics/>).

За последние годы российское общество столкнулось с вызовами беспрецедентного характера. Экономика страны справляется с внешними шоками в том числе благодаря эффективным решениям бизнеса. В нынешней ситуации страной выбран курс – суверенизация как новый образ развития. В этом контексте корректируются (меняются) социально-экономические стратегии компаний при сохранении основополагающих ценностей, в частности, ориентация на креативность и человекоцентричность в преобразовании модели управления людьми, процессами, системами.

Воссоздать самостоятельное производство критически важных технологий и отраслей способны исключительно эффективные компании, в независимости от видов деятельности и форм собственности, т.е. организации с высоким качеством кадров, технологий и менеджмента.

Литература

Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 446 с. – ISBN 978-5-49807-239-5.

Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2018. – 624 с. – ISBN 978-5-16-003649-6.

Инновационный менеджмент в управлении человеческими ресурсами: учебник для вузов / под. общ. ред. А.П. Панфиловой, Л.С. Киселевой. – М.: ЮРАЙТ. 2021. – 312 с. – ISBN 978-5-534-14222-8.

Инновационное развитие современных организаций, новая экономика и ESG-трансформация / А.М. Салогуб, М.В. Чистова, Н.В. Демина, О.И. Натхо. – Книга «Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It - The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations», серии «Advances in Science, Technology & Innovation - IEREK Interdisciplinary Series for Sustainable Development». Cham: Springer, 2024. – № 3. – С. 59-64. – <https://doi.org/10.1007/978-3-031-49711-7-11> – EDN ULZWN (In English).

Смирнов, С.Н., Николаенко, Е.А. Статистика креативной экономики в России / С.Н. Смирнов, Е.А. Николаенко // *Экономические и социальные проблемы России*. – 2022. – № 4 (52). – С. 61-76. – <https://doi.org/10.31249/espr/2022.04.03>. – EDN VNXLZD.

Салогуб, А.М., Старовойтов, А.С. Наука, бизнес, государство и общество как акторы развития социального партнерства в современных российских условиях (на примере ВТРК «Архыз») *Caucasian Science Bridge*. Ростов-на-Дону, 2024, Т. 7. – № 1 (23). – С. 58-66. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.4> – EDN: LGVSZW.

Хейманс, Дж. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. М.: Альпина Паблишер, 2019. – С. 504. – ISBN 978-5-9614-2086-9.

Кибанова, А.В. В России выросла инфляция до 7,6%. // Официальный портал Российского Бизнес-канала. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/>.

Официальный портал Superjob Режим доступа: <https://www.superjob.ru/>.

Официальный портал Российского Бизнес-канала. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/>.

Официальный портал российского союза промышленников и предпринимателей. Режим доступа: <https://rspp.ru/?ysclid=m1ey6upht9478414212>.

Усаченко, А. Почему нанимать креативных людей стало сложнее // официальный портал HR-Portal.ru. Режим доступа: <https://t.me/hrportalru/2078>.

References

Ilyin E.P. Psychology of creativity, creativity, giftedness / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter; 2009. 446 p. – ISBN 978-5-49807-239-5. (In Russ.)

Innovative development: economics, intellectual resources, knowledge management / edited by B.Z. Milner. M.: INFRA-M; 2018. 624 p. ISBN 978-5-16-003649-6. (In Russ.)

Innovative management in human resource management: textbook for universities / under the general editorship of A.P. Panfilova, L.S. Kiseleva. – M.: YURAYT; 2021. 312 p. – ISBN 978-5-534-14222-8.

Innovative development of modern organizations, new economy and ESG transformation / A.M. Salogub, M.V. Chistova, N.V. Demina, O.I. Natkho. «Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It - The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations», серии «Advances in Science, Technology & Innovation - IEREK Interdisciplinary Series for Sustainable Development». Cham: Springer. 2024; 3: 59-64. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-49711-7-11>.

Smirnov S.N., Nikolaenko E.A. Statistics of the creative economy in Russia / S.N. Smirnov, E.A. Nikolaenko. *Ekonomicheskie i socialnie problemi Rossii = Economic and social problems of Russia*. 2022; 4(52): 61-76. <https://doi.org/10.31249/espr/2022.04.03>. (In Russ.)

Salogub A.M., Starovoitov A.S. Science, business, state and society as actors in the development of social partnership in modern Russian conditions (on the example of VTRK Arkhyz) *Caucasian science bridge = Caucasian science bridge*. 2024; 1(23): 58-66. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.4>. (In Russ.).

Heymans J. New power: What forces control the world – and how to make them work for you. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 504 p. ISBN 978-5-9614-2086-9. (In Russ.).

Kibanova A. In Russia, inflation rose to 7.6%. The official portal of the Russian Business Channel. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/> (In Russ.).

The official Superjob portal. Available at: <https://www.superjob.ru/> (In Russ.).

The official portal of the Russian Business Channel. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/> (In Russ.).

The official portal of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Available at: <https://rspp.ru/?ysclid=m1ey6upht9478414212>. (In Russ.)

Usachenko A. Why it has become more difficult to hire creative people // official portal HR-Portal.ru. Available at: <https://t.me/hrportalru/2078> (In Russ.).

Дата получения рукописи: 13.08.2024

Дата окончания рецензирования: 20.09.2024

Дата принятия к публикации: 24.09.2024

Информация об авторе

Салогуб Анжела Михайловна – доктор социологических наук, доцент, профессор, Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте РФ, г. Москва, Россия, e-mail: salogubam@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Salogub Angela Mikhailovna – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Russian Presidential Academy of Public Administration and National Economy under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: salogubam@yandex.ru.

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья**УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)**<https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.8>

EDN PPDOYT

Религиозная самоидентификация дагестанской молодежи**Мадина М. Шахбанова¹**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия,

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация.

Введение. Религиозное возрождение сопровождается противоречивыми векторами развития: с одной стороны, больше свободы и возможности в совершении религиозных обрядов и богослужения, с другой – появление религиозных течений, способствующих радикализации сознания, в данном контексте, ваххабитской идеологии. Сложные процессы в религиозной сфере дестабилизировали российское общество, вносили раскол между последователями разных вероисповеданий, более того, способствовали разладу внутри одного вероучения. Довольно болезненно процессы религиозного возрождения протекают в регионах, население которых исповедует исламское учение. Поэтому на фоне укрепления позиций религиозного духовенства, их влияния на массовое сознание населения актуализируется потребность в исследовании религиозной идентичности.

Методика и методология исследования. Общепринятой моделью социологического изучения идентичности и разных типов ее существования является анализ выражений каждого из них через призму интеграторов воспроизводства, в данном контексте, установление степени сопричастности человека с религиозной общностью, то есть единоверцами. Авторский социологический опрос по изучению религиозности и религиозной практики дагестанской молодежи проведен в 2023 г. методом случайного отбора. Место проведения опроса: гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол – мужчины 249 чел. (48,8 %), женщины – 261 чел. (51,2 %); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3 %), 18–25 лет – 173 чел. (34,0 %), 26–35 лет – 193 чел. (41,7 %); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4 %), среднее – 107 чел. (21,0 %), среднее специальное – 173 чел. (34,1 %), высшее – 156 чел. (30,5 %); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8 %), верующий – 273 чел. (53,5 %), колеблющийся – 25 чел. (4,9 %), неверующий – 11 чел. (2,2 %), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6 %); по территории проживания – городское население (N = 231 или 45,2 %), сельское население (N=279 или 54,8 %): Махачкала (N=81), Дербент (N=51), Кизилюрт (N=12), Кизляр (N=23), Хасавюрт (N=64), Ботлихский (N=59), Дербентский (N=91), Казбековский (N=42), Кизлярский (N=87). Обработка собранного социологического материала осуществлена в программе FAR.

Результаты исследования. В статье анализируются результаты эмпирического исследования по изучению религиозности и религиозного поведения молодого поколения дагестанцев. Внимание акцентировано на установлении места религиозной идентичности молодого поколения дагестанцев в иерархии типов социальной идентичности, обозначении религиозной самоидентификации, выраженности осознания сопричастности с религиозной общиной и единоверцами. Ключевым в рамках данного исследования является установление веса параметра «религия» как консолидационного компонента.

Основные положения:

- верификация эмпирического материала позволяет сделать выводы, во-первых, о доминанте интегратора «религия», во-вторых, об осознании общности с единоверцами, в-третьих, ярко выраженной конфессиональной личной самоидентификации опрошенной дагестанской молодежи;
- реалии свидетельствуют о доминировании религиозной принадлежности, важности сопричастности к религиозной общине в противовес этническому и российскому типам идентичности;

– превалирование в массовом сознании опрошенного молодого поколения религиозной идентичности способно выполнять деструктивную функцию в современном дагестанском обществе. Основанием для такого утверждения является возрастание значимости исламского фактора в жизни молодого поколения, его ориентированность следовать постулатам исламского учения в повседневной жизни, широкая вовлеченность молодежи в исламскую образовательную систему, параллельное получение светского и религиозного образования;

– преобладание значимости религиозного фактора при ослаблении светского компонента в российском социуме будет иметь далеко идущие негативные последствия, ибо способно дестабилизировать межнациональную и межрелигиозную сферы современного дагестанского общества.

Ключевые слова: религия; ислам; вероучение; вероисповедание; дагестанская молодежь; самоидентификация; религиозная идентичность; религиозные установки; религиозные ценности.

Для цитирования: Шахбанова М.М. (2024). Религиозная самоидентификация дагестанской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 84-94. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.8>

Religious self-identification of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova¹

¹ Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract.

Introduction. The religious revival is accompanied by contradictory development vectors: on the one hand, there is more freedom and opportunity to perform religious rites and worship, on the other hand, the emergence of religious movements that contribute to the radicalization of consciousness, in this context, Wahhabi ideology. Complex processes in the religious sphere destabilized Russian society, caused a split between followers of different faiths, moreover, contributed to discord within one creed. The processes of religious revival are quite painful in regions where the population professes Islamic teachings. Therefore, against the background of strengthening the positions of the religious clergy and their influence on the mass consciousness of the population, the need for research on religious identity is actualized.

The methodology and methodology of the study. The generally accepted model of the sociological study of identity and different types of its existence is the analysis of the expressions of each of them through the prism of integrators of reproduction, in this context, the establishment of the degree of human involvement with a religious community, that is, co-religionists. The author's sociological survey on the study of religiosity and religious practice of Dagestan youth was conducted in 2023 by random selection. The place of the survey: Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikhsky, Derbent, Kazbekovsky, Kizlyar districts. Distribution by socio-demographic parameters: a) gender – 249 men (48.8%), 261 women (51.2%); b) age: 15-17 years – 144 people (28.3%), 18-25 years – 173 people (34.0%), 26-35 years – 193 people (41.7%); c) education: incomplete average – 74 people (14.4%), average – 107 people (21.0%), specialized secondary – 173 people (34.1%), higher – 156 people (30.5%); e) attitude to religion: a convinced believer – 198 people (38.8%), a believer – 273 people (53.5%), hesitant – 25 people (4.9%), non-believer – 11 people (2.2 %), strongly non-believer – 3 people (0.6%); by area of residence – urban population (N =231 or 45.2%), rural population (N=279 or 54.8%): Makhachkala (N=81), Derbent (N=51), Kizilyurt (N=12), Kizlyar (N=23), Khasavyurt (N=64), Botlikhsky (N=59), Derbent (N=91), Kazbekovsky (N=42), Kizlyar (N=87). The processing of the collected sociological material was carried out in the FAR program.

The results of the study. The article analyzes the results of an empirical study on the study of religiosity and religious behavior of the younger generation of Dagestanis. Attention is focused on establishing the place of the religious identity of the young generation of Dagestanis in the hierarchy of types of social identity, the designation of religious self-identification, the expression of awareness of belonging to a religious community and co-religionists. The key in this study is to establish the weight of the "religion" parameter as a consolidation component.

The main provisions:

– verification of empirical material allows us to draw conclusions, firstly, about the dominant integrator religion, secondly, about the awareness of community with co-religionists, and thirdly, the pronounced confessional personal self-identification of the interviewed Dagestani youth;

- the realities show the dominance of religious affiliation, the importance of belonging to a religious community as opposed to ethnic and Russian types of identity;
- the prevalence of religious identity in the mass consciousness of the interviewed young generation is capable of performing a destructive function in modern Dagestan society. The basis for such an assertion is the increasing importance of the Islamic factor in the life of the younger generation, its orientation to follow the postulates of Islamic teaching in everyday life, the broad involvement of young people in the Islamic educational system, and the parallel receipt of secular and religious education;
- the predominance of the importance of the religious factor with the weakening of the secular component in Russian society will have far-reaching negative consequences, because it can destabilize the interethnic and interreligious spheres of modern Dagestan society.

Keywords: religion; Islam; creed; religion; Dagestan youth; self-identification; religious identity; religious attitudes; religious values.

For citation: Shakhbanova M.M. (2024). Religious self-identification of Dagestan youth. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), P.84-94. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.8>

Введение

Религиозный ренессанс постсоветского пространства, естественно, сопровождался кардинальным изменением мировоззрения населения: распространенные на территории России вероучения активизировали свою деятельность, началась интенсивная работа по приобщению населения к религиозным ценностям, внедрению в сознание верующих тезиса о приоритете религиозного восприятия мира над научным, важности соблюдать правила основанные на религиозном учении во всех сферах жизнедеятельности человека. Иными словами, одним из ключевых направлений современности является «рост этнических, религиозных, локально-региональных идентичностей среди граждан» (Тишков, 2023), и, более того, усиление фактора идентификации сопровождается синтезом нескольких типов в одно целое. Примером является формирование этноконфессиональной идентичности, которая очень ярко проявляется в общественном сознании последователей ислама.

Происходящие в мире сложные и противоречивые процессы свидетельствуют, что ислам и исламское учение стали мощной силой, способной влиять на социальные сферы, причем такое воздействие имеет деструктивный характер. Причины негативного влияния многообразны, их могут подпитывать различные общественные явления, начиная от уровня социально-экономического положения региона до собственно личностной неудовлетворенности человека.

Современные реалии показывают, что позиции ислама в российском обществе из года в год только усиливаются, религиозное духовенство приобрело особый статус, особенно в его мусульманских субъектах, наблюдается вмешательство в образовательную сферу, параллельное получение светского и религиозного образования. На первый взгляд, в этом нет ничего предосудительного, пока в общественном сознании и поведении не проявляются действия, констатирующие о радикализации сознания. Одним из таких примеров являются события 29 октября 2023 г., когда агрессивно настроенная группа дагестанцев продемонстрировала откровенно интолерантное и враждебное отношение к прибывшим из Израиля в республику пассажирам. Без преувеличения можно утверждать, что дагестанское население просто «вздрогнуло» от той ненависти, нетерпимости, агрессии и поведения участников данного события. И это в республике, славившейся своим позитивным отношением к приезжим, для населения, у которого понятия «гость» и «гостеприимство» имеют глубокий смысл, есть исторически сложившаяся традиция взаимоотношения с гостем. Более того, исторически на территории Дагестана не было межнационального и межрелигиозного конфликта, ибо его административное обустройство в дореволюционный период вообще игнорировало этнический фактор как таковой в жизни дагестанцев: «многовековая полиэтноконфессиональная среда выработала уникальный опыт взаимодействия между народами и религиями, помогла избежать войн на конфессиональной основе. Так, кайтагский правитель Адур-Нарсе в пятницу молился с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям с христианами» (Ибн-Русте, сер. IX в.), сохраняя между ними толерантные отношения» (Магомедов, Ханбабаев, 2003, с. 10).

Если вернуться к явлению «религиозная идентичность», то она является одним из типов социальной идентичности, и, соответственно, как и другие общественные явления, обладает собственными параметрами измерения, и таковыми в социологии религии принято считать а) самоидентификацию человека с определенным вероучением; б) обозначение отношения к

религии (верующий/неверующий); в) религиозную практику (соблюдение постулатов исповедуемого вероучения); г) констатацию единства с религиозной общиной.

Религиозное возрождение постсоветского периода, радикализация сознания, теракты на территории нашего государства, активное участие молодого поколения в религиозных процессах, рост религиозности населения, появление религиозных центров, активизация деятельности религиозных лидеров и ряд других факторов потребовал изучения религиозного процесса как такого в целом, с глубинным изучением ряда его аспектов, в частности, основы и причин появления деструктивных тенденций. Иными словами, с полным основанием можно утверждать, что в современном дагестанском обществе статус религиозной идентичности занимает одну из ключевых позиций в общественном сознании населения. Причем из года в год ее позиции только укрепляются, и, наверняка, в последующем такая тенденция только усилится. Основанием для такого утверждения являются происходящие в религиозном пространстве современного Дагестана процессы: в частности, стремление населения, особенно женского, внешне соответствовать «образу мусульманки», то есть ношение хиджаба (одежда свободного покроя для женщин); среди мужчин такого массового ношения мусульманской одежды не встречается, превалирует светский стиль. На повседневном уровне исламские ценности и правила поведения преобладают в массовом сознании последователей мусульманства, мнение религиозных деятелей вызывает больше доверия и предпочтительнее, в сравнении, с официальной позицией. Определенную тревогу вызывает стремление исламского духовенства взять под «контроль» одну из важнейших сфер – образовательную: в настоящее время в республике распространены исламские учебные заведения (есть детский сад и школа «Ватан», в которой ученики одновременно получают светско-религиозное образование, то есть наряду со школьной программой идет обучение исламскому учению). Масштабы распространения примечетских школ в Дагестане большие, больше количество детей разных возрастных категорий в летнее время посещает мактабы, в которых их обучают базовым основам мусульманского учения. К сожалению, статистику по ученикам никто не ведет, поэтому делать выводы можно только по столпотворению перед мечетями, например, в той же Махачкале. Каковы последствия такого приобщения молодого поколения к вере, вопрос, который практически не анализируется. Отдельно стоит затронуть вопрос внешнего облика мусульманки – в светских учебных заведениях, речь о школах, имеет место ношение девочками хиджаба. Как нужно относиться к этому? С одной стороны, религия отделена от государства, с другой – посещение школы ученицами в хиджабе, вроде бы, ничего плохого в этом нет, но, по мнению автора, есть «мягкая сила» по привлечению населения в лоно ислама. Следует отметить, что наблюдаются конфликты на этой почве. Совсем недавно в социальных сетях распространили ролик о «запрете» носить хиджаб в одном из учебных заведений республики (медицинский колледж). Звонили директору колледжа и открыто спрашивали о его позиции в отношении ношения хиджаба. Такие факты вызывают тревогу, ибо руководство учебных заведений ставит в «зависимость» от исламских предписаний. При этом вопрос, как быть неверующей части дагестанского населения, остается открытым.

Таким образом, в статье анализируется религиозная идентичность молодого поколения дагестанцев, осознание степени сопричастности с единоверцами.

Теоретические основы исследования

Феномен идентичности широко обсуждается в научном сообществе, анализируются разные типы ее существования. Широкую разработку феномена идентичности, различных типов ее существования началось с исследования Э. Эриксона (Эриксон, 1996), который рассматривает ее в двух аспектах: «Я-идентичность» (природное и индивидуальное) и социальная идентичность (включенность личности в социальные процессы). Религиозная идентичность является одним из типов социальной идентичности. Среди исследователей религиозной идентичности заметное место занимает С.В. Рыжова, которая дает следующую классификацию православной идентичности: 1. Внеинституциональная православная идентичность; 2. Групповая православная идентичность; 3. Индивидуально-личностная православная идентичность; 4. Социально-личностная православная идентичность (Рыжова, 2004, 320). При этом ею подчеркивается недопустимость отождествления этноконфессиональной и религиозной идентичностей, несмотря на их тесную взаимосвязь с доводом «первая является более массовой, групповой; она неразрывно связана с этническим единством, и о ней можно говорить, когда этничность и религиозность позиционируются в публичном пространстве как недифференцируемые категории. Вторая более личностная, приватная; она имеет непосредственное отношение к моральному единству и в мировоззренческом смысле отражает личные взаимоотношения

верующего с Богом» (Рыжова, 2019, 50). Взаимодействие религиозности и религиозной идентичности, с одной стороны, и консюмеризма, с другой, рассмотрена Н.С. Бабич и И.В. Батыковым: ими сделан вывод о возрастании роли религиозной идентичности «перед лицом торжествующего консюмеризма» (Бабич, Батыков, 2022, 98).

По мнению Н.Л. Балич, «религиозная идентичность связана с механизмами самоопределения, эмоционального отождествления и субъективной причастностью индивида к конкретной религии, образу жизни, общности единоверцев. Она может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе гражданскую, семейную, профессиональную и другие виды идентичностей. Когда субъективная значимость религиозной идентичности оказывается более значимой и сопровождается принятием соответствующего образа жизни, она "окрашивает" другие виды идентичностей присущим конкретной религии колоритом, тем самым создавая варианты воплощения православной, католической или протестантской идентичности. Это процесс, в котором внешние (социальные) и внутренние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению, а сама религиозная идентичность оказывает обратное воздействие на формирование гражданской, национальной, культурной (и др.) видов социальной идентичности» (Балич, 2015, 234).

Среди разработок западных исследователей можно отметить концепцию Г. Оллпорта (Титов, 2013). Основываясь на ней, Джуди Ван Камп выделил два параметра измерения религиозной идентичности (индивидуальное и социальное) (Александрова, Хухлаев, 2017, 157). К. Лич с соавторами (Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.) базой формирования идентичности считает 1. *Самостереотипизацию*; 2. *Ингрупповую гомогенность*; 3. *Сплоченность*; 4. *Удовлетворенность*; 5. *Выраженность ингрупповой идентичности* (Агадуллина, Ловаков, 2013, 144).

Отечественные исследователи предложили следующую схему формирования религиозной идентичности (см. рис. 1) (Юрасов, Павлова, 2018, 28).

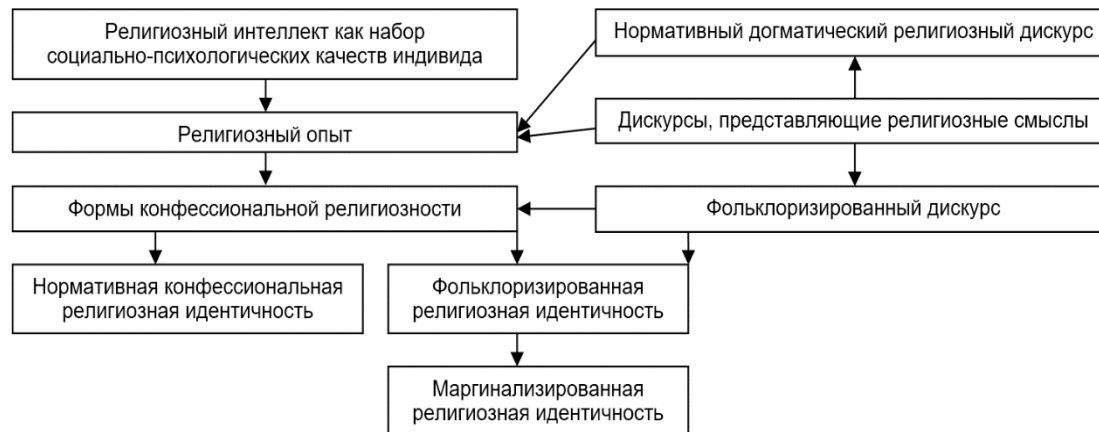

Рис. 1. Модель формирования религиозной идентичности

Религиозная идентичность, как и другие типы социальной идентичности, «содержит когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты и подразумевает ценностную оценку факта принадлежности к данной категории/группе. На основе «сплава» этих компонентов формируется религиозная солидарность как чувство принадлежности к единоверцам» (Рыжова, 2017, 49). В основе формирования религиозной идентичности лежит религиозный интеллект, «понимаемый как комплекс социально-психологических характеристик, качеств индивида, которые делают возможным мистические, религиозные переживания» (Юрасов, Павлова, 2018, 25).

Своеобразный подход изучения религиозной идентичности встречается у татарских исследователей, использующих понимание З. Фрейда природы идентичности: по их мнению, важно «для понимания того, как формируется сфера нравственности и запретов у личности – через идентификацию себя с нормами ближайшего окружения. Особенно это важно для становления религиозной идентичности: действует механизм интроекции, то есть человек воплощает в своей индивидуальной форме заповеди, которые существуют во всех религиях мира» (Мухаметшин и др., 2012, 17).

Автор понимает религиозную идентичность как «соединение личных религиозных порывов (вера или психологическая установка в отношении некоей "вышей силы") с потребностью в социальной принадлежности. В случае принадлежности к монотеистической традиции она формируется как идентификация верующего человека со своей религиозной группой (как реальной, так и категориальной), разделение соответствующих идей и ценностей. Следование обычаю, участие в религиозных обрядах и ритуалах рождает чувство групповой сопричастности к единоверцам и фиксирует данную идентичность в определенных "культурных кодах" (по Дж. Александру)» (Мухаметшин и др., 2012, 51).

Таким образом, анализ религиозной идентичности показывает, что она является типом социальной идентичности и обозначает ассоциирование человеком с определенным вероисповеданием, причем принадлежность к религии может иметь как этнический, так и культурный характер.

Методика и методология исследования

Общепринятой моделью социологического изучения идентичности и разных типов ее существования является анализ выражений каждого из них через призму интеграторов воспроизводства. В данном контексте - через установление степени сопричастности человека с религиозной общностью, то есть единоверцами. Авторский социологический опрос по изучению религиозности и религиозной практики дагестанской молодежи проведен в 2023 г. методом случайного отбора. Место проведения опроса: гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол – мужчины 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 чел. (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 чел. (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%); по территории проживания – городское население (N=231 или 45,2%), сельское население (N=279 или 54,8%): Махачкала (N=81), Дербент (N=51), Кизилюрт (N=12), Кизляр (N=23), Хасавюрт (N=64), Ботлихский (N=59), Дербентский (N=91), Казбековский (N=42), Кизлярский (N=87). Обработка собранного социологического материала осуществлена в программе FAR.

Результаты исследования

Как и другие социальные явления, религиозная идентичность обладает собственными параметрами измерения и таковыми в социологии религии принято считать: а) самоидентификацию человека с определенным вероучением; б) обозначение отношения к религии (верующий/неверующий); в) религиозная практика (соблюдение постулатов исповедуемого вероучения); г) констатация единства с религиозной общиной.

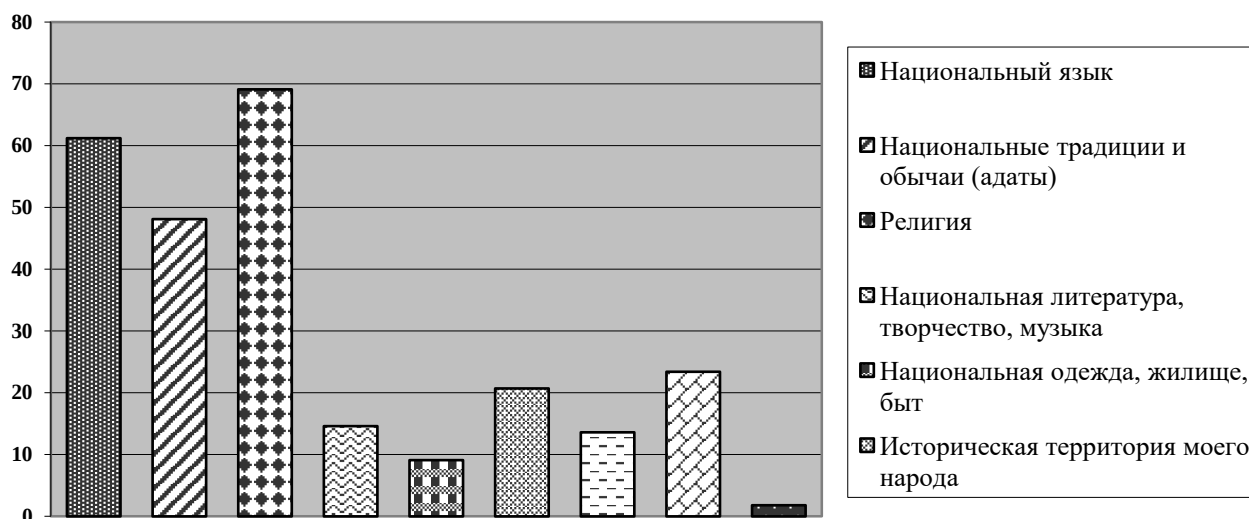
В рамках исследования религиозности и культового поведения молодого поколения дагестанцев им было предложено обозначить личную самоидентификацию. Аналитика показывает причисление 53,4% опрошенных себя к когорте верующих, 38,9% ассоциируется с убежденно верующими, 5,3% колеблющиеся, 2,6% неверующие и 0,6% убежденно неверующие. Далее, эмпирический материал на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» показывает, что подавляющая часть опрошенной дагестанской молодежи является последователем исламского учения (92,9%); атеистического мировоззрения придерживается статистически небольшая доля опрошенных (3,7%); по национальной принадлежности, в сопоставлении с другими подгруппами, выделяются даргинский (6,6%), лакский (8,3%) и чеченский (10,0%) подмассивы, 5,8% респондентов в интервале 18–25 лет и 5,9% со средним образованием. При этом никто из респондентов с высшим образованием не отметил, что является атеистом. Таким образом, эмпирика показывает существование в общественном сознании дагестанской молодежи осознанной идентификации с определенным вероучением. Анализ через призму отношения к религии логично свидетельствует о больших процентах в подгруппах неверующих и убежденно неверующих, хотя эти подмассивы, несмотря на обозначение себя неверующими, не исключают свою принадлежность мусульманской вере. Такие установки порождают множество вопросов, в частности, о соответствии мировоззрения человека и его религиозной принадлежности. Здесь, на первый взгляд, имеет место несогласованность между отношением к религии (верующий/неверующий) и обозначением своей принадлежности определенному вероисповеданию: реалии свидетельствуют об ином религиозном поведении неверующего

человека в части соблюдения исламских правил в повседневной жизни – в похоронных обрядах, праздновании религиозных праздников (Ураза-байрам, Курбан-Байрам), участии религиозных мероприятиях.

Какой вес индикатор «религия» имеет в консолидации дагестанской молодежи с соплеменниками? В авторском исследовании был задан вопрос, позволяющий выявить интеграторы, и важным, в данном контексте, является востребованность вероисповедания как объединяющего элемента (см. гист. 1).

Гистограмма 1.

Распределение ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?» (% от числа ответивших)

В первую группу интеграторов можно включить отмеченные подавляющей частью респондентов признаки «религия» (69,1%), «национальный язык» (61,2%) и «национальные традиции» (48,1%). Во вторую группу вошли маркеры, подразумевающие значимость исторического наследия народа (одна четвертая часть) и историческая территория проживания (каждый пятый), то есть активизируется исторический параметр. Здесь необходимо отметить, что последний индикатор воспроизводства этнической идентичности очень часто выступает причиной обострения взаимоотношений, особенно в многонациональном сообществе, а также открытых этноконфликтов. Анализ в разрезе отношения к религии и по национальной принадлежности показывает доминирование религии как компонента консолидации с этнической общностью в установках верующей когорты (80,1% убежденно верующих и 67,9% верующих), и существование такой позиции в общественном сознании молодого поколения дагестанцев представляется логичным на фоне их активного участия в религиозных процессах (культовое поведение, получение исламского образования, совершение хаджа и т.д.). Материал в разрезе национальной принадлежности респондентов показывает востребованность маркера «религия» при обозначении чувства общности с единоверцами для подавляющей части опрошенных аварцев (78,9%), даргинцев (63,9%), кумыков (61,8%), лезгин (51,2%) и чеченцев (75,0%). В этой связи вполне закономерным является вопрос о причинах возросшего веса вероисповедания в самоидентификации человека. По мнению автора, выбор данного параметра обусловлен повышением роли исламского учения в современном дагестанском обществе, ориентированностью населения учитывать исламские ценности и постулаты, желанием родителей приобщить детей к мусульманским знаниям и мусульманскому этикету. Реалии свидетельствуют о том, что дагестанская молодежь практически всех возрастных категорий ведет активную религиозную жизнь, и свой вклад в данный процесс вносят родители, которые стремятся дать детям начальное религиозное образование (обучение чтению Корана, правильно делать омовение, совершать намаз), то есть получить базовые знания о мусульманстве. Независимо от места проживания (село/город), в летнее время в примечетских школах обучается большой массив детей. Что движет родителями, которые ориентированы на получение детьми начального исламского образования? – вопрос актуальный в рамках изучения веса религиозной идентичности и вероисповедания в личной жизни человека. По мнению автора, для родителей мотивацией отдать детей в исламские учебные заведения, в данном случае речь идет о мактабах, является стремление оградить своего ребенка от негативного влияния получаемой из разных источников информации, чаще

из социальных сетей. Как известно, современная молодежь, и не только она, оказалась как основным потребителем, так и субъектом социальных сетей (так называемые блогеры, тик-токеры). «А какая информация в социальных сетях, и чему они могут научить человека с незрелой психикой и неустоявшимися моральными установками?» – вопрос, ответ на который находится на поверхности. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что родители собственные воспитательные функции переложили на плечи духовных лиц. Хорошо это или плохо? Если молодой человек в последующем не будет противопоставлять полученные в стенах религиозного учреждения знания светским знаниям, государственному устройству России, игнорировать важность национальных интересов, готов их отстаивать, иными словами, не несет угрозы национальной безопасности государства, то, наверное, хорошо. К сожалению, имеет место формирование в общественном сознании молодежи ценностей, которые не согласуются со светским характером Российского государства. Не менее болезненным является и опасность участия выпускников религиозных образовательных заведений в террористических организациях, с чем столкнулось российское общество на стыке XX–XXI столетий.

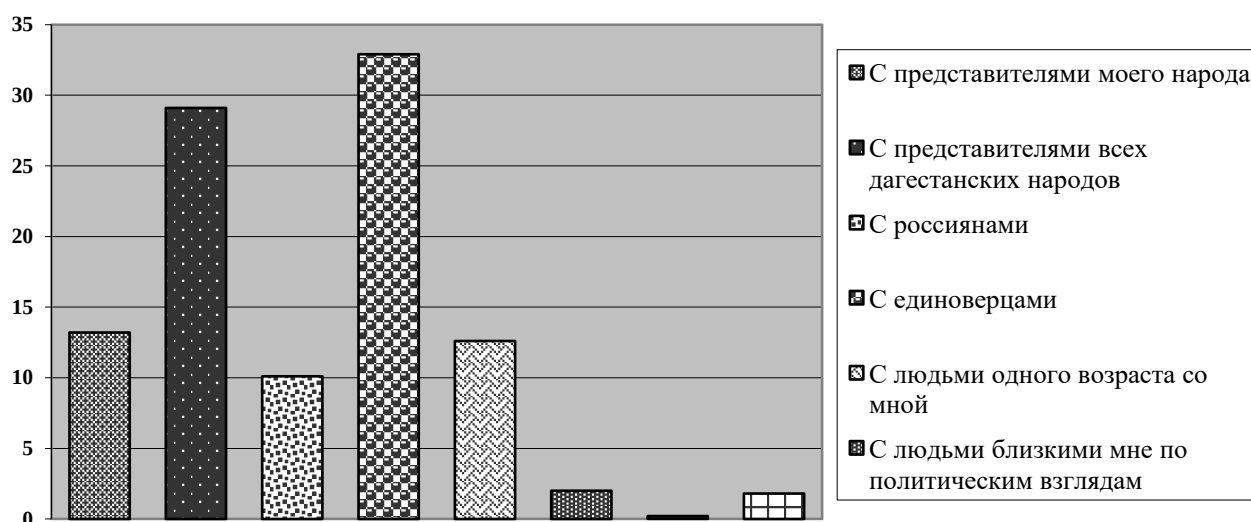
Статистически незначимую часть опрошенной дагестанской молодежи ничего не объединяет с представителями своего народа, и больше всего придерживающихся такой позиции в подгруппе лезгин.

Таким образом, эмпирический материал показывает важность вероисповедания в личной идентификации респондента с этническим образованием, и существование такой позиции в общественном сознании дагестанской молодежи обусловлено возросшей ролью ислама в современном дагестанском обществе, ориентированностью родителей приобщить детей к мусульманской религии, чтобы не допустить появления у них асоциального поведения. Вместе с тем, религиозное возрождение, в данном контексте исламское, имеет и отрицательные последствия в форме радикализации сознания, стремления духовенства влиять на политические и образовательные процессы. Кроме того, наблюдается «заигрывание» власти с религиозными институтами, привлечение духовных лиц к участию в светских мероприятиях и решению спорных вопросов. Разумеется, диалог власти и религии необходим, государственно-конфессиональные отношения в нашей стране, в том числе и в Дагестане, имеют длительную историю позитивного взаимодействия, но должны быть четко очерчены границы функционирования любого вероисповедания и, более того, доминантным должен быть зафиксированный в Конституции светский характер Российского государства.

Далее, важным является установление индикаторов консолидации опрошенной дагестанской молодежи с соплеменниками, а также места компонента «религия» в этой структуре, что предполагает выявление выраженности у респондентов чувства «единства» с разными социальными группами. В данном исследовании научный интерес представляет обозначение сопричастности с последователями одного вероисповедания, ибо оно является одним из критериев диагностики религиозной идентичности (см. гист. 2).

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности?» (%)

Результаты опроса показывают доминирование в массовом сознании 32,9% опрошенной дагестанской молодежи чувства общности с единоверцами, причем доля придерживающихся данного

суждения с возрастом увеличивается с 30,9% в разрезе 15–17 лет до 43,9% 35 лет включительно. Такая же картина прослеживается и по образовательному разрезу: хотя религиозную позицию человека ставят в зависимость от уровня образования (чем выше образовательный статус человека, тем меньше приверженность ненаучному мировосприятию). Однако эмпирика показывает увеличение с ростом образовательного статуса опрошенных процентных показателей, обозначающих чувство единства с представителями своего вероисповедания с 33,9% имеющих базовое среднее образование до 53,6% с высшим образованием. По национальному признаку, в сравнении с другими подгруппами, процентный показатель обозначивших единство с последователями одной религии больше в подгруппе чеченцев (45,0%), хотя можно отметить подмассивы аварцев (39,8%) и кумыков (30,9%); меньше таковых среди лакского населения (12,5%). Вторую по значимости позицию занимает важность единства с представителями дагестанских народов (29,1%), и в национальном разрезе выделяются подмассивы даргинцев, кумыков, лакцев (каждый третий), доминирует лезгинская подгруппа (41,9%). Явно выраженных отличий в обозначении типов социальной идентичности в разрезе социально-демографических признаков респондентов не наблюдается: почти равные части во всех подгруппах подчеркивают общность со всеми дагестанцами, что свидетельствует о значимости для молодого поколения дагестанцев республиканской идентичности. С разницей больше чем в 2 раза, по сравнению с предыдущими суждениями, располагается этническая идентичность (13,2%), и здесь обращает на себя внимание влияние уровня образования на рост веса единства с представителями своей этнической общности: 11,5% с базовым средним образованием, 14,4% средним и 19,6% высшим образованием. Обратная картина, т.е. уменьшение испытывающих общность с представителями своего народа наблюдается по возрасту: с 14,0% опрошенных в интервале 15–17 лет до 8,8% в когорте 26–35 лет. По национальной принадлежности выделяются кумыки (одна пятая часть) и лакцы (менее 10%), у которых слабо выражено чувство целостности со своим народом. Для одной восьмой части респондентов по всему массиву характерна возрастная идентичность, и их больше в интервале 15–17 лет (16,9%), имеющих базовое среднее и среднее образование – 14,2% и 15,0%, соответственно. Общероссийская самоидентификация обозначена одной десятой частью по всему массиву; в разрезе образования таковых больше в подгруппе со средним образованием (17,1%). Верификация материала показывает, что подгруппы самоидентифицирующихся как неверующие (25,0%), колеблющиеся (29,6%) и убежденно неверующие (33,3%) подчеркивают важность государственно-гражданской (русской) идентичности. Для сохранения стабильности любого государства ключевым является осознание общности с гражданами страны независимо от социально-демографических, национальных, расовых, религиозных, мировоззренческих отличий. Мониторинг исследования показывает, что в общественном сознании дагестанского населения доминантной остается республиканская идентичность. Видимо, она и способствует позитивному межнациональному взаимодействию в республике, хотя немного уступает религиозному типу социальной идентичности, и его важность объясняется возросшим весом исламского компонента в современном дагестанском обществе. Двойственным является и положение этнической идентичности: с одной стороны, ее активизация свидетельствует о наличии потенциала для сохранения национального языка, традиций, самобытности, этнокультуры, а с другой, может способствовать формированию в общественном сознании дагестанской молодежи деструктивных типов этнической идентичности (этнодоминирование, этнонационализм, этнофанатизм, этнофаворитизм), которые провоцируют интолерантность, противостояние и этноконфликты.

При исследовании религиозности и религиозного поведения молодого поколения дагестанцев важным является установление веса каждого из типов социальной идентичности в разрезе их отношения к вероучению: эмпирический материал закономерно показывает приоритет религиозной идентичности для подмассива убежденно верующих (44,9%), при этом наблюдается существенное снижение процентных показателей в подгруппе верующих (26,9%), предпочитающих осознание единства со всеми дагестанскими народами (29,6%). Далее, у идентифицирующих как колеблющиеся (29,6%) и убежденно неверующие (33,3%) наблюдается активизация российской идентичности; неверующие предпочтение отдают политической идентичности (33,3%).

О чем свидетельствует полученный социологический материал? В первую очередь, о непоследовательности опрошенной дагестанской молодежи: при больших процентах обозначающих отношение к религии как убежденно верующие и верующие, актуализация религиозной идентичности больше характерна подгруппе убежденно верующих, а подмассив верующих демонстрирует республиканскую самоидентификацию. Несмотря на небольшой, в сравнении с другими вариантами ответов, процентный показатель, самоидентифицирующие как

неверующие обозначают важность сопричастности с единоверцами (8,3%), хотя, по логике, они должны были проигнорировать религиозный фактор как таковой.

Далее в исследовании были сопоставлены вопросы, чтобы выявить установки обозначающих определенный тип социальной идентичности и выделить интеграторы: если респондент подчеркивает важность, например, религии как объединяющего признака, то с кем он испытывает чувство общности – с представителями единого вероучения или с другой социальной группой (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы: «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» и «С кем Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» (%)

С кем Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?								
Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?	С представителями моего народа	С представителями всех дагестанских народов	С россиянами	С людьми и моей религии	С людьми одного возраста со мной	С людьми близким и мне по политическим взглядам	С людьми и моей профессией	Ни с кем
Национальный язык	15,7	30,8	9,6	29,8	14,1	2,2	0	2,9
Национальные традиции и обычаи (адаты)	13,8	35,2	7,7	33,6	13,4	1,6	0	1,6
Религия	13,0	27,2	9,1	37,1	13,0	1,7	0,3	2,8
Национальная литература, творчество, музыка	15,8	40,8	11,8	17,1	11,8	3,9	0	1,3
Национальная одежда, жилище, быт	8,3	35,4	18,8	29,2	10,4	2,1	0	0
Историческая территория моего народа	13,1	34,6	15,0	29,0	14,0	3,7	0	0,9
Общность характера, схожесть поведения	7,4	44,1	14,7	19,1	16,2	1,5	0	0
Историческое прошлое	12,5	35,8	12,5	25,0	18,3	2,5	0	0
Ничего не объединяет	10,0	30,0	0	10,0	0	20,0	0	30,0

Таблица сопряженности показывает, что подмассив, отметивший маркер «религия», подчеркивает единство с единоверцами (37,1%); при этом индикаторы «национальный язык» и «национальные традиции и обычаи (адаты)», несмотря на свое доминирование в структуре элементов этничности и важности в сохранении национальной общности, не востребованы при собственно этнической самоидентификации человека (ранее было отмечено, что этническая идентичность опрошенных заметно уступает религиозной и общероссийской идентичностям) – 15,7% и 13,8%, соответственно. Дальнейший анализ констатирует, что респонденты, выбравшие маркеры «национальная литература, творчество, музыка» и «общность характера, схожесть поведения»,

испытывают общность со всеми дагестанскими народами (республиканская идентичность) – 40,8% и 44,1%, соответственно. Таким образом, эмпирический материал показывает соответствие интеграторов консолидации национальной общности (этническая идентичность) типам социальной идентичности: подмассив обозначивший религию и единство ощущает с представителями своего вероисповедания, и такая же картина характерна общедагестанскому и этническому типам социальной идентичности.

Заключение

Религиозная идентичность является типом социальной идентичности, и на ее формирование огромное влияние оказывает существование в обществе разных вероучений («православие», «ислам», «буддизм» и др.), религиозных знаний, которые выражаются через призму культовых праздников, обрядовой сферы, ценностей и символов вероисповедания. Индикатором измерения выраженности религиозной идентичности является востребованность вероучения в повседневной жизни человека. Верификация эмпирического материала по изучению религиозности и культового поведения молодого поколения дагестанцев показывает, что для них ключевым интегратором выступает религия; по этнической принадлежности выделяются подгруппы аварцев и чеченцев, которых, при сопоставлении с другими национальными образованиями, заметно больше. Кроме того, наряду с религией, национальный язык, национальные традиции и обычаи составляют первую тройку консолидационных маркеров. Доминирование религии как объединяющего параметра с представителями своей национальной группы обусловлено возросшей ролью вероучения в современном дагестанском обществе, вовлеченностью большого пласта населения в религиозные процессы, и особенно активная работа ведется среди молодежи. Укрепление позиций исламского учения в современном дагестанском обществе, по мнению автора, является больше деструктивным фактором, чем позитивным: например, изменение внешнего облика мусульманки, ориентированность соответствовать исламским требованиям, навязывание исламских ценностей и постулатов в повседневной жизни, участие местного духовенства в политическом процессе, распространение в семейно-брачной сфере полигамии и т.д. позволяет прогнозировать негативный сценарий исламского возрождения.

Литература

- Агадуллина, Е.Р. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке / Е.Р. Агадуллина, А.В. Ловаков // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2013. – Т. 10. – № 4. – С. 143–157.
- Александрова, Е.А. Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) / Е.А. Александрова, О.Е. Хухлаев // *Изв. Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение»*. – 2017. – № 19. – С. 156–164.
- Бабиц, Н.С. Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности / Н.С. Бабиц, И.В. Батыков // *Социологические исследования*. – 2022. – № 7. – С. 97–108. <https://doi.org/10.31857/S013216250019642-9>.
- Балич, Н.Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества / Н.Л. Балич, // *Социологический альманах*. – 2015. – № 6. – С. 234–243.
- Магомедов, А.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане / Магомедов А.М., Ханбабаев К.М. // *Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень*. – 2003. – № 1-2. – С. 10–17.
- Мухаметшин, Р.М., Гарипов Я.З., Нуруллина, Р.В. Молодые мусульмане Татарстана: идентичность и социализация. – М.: Academia, 2012. – 192 с.
- Рыжова, С.В. Русское самосознание и православная идентичность: между миролюбием и экстремизмом / С.В. Рыжова // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2004* / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – С. 318–344.
- Рыжова, С.В. Религиозность в контексте культуры доверия / С.В. Рыжова // *Социологический журнал*. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 44–63. – <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
- Рыжова, С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия / С.В. Рыжова // *Социологические исследования*. – 2019. – № 2. – С. 49–58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>.
- Титов, Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Оллпорта: понятие религиозных ориентаций / Р.С. Титов // *Культурно-историческая психология*. – 2013. – № 1. – С. 2–9. EDN: RZTZAN

Тишков, В.А. Пора думать не только о «дружбе народов», но и о «дружном народе». Единство России – в многообразии культур. Режим доступа: <http://www.ng.ru/2023/19/05>.

Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон – М.: Прогресс, 1996. – 360 с.

Юрасов, И.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности / И.А. Юрасов, О.А. Павлова // *Теория и практика общественного развития*. – 2018. – № 7(125). С. 24–29. – <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.7.3>

References

Agadullina E.R., Lovakov A.V. The measurement model of ingroup identification: verification on a Russian sample. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013; 10(4):143-157. (In Russ.)

Alexandrova E.A., Khukhlaev O.E. Features of religious identity among Buddhist youth (on the example of student youth of the Republic of Kalmykia). *Izv. Irkutskogo gos. un-ta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie» = Izv. Irkutsk State University. The series "Political Science. Religious studies"*. 2017; 19:156-164. (In Russ.)

Babich N.S., Batykov I.V. Consumer society: the experience of modeling the interrelationships of consumerism and religiosity. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2022; 7: 97-108. (In Russ.)

Balich N.L. Religious identity in the culture of modern society. *Sociologicheskij al'manah = The Sociological Almanac*. 2015; 6: 234-243. (In Russ.)

Magomedov A.M., Khanbabaev K.M. Religion and peacemaking processes in Dagestan. *Gosudarstvo i religiya v Dagestane. Informatsionno-analiticheskij byulleten' = The state and religion in Dagestan. Information and analytical bulletin*. 2003; 1-2:10-17. (In Russ.)

Mukhametshin R.M., Garipov Ya.Z., Nurullina R.V. Young Muslims of Tatarstan: identity and socialization. *Moskva: Academia = M.: Academia*; 2012. 192 p. (In Russ.)

Ryzhova S.V. Russian self-consciousness and Orthodox identity: between peacefulness and extremism. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik–2004 = Russia is reforming: Yearbook–2004* / Ed. by L.M. Drobizheva. *Moskva: Institut sotsiologii RAN = M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*; 2004: 318-344. (In Russ.)

Ryzhova S.V. Religiosity in the context of a culture of trust. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2017; 23(3):44-63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363> (In Russ.)

Ryzhova S.V. Religiosity, ethno-confessional identity and problems of interethnic harmony. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2019; 2:49-58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>. (In Russ.)

Titov R.S. The concept of individual religiosity in Allport: the concept of religious orientations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*. 2013; 1:2-9. (In Russ.)

Erickson E. Identity: youth and crisis. Russ. ed.: *Identichnost': yunost' i krizis*. Transl. from Eng. *Moskva: Progress = Moscow: Progress*; 1996. 344 p. (In Russ.)

Yurasov I.A., Pavlova O.A. Discursive research of religious identity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2018; 7(125):24-29. (In Russ.)

Tishkov V.A. It's time to think not only about the "friendship of peoples", but also about the "friendly people". The unity of Russia – in the diversity of cultures. Available at: <http://www.ng.ru> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 20.10.2024

Дата окончания рецензирования: 23.11.2024

Дата принятия к публикации: 24.11.2024

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sciences in Sociology, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.9>

EDN QMILIL

**Причины конфликтов и способы их разрешения в молодой семье
Ростовской области****Ангелина А. Жиденко¹**¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: Angelina_zhidenk@mail.ru

Аннотация

Введение. В данной работе анализируются результаты социологического опроса (глубинных интервью) с целью выявления основных причин конфликтов в молодой семье Ростовской области, а также наиболее распространенных способов их разрешения. Данный ракурс исследования проставляется чрезвычайно актуальным в условиях высокой динамики разводов в России, особенно среди молодых семей.

Методика и методология исследования. Исследование базируется на данных глубинных интервью, проведенных в 2023 году: 1) с экспертами (медиаторами), территориально проживающими в Ростовской области и представляющими региональные отделения организаций, занимающихся медиативными практиками (n = 7); 2) с представителями молодых семей (n = 38), проживающих в сельской местности (3 мужчин и 12 женщин) и городской (18 женщин и 5 мужчин) Ростовской области.

Результаты исследования. Основные причины конфликтов в молодых семьях Ростовской области связаны с бытовыми, финансовыми проблемами, сложностями выстраивания отношений с родственниками. В качестве важной причины выступает также неготовность самих молодых людей к семейной жизни, к конструированию грамотных семейных отношений, отсутствие желания идти на компромисс, умения разрешать семейные конфликты. Для экспертов-медиаторов ключевыми причинами возникающих на начальном этапе семейной жизни конфликтов, являются отсутствие культуры семейных отношений и изменение к семье как ценности в молодежной среде. При разрешении конфликтов молодые семьи Ростовской области не склонны обращаться к помощи специалистов, предпочитая самостоятельно разбираться в отношениях, спорах и конфликтах, полагая, что «выносить сор из избы» – признак дурного тона. Таким образом, влияние сложившихся стереотипов и традиций в культуре российского народа о необходимости решать семейные вопросы, проблемы, конфликты в узком семейном/дружеском кругу препятствует повышению культуры разрешения семейных конфликтов в обществе и эффективной реализации потенциала семейной медиации в урегулировании семейных споров и конфликтов.

Ключевые слова: молодая семья; семейный конфликт; семейная медиация; развод; семейные отношения; Ростовская область.

Для цитирования: Жиденко А.А. (2024). Причины конфликтов и способы их разрешения в молодой семье Ростовской области. *Caucasian Science Bridge*, 7(3), С. 96-106. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.9>

**The main conflict and method causes of their resolution in young families
of the Rostov Region****Angelina A. Zhidenko**

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

e-mail: Angelina_zhidenk@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the results of a sociological survey (in-depth interviews) aimed at identifying the main causes of conflicts in young families in the Rostov region, as well as the most common ways of resolving them. This research can be considered extremely relevant given the high divorce rate in Russia, especially among young families.

Methods and methodology of research. The study is based on data from in-depth interviews conducted in 2023, for instance: 1) with experts (mediators) living in the Rostov region and representing regional

branches of organizations engaged in mediation practices ($n = 7$); 2) with representatives of young families ($n = 38$) living in rural areas (3 men and 12 women) and urban areas (18 women and 5 men) of the Rostov region.

Research results. The main causes of conflicts in young families in the Rostov region are related to domestic and financial problems, as well as difficulties in building relationships with relatives. Another significant reason is the young people's lack of readiness for family life, constructing healthy family relationships, unwillingness to compromise, and inability to resolve family conflicts. According to the mediators, the key reasons for conflicts that arise in the early stages of family life are the lack of family relationship culture and the changing perception of family as a value in youth culture. When resolving conflicts, young families in the Rostov region are not inclined to seek professional help, preferring to solve relationship issues, disputes, and conflicts on their own, believing that "airing dirty laundry" is bad form. Thus, the influence of established stereotypes and traditions in Russian culture, which dictate that family issues, problems, and conflicts should be resolved within a narrow family/friend circle hinders the culture development of resolving family conflicts in society and the effective implementation of family mediation practices for settling this type of disputes.

Keywords: young family; family conflict; family mediation; divorce; family relationships; Rostov region.

For citation: Zhidenko A.A. (2024). The main conflict and method causes of their resolution in young families of the Rostov Region. *Caucasian Science Bridge*, 7(3), P. 96-106. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.9>

Введение

Хорошо известно, что именно молодая семья является наименее устойчивой среди всех остальных типов семьи, так как ее составляют молодые, неопытные в плане жизненного и семейного опыта люди, а доступность процедуры развода при отсутствии устойчивой семейной культуры в обществе, испытывающей кризис, усугубляет ситуацию. В итоге, молодая семья в России является основным фактором кризисных показателей в функционировании института семьи в России. Самый высокий процент разводов в российском обществе, согласно имеющимся данным, приходится на молодые семьи (Бричкалевич И.В., 2023), и Ростовская область не является исключением (Кириллов Д.А., 2024).

По мнению экспертов, в ближайших 15 лет демографическая ситуация в изучаемом нами регионе станет еще более неблагоприятной ввиду убыли населения, в структуре которого высокая доля людей старшего возраста при низкой доле детей (Назарова А.А., 2023). Такая ситуация сложилась под влиянием ряда факторов, среди которых не только низкий уровень рождаемости и высокая динамика разводов, но также изменение отношения к семье как ценности, к родительству, детности. На уровне органов региональной власти предпринимаются попытки решить демографические проблемы, в частности, в области повышения рождаемости, поддержки молодых семей (Постановление Администрации Ростовской области от 16.12.2009 г. №672), однако, эффективность предпринимаемых мер во многом зависит от устойчивости отношений в молодой семье, уровня ее конфликтности и способности разрешать неминуемо возникающие конфликты на этапе, когда созданный союз двух людей только начинает оформляться в семейный мир.

В этой связи важно понимать, какого рода конфликты возникают в этом рискогенном пространстве под названием «молодая семья», какие причины в большинстве случаев приводят к конфликтам, и каким образом эти конфликты разрешаются. Данная работа есть попытка ответить на данные вопросы с опорой на эмпирический материал, полученный в ходе опроса представителей молодых семей Ростовской области и экспертов-медиаторов, специализирующихся на семейной проблематике.

Методология и методы исследования

Молодая семья как особый тип семьи, имеющий свои особенности и зоны риска, привлекает особое внимание специалистов в области социологии семьи. Достаточно глубоко данная тематика представлена в научных публикациях таких российских исследователей, как Я. В. Артамонова, И. Н. Богданова, А. В. Верещагина, А. С. Кикоть, В. В. Ковалев, А. В. Рачипа, Т. К. Ростовская, С. И. Самыгин, Л. В. Тарасенко, Л. И. Щербакова и др. (Верещагина А. В., Ковалев В. В., Самыгин С. И., 2016, 8; Богданова И. Н., Артамонова Я. В., 2022, 8; Верещагина А. В., Рачипа А. В., Самыгин С. И., Щербакова Л. И., 2016, 128; Кикоть А. С., 2020, 114; Ростовская Т. К., 2013, 6; Тарасенко Л. В., Артамонова Я. В., 2022, 8) Ученые солидаризируются в том, что в функционировании молодой семьи как социального института и малой группы сохраняется

устойчивая динамика кризисных факторов и явлений, которые позволяют говорить об их неустойчивости и высоком конфликтном потенциале.

Конфликтологический ракурс данного исследования определил в качестве важного методологического основания положения теории социального конфликта, имеющей длительную историю становления и эволюции в российской и зарубежной науке. Для цели и задач данного исследования важность представляет подход, согласно которому общество невозможно без конфликтов, а последний представляет собой один из видов социального взаимодействия, в котором сталкиваются интересы, претензии на определенный статус, престиж, происходит борьба за власть, ресурсы, но, что для нас принципиально значимо, конфликты регулируемы. Использование регулятивных механизмов позволяет смягчить последствия конфликта, снизить степень его интенсивности, болезненности, особенно тех конфликтов, которые связаны с половыми и возрастными различиями, противоречиями, возникающими в межличностном пространстве. Указанные положения составляют базис современной социологии конфликта, сформировавшийся благодаря трудам Р. Дарендорфа и Л. Козера (Дарендорф Р., 2002, 288; Козер Л., 2000, 208), подвергших критике конфликтологические воззрения функционалистов (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Смелзер и др.), рассматривавших общество как солидарное органичное целое, движимое согласием большинства относительно общественных ценностей.

В соответствии с различными подходами к социальному конфликту семья также интерпретируется по-разному, как и значимость в ее жизни конфликтов. Безусловно, в любое время, в любую эпоху конфликты в семье неизбежны, но изменение отношения к ним со стороны общества и самих акторов семейных отношений может способствовать использованию позитивного потенциала конфликта посредством его регуляции в стремлении выхода из конфликтной ситуации. Ориентация на замалчивание, сохранение любой ценой «худого» мира в семье или его видимости не означает, что конфликта не существует. Более того, чем дольше он будет сохраняться в латентном, скрываемом состоянии, тем сложнее потом будет его разрешить. Современный мир движется по пути либерализации и демократизации социальных отношений. Меняется отношение и к конфликту. Мы полагаем, что семейный конфликт, с учетом указанных методологических позиций относительно конфликтологической парадигмы, можно рассматривать как определенный тип отношений, возникающий и развивающийся в результате столкновения интересов, ценностей, потребностей и желаний членов семьи под влиянием внешних и внутренних факторов. Внешние факторы обусловлены объективно заданными условиями социальной среды жизнедеятельности семьи, производными от специфики развития социально-экономических, социально-политических, социокультурных процессов в конкретном обществе. Внутренние факторы связаны с самими членами семьи, их социально-психологическими, социально-демографическими особенностями, с близким окружением (родственники, друзья, соседи), что, в комплексе, и порождает особенности межличностной коммуникации в семье, а также характер супружеских, родительских, межпоколенческих, детско-родительских, родственных отношений как пространства потенциальных и реальных конфликтов.

В современном правовом поле под молодой семьей понимаются «лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно» (Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ). Из этого определения мы исходили, когда формировали выборку исследования и обращались к экспертам-медиаторам в рамках серии глубинных интервью, посвященных проблеме конфликтов в молодых семьях Ростовской области. В ходе экспертного опроса методом глубинного интервью нам удалось поговорить с семьей медиаторами, территориально проживающими в Ростовской области и представляющими региональные отделения организаций, занимающихся медиативными практиками. Из семи медиаторов, принявших участие в интервью, трое представляют Ростов-на-Дону; остальные – областные районы (Аксацкий, Батайский, Шахтинский, Азовский). Четверо информантов имеют опыт в области семейной медиации не менее 10 лет, а двое – более 10 лет.

Серия глубинных интервью была проведена также с представителями молодых семей (n = 38). При отборе информантов за основу брались такие критерии, как семейный статус, место проживания (город/село), стаж семейной жизни. Среди информантов 15 – жители сельской местности (3 мужчин и 12 женщин) и 23 – жители городов Ростовской области (18 женщин и 5 мужчин).

Результаты исследования

Ростовская область не является исключением с точки зрения уровня разводов, высокая динамика которых давно характеризует негативное состояние института семьи в российском обществе. И наиболее высокий уровень разводов, как мы уже отмечали выше, фиксируется среди молодых семей, ввиду чего мы обратились к экспертам (медиаторам) с вопросом о том, что, по их мнению, выступает основной причиной сложившейся ситуации, связанной с высоким уровнем разводов среди молодых семей в России, и получили ответы, в целом, позволяющие говорить о солидарной позиции медиаторов, специализирующихся на семейных конфликтах. В основном, суждения сводятся к отсутствию культуры семейных отношений, к отсутствию навыков и знаний в области разрешения семейных конфликтов, что, в целом, свидетельствует о неготовности к семейной жизни вступающей в семейный союз молодежи. Можно привести в качестве подтверждения ряд экспертных мнений:

«Нет культуры, культуры семьи, никто не понимает, насколько это большой труд...; никто не понимает, что это труд, постоянный вклад, постоянная подстройка, постоянная попытка понимать друг друга, потребности друг друга» (Информант 1, Ростов-на-Дону);

«Мне кажется, просто у нас не учат тому, как можно разрешать эти конфликты; основная, наверное, загвоздка в этом» (Информант 3, Ростовская область);

Эксперты не обошли стороной и влияние экономического фактора, хотя он и не стал ключевым в их суждениях:

«Конечно, мы не можем исключать экономические факторы, потому что молодые семьи, все-таки, если мы говорим о тех, которые ещё учатся, являются студентами, или те, которые только обучились и только встают на ступеньку своего профессионального развития и карьеры, конечно, им будет сложнее, потому что здесь встаёт финансовый вопрос, жилищный вопрос, и, соответственно, правильное выстраивание взаимоотношений здесь усугубляется бесконечными финансовыми проблемами... нельзя думать о высоком тогда, когда не удовлетворены твои основные потребности» (Информант 6, Ростов-на-Дону);

«...финансовая подоплёка, нежелание, возможно, оправдывать чьи-то ожидания, либо нежелание зарабатывать столько, сколько хочет там вторая сторона, то есть финансовый вопрос стоит» (Информант 7, Ростовская область).

В ответах медиаторов прозвучали и хорошо знакомые нотки, отсылающие нас к тлетворному влиянию Запада, в результате которого произошло разрушение семейной культуры и семейных ценностей в российском обществе, в частности у постсоветского поколения:

«Влияние запада, влияние как бы западной культуры повлияло... повлияли все кризисы, которые были у нас: и пандемия, и СВО, и так далее... то, что сейчас происходит – разрушены семейные ценности – по моему мнению, влияние все-таки западной культуры» (Информант 5, Ростовская область).

Развод в семье – это, как правило, следствие накопившихся конфликтов, разрешение которых в границах сохранения брака не видится супругами в качестве возможной альтернативы. Но какие конфликты чаще всего возникают в молодых семьях, в итоге приводящие к разрушению молодой семьи? По сути, они повторяют те, что были названы в качестве причин разводов, но мы все же решили сконцентрировать на этом внимание наших экспертов, что позволило более детально проанализировать мир современной молодой семьи в России с точки зрения поля конфликтов. Экспертные суждения показали, что имеют место быть для молодой семьи финансовые проблемы как источник конфликтов, что подтверждается многочисленными другими исследованиями (Бегинина, И. А., 2022, 6; Кикоть А. С., 2018, 10), а с этими проблемами тесна связана другая - зависимость от родителей. Проявляется она не только в финансовой поддержке, но и моральной. Последняя выражается во влиянии на выстраивание отношений между молодыми супругами. Приведем некоторые из мнений экспертов:

«...пока они только начинают работать, у них нет собственного заработка, они сильно зависят от родителей; родители вмешиваются, не только финансово могут вмешиваться...» (Информант 1, Ростов-на-Дону);

«... у нас большинство семей живут с родителями, либо в недвижимости, оформленной на родителя, и, соответственно, это очень такой хороший рычаг для давления, чтобы сын с женой или наоборот, дочь с супругом жили так, как требуют от них родители» (Информант 7, Ростовская область);

Роль родительских семей в жизни молодых семей весьма значительна. И это влияние может быть различным. Говоря о причинах конфликтов в молодых семьях, эксперты обратили внимание на зависимость от опыта родительской семьи. Нам представляется, это один из важнейших источников возникающих в молодых семьях конфликтов - зеркальное отражение

разных семейных культур, миров, типов отношений, сформировавшихся у каждого и характеризующих семейное мировоззрение. И если этот родительский опыт был негативным (конфликтные отношения между родителями, родители были в разводе или вообще не было одного из родителей), то он может негативно сказаться на траектории выстраивания отношений в собственной семье. Приведем мнение одного из медиаторов: *«Плюс ко всему, если есть негативный опыт у родителей, что это некрепкая семья была, не полноценная семья, то есть, были родители в разводе, или вообще не было отца, это тоже очень сильно влияет на подход к формированию семьи, на понимание, что такое семья, как о ней нужно заботиться, то есть, может быть, сами молодые семьи хотят, но не знают, как...»* (Информант 1, Ростов-на-Дону).

С другой стороны, сами молодые люди и, соответственно, созданные ими семьи редко ориентируются на родителей в своей семейной жизни, на их мнение, совет, предпочитая самостоятельно принимать семейные решения, жить отдельно от родителей. Это тенденция автономизации семьи как отдельной ячейки носит общемировой характер, но в условиях российских реалий зависимость молодой семьи от родительской, от бабушек и дедушек в случае, если рождаются дети, очень велика, что формирует для российских молодых семей, особенно в сельской местности, в качестве идеального варианта самостоятельное проживание молодой семьи от родителей, но поблизости от родительского дома, чтобы была возможность обратиться за помощью (в воспитании детей), да и для родителей так спокойнее – дети под присмотром.

Продолжая дальнейший анализ, нельзя не обратить внимание на гендерную трансформацию, находящую непосредственное отношение в семейных отношениях. Современная молодая женщина очень активна, самостоятельна. Этот тезис не имеет смысла подтверждать дополнительными источниками, цифрами, фактами. Сегодня чаще поднимается вопрос о снижении социальной активности среди мужчин, в том числе и в семейной сфере. Одним из экспертов была высказана мысль о том, что *«нельзя забывать о том, что природой заложены определённые гендерные роли, и вот подмена этих гендерных ролей ... женщина очень сейчас активна, социальна, и когда эти женщины все активные, социальные, успешные... где их мужья?»* (Информант 2, Ростов-на-Дону).

Несмотря на то, что на значимость экономических и бытовых факторов в конфликтах молодых семей была особенно отмечена экспертами, все же, если обобщить результаты опроса медиаторов, то картина вырисовывается довольно убедительная с точки зрения ключевой составляющей семейных конфликтов у молодых пар. И эта ключевая составляющая не в материальной, не в жилищной проблеме. Они, по мнению одного из экспертов, являются уже следствием: *«...проблемы финансовые, квартирные вопросы и так далее – это все уже следствие, как я это вижу. Я считаю, психологическая неграмотность людей влияет очень сильно на эту ситуацию»* (Информант 5, Ростовская область).

Для того, чтобы выводы относительно причин конфликтов в молодой семье были объективными и не сводились к мнению экспертного профессионального сообщества, обратимся к результатам серии интервью, проведенных среди представителей молодых семей Ростовской области.

Собственно, во многом, как показал анализ ответов участников глубинных интервью, представлявших молодые семьи Ростовской области, значительных расхождений с позициями экспертов-медиаторов о причинах конфликтов и высокой динамике разводов в молодых семьях нет. Приведем ряд высказываний, комплиментарных мнению медиаторов. При этом хотим обратить внимание, что представление того или иного информанта после приведенного высказывания содержит информацию о поле, возрасте, месте проживания, стаже семейной жизни и количестве детей в семье. Последние два показателя прописаны через знак дроби (например: 4/2, что означает, что информант проживает в браке 4 года и у него двое детей). Итак, несколько позиций, пересекающихся с мнением медиаторов, в частности, о влиянии родительских семей на жизнь молодой семьи, о незрелости самих молодых людей с точки зрения выбора спутника жизни и конструирования грамотных семейных отношений, умения разрешать семейные конфликты, о значимости финансового фактора в поддержании стабильности семьи:

«По моему мнению, большинство разводов в молодых семьях происходит из-за того, что молодая семья, еще не зная, как поступить в той или иной ситуации, обращается за помощью к своим близким, и каждая из сторон говорит свою точку зрения, поэтому возникают между молодыми конфликт, так как мужчина слушает своих родителей, а женщина слушает своих родителей или друзей, знакомых, ну, не важно, поэтому и возникают споры (жен., 32 года, Чалтырь, 10/4);

«В основном с самого начала, когда люди, спеша, выбирают себе партнера, так сказать... а также финансовые проблемы» (жен., 19 лет, Шахты, 1/1);

«Думаю, что большая часть всех проблем в отношениях идет изначально из семьи, где рос каждый из участников конфликта. У нас у каждого нет нужного «образования» в семейных отношениях. Никто не учит, как нужно вести себя с мужем/женой, как правильно садиться за стол переговоров и т.д. Во многих семьях дети наблюдали неправильное отношение мамы и папы к друг другу. Кто-то рос с одним родителем, кто-то рос с бабушками и дедушками, кто-то рос вообще сам, отсюда и наша безграмотность. Когда ты знаешь правило, ты сможешь решить уравнение. А здесь никто никаких правил не знает; на практике, вступив в брак, начинается крах» (жен., 27 лет, Ростов-на-Дону, 5/2);

«Мало осознанности, больше эмоций в принятии решения создать семью» (муж., 28 лет, Ростов, 5/0);

«Очень много семейных конфликтов происходит из-за финансовых вопросов, из-за того, что кто-то один из супругов не работает» (жен., 32 года, Чалтырь, 10/4);

«Молодые семьи проходят много испытаний: жизнь в финансово ограниченных условиях (так как у молодых людей еще обычно не очень высокий доход), ремонт, налаживание отношений с родителями друг друга, формирование быта. Все эти моменты дают и нервную, и на почве этих негативных эмоций часто возникают конфликты» (жен., 29 лет, Ростов-на-Дону, 3/1).

Если сравнивать мнения информантов, представляющих молодые семьи, с мнением медиаторов, то в качестве идей относительно конфликтов в молодых семьях, на которых не акцентировали внимание эксперты-медиаторы, прозвучали идеи об отсутствии любви, об эгоизме, несамодостаточности, эмоциональности как присущего молодежи свойства, неспособности пойти на компромисс. Молодежь, как видим, достаточно критична к себе и понимает природу своих семейных проблем.

«Ну, во-первых, эмоциональность... если мы говорим «молодые браки», к примеру, всё равно какой-то фактор, какое-то влияние оказывает еще и то, что молодые, энергичные, у каждого свое «Я», и люди не совсем готовы идти на компромиссы, хотя, в большинстве случаев, как мне кажется, именно компромиссы готовы спасти брак, а молодым людям тяжело найти это» (жен., 22 года, Донецк, 1/0);

«Мне кажется, это связано с тем, что никто не хочет идти на уступки друг другу и видит только свою цель, то, что он от этого хочет, просто и всего. Ну, как бы не хотят друг ради друга идти на какие-то жертвы» (муж., 26 лет, Волгодонск, 4/0);

«Наверное, прежде всего потому, что не хотят идти на компромиссы в первую очередь. Женщина считает, что должен уступить мужчина, а мужчина считает, что, наверное, наоборот» (жен., 34, Ленинаван, 3/1);

«Конфликты и разводы в молодых семьях происходят из-за отсутствия любви. Нежелания услышать друг друга и идти на уступки» (муж., 29 лет, Ростов-на-Дону, 7/2);

«От степени, наверно, заполненности внутри самого себя и адекватности восприятия своего личного «я» и зависит, мне кажется, успех в браке... когда ты внутри себя не можешь договориться с тем, что ты хочешь и тем, что ты имеешь, и начинаешь это проецировать на близкого человека, а там-то такой же человек, у которого такие же проблемы, такие же желания, такие же чувства и такая же, может быть, неопределённость и те же самые страхи» (жен., 29, Таганрог, 5/1);

«Когда ты понимаешь, кто ты есть, тебе сильно проще выбрать себе подходящего человека и не пытаться его переделать, а когда ты молодой, ты не понимаешь ничего про себя и, соответственно, не понимаешь ничего про того человека, которого ты выбираешь» (жен., 27, Кировская, 9 лет/0)

Во многих высказываниях наших информантов звучало слово «бытовуха». Именно в ней значительная часть интервьюированных увидела причины конфликтов в молодой семье. Мы не будем приводить все эти высказывания, но в качестве иллюстрации одно из них представим: *«Мне кажется, они постоянно находятся вместе, долгое время, нет разнообразия, то есть не могут сходить ни в кинотеатр для разнообразия, ни по магазинам, ни погулять, вот даже у меня сейчас нет никакого разнообразия; мы не можем ни пойти никуда, только вот работает человек, я, в принципе, тоже, ну, вот, «бытовуха» (жен., 22, Ростов-на-Дону, 1/0).*

Еще одна фраза в суждениях информантов звучала еще чаще, чем слово «бытовуха» - это «молодые не слышат друг друга». Но эта фраза, по своей сути, также связана с проблемами незрелости, неготовности к семейной жизни, к непониманию того, что она собой представляет и как надо строить семейные отношения. Нет опыта – это естественно, но нет и культуры семейных отношений, нет сформированных знаний, навыков, информации о том, как разрешать возникающие семейные конфликты. Далеко не в каждой семье этому научат, особенно если учесть, что динамика роста численности неполных семей в России не снижается и является очень высокой (около 40%

семей в России являются неполными; каждый третий ребенок в России и воспитывается в семье, состоящей из одного родителя) (Виноградова Е.С., 2024). Как в неполной семье сформировать культуру формирования супружеских отношений и разрешения возникающих между супругами конфликтов? Зачастую и в полной семье родители подают пример «нездоровых» супружеских отношений.

Следовательно, мы снова приходим к ключевой идее о том, что семейные (супружеские, родительские и иные) отношения в молодой семье и уровень их конфликтности детерминированы уровнем семейной культуры каждого из членов семьи, степенью ее зрелости на момент создания семьи. Эта культура у каждого своя в зависимости от личной семейной истории, а, следовательно, спектр конфликтов и их причин весьма разнообразен – от глубоко мировоззренческих до банально бытовых. Как заметила одна из участниц глубинных интервью, которая весьма рано вышла замуж (в 18 лет) за такого же молодого: *«Мы с мужем очень часто не могли договориться даже до того, кто мусор пойдёт выносить»* (жен., 30 лет, Новобатайск, 6/3).

Как разрешаются конфликты в молодой семье? К кому обращаются за помощью? Результаты нашего эмпирического исследования (интервью с представителями молодых семей) показали следующее. Большинство опрошенных нами считает, что решать возникающие у молодой семьи конфликты, проблемы должны сами молодые семьи, и такой позиции придерживается большинство мужчин:

«Ну, если, например, новая созданная семья нуждается в материальной помощи, то, естественно, какая-то помощь от государства, а если какая-то конфликтная ситуация, это должна решать сама семья» (жен., 19 лет, Шахты, 1/1);

«Ну, конечно сами молодые люди... потому, что это же конфликты между ними двоими происходят; ну, максимум, могут обратиться за советом к людям более старшего поколения, к своим родителям или к более опытным людям» (жен., 26, Красюковская, 3/1);

«Сами молодые люди, потому что пока они сами не захотят решить эту проблему, никто не поможет» (муж., 25 лет, станица Кривянская, 3/1);

«Решением семейных конфликтов должны заниматься сами молодые семьи» (муж., 29 лет, Ростов-на-Дону, 7/2);

«Сами молодые семьи, потому что сор из избы не нужно выносить, и это нужно обсуждать на семейном совете дома» (жен., 24 года, Красный Сулин, 1/0)

«Я считаю, люди сами должны решать. Поругались сами, значит миритесь сами. Логично? Я думаю, да» (муж., 32, х. Краснодонский, 7/2);

«Молодые семьи должны сами решать свои вопросы, потому что, если два человека решили создать свою семью, то они должны уметь решать свои проблемы внутри семьи, не вынося это все за рамки» (жен., 25, Старая Станица, 5/0).

Но так считают не все:

«Решение конфликтов внутри семьи не считаю правильным, если в это вмешиваются какие-то заинтересованные стороны, например, родственники, друзья, знакомые, потому что каждый всё-таки ищет свою выгоду, а медиация – это как раз-таки тот вариант, когда решение вопроса было бы адекватным со стороны, при наличии с обеих сторон информации о самом конфликте» (жен., 32 года, Чалтырь, 10/4);

«Мне кажется, решением семейных проблем должны непосредственно заниматься специалисты. И наверняка было бы лучшим вариантом попасть к такому специалисту свободно и без оплаты, например, как к врачу. В таком случае можно было бы избежать большую часть конфликтов/разводов» (жен., 27 лет, Ростов-на-Дону, 5/2);

«В свете прожитого опыта, я считаю, что должны этим заниматься специалисты. В нашей стране, мне кажется, это не сильно направление развито, поэтому обратиться к специалистам и найти их – это достаточно большая, как мне кажется, проблема, особенно, в маленьких населённых пунктах» (жен., 34, Самарское, 13/2);

«Я считаю, что решать проблемы молодых людей должны специалисты, так как молодые люди не всегда могут самостоятельно справиться с этим. Только специалист может четко выявить основные проблемы и дать верное решение по устранению их» (жен., 25, Ростов-на-Дону, 2/0).

Однако, справедливости ради, стоит сказать, что указанные позиции с пониманием того, что семейные конфликты – дело рук специалистов, особенно в ситуации с молодыми семьями, составляют не просто меньшинство, а значительное меньшинство. По сути, практически все мы и привели их выше. Достаточно много промежуточных вариантов ответа, в которых совмещаются варианты и самостоятельного разрешения конфликтов, и с помощью специалистов:

«Мне кажется, самостоятельно, но в крайних случаях можно прибегнуть к помощи специалистов, но, мне кажется, это больше крайний случай» (жен., 22 года, Донецк, 1/0);

«Сами молодые семьи, ну и если сложный случай и молодая семья не может решить конфликт, то обратиться к специалисту семейных конфликтов» (муж., 29 лет, Ростов-на-Дону, 7/2);

«Я считаю, что в урегулировании семейных конфликтов должны участвовать сами молодые семьи. И если дело заходит в тупик, прибегать к помощи специалистов» (муж., 28 лет, Ростов-на-Дону, 5/0).

В целом, большинство считает, что обращаться за помощью к специалистам следует в самом крайнем случае, и в этой позиции самым непосредственным образом отражается особенность российской ментальности (не выносить сор из избы и т.д.). Никто не задумывается о том, что «в самом крайнем случае» может уже быть поздно, когда переизбыток самостоятельно и неумело решаемых или замалчиваемых конфликтов приводит к накалу страстей, к поступкам, которые уже не исправишь и, как следствие, к решению о разводе.

Интересен также тот факт, что помощь специалистов в разрешении конфликтов в молодой семье зачастую в своих высказываниях опрошенные ставят на третью позицию. Приведем одно высказывание, наиболее ярко характеризующее эту ситуацию: *«Проблемы у молодых семей могут быть разные, соответственно различные способы их разрешения. Я считаю, что в первую очередь проблемы молодых семей должны разрешать сами муж и жена, во вторую очередь поддержкой и направлением могут выступать родственники и друзья. В третью очередь возможно обратиться к специалисту по разрешению семейных конфликтов при условии, что молодая семья, всё-таки действительно, хочет его разрешить»* (жен. 28, Ростов-на-Дону, 4/2)».

Согласно мнению опрошенных нами представителей молодых семей, многие семьи можно было бы спасти от развода, если бы они вовремя обратились к специалистам, что несколько противоречит доминантной позиции о том, что молодые семьи сами должны решать свои проблемы, пока не наступит крайний момент. Тем не менее, при вопросе о том, можно было бы снизить численность разводов среди молодых семей при помощи специалистов по семейным конфликтам и, в частности медиаторов, большинство ответило положительно, а мнение одного из опрошенных мужчин (*«жаль только, что в обществе, считается дурным тоном ходить к специалистам»*) (муж., 29, Ростов-на-Дону, 3/1)» лишний раз подтвердило устоявшуюся установку в массовом сознании жителей России на закрытость в отношении разрешения семейных конфликтов.

Да и сами опрошенные в нашем интервью обратились бы к помощи медиатора для урегулирования семейных конфликтов только в самом крайнем случае, когда уже не останется иных средств, ресурсов, способов разрешить семейную ситуацию. Так ответило большинство на соответствующий вопрос о том, обратились бы они к помощи медиатора в случае конфликтной ситуации в семье. Однако и тех, кому интересен был бы такой опыт разрешения конфликтов (послушать третью сторону, вовремя решить конфликты и сохранить семью), оказалось немало в нашем опросе – 13 человек. Из них подавляющее большинство женщин.

Свои отношения в семье информанты, в целом, оценили положительно. Те, кто в браке до трех лет, еще испытывают чувство влюбленности, эйфории. Те, кто в семейно-брачном статусе находится подольше, отмечают, что «прошли путь притирки», «научились слышать друг друга», «удалось сформировать дружественные и уважительные отношения, взаимопонимание». Наиболее ценными в семейных отношениях для опрошенных выступают именно эти константы семейной жизни – взаимопонимание, взаимоподдержка, партнерство, мир и спокойствие в семье, «тихая гавань». Это сочетается с данными, полученными ВЦИОМ в 2023 году (ВЦИОМ, 2023). В ходе опроса ВЦИОМ удалось установить, что идеальная семья для россиян – это семья, в которой царят взаимопонимание, взаимоуважение, забота друг о друге (66%), счастье, гармония (28%), любовь (20%) и только потом благополучие и достаток (16%). На основе данного исследования, в сравнении с данными за последние 10 лет, исследователи пришли к выводу о том, что в представлениях об идеальной семье за последнее десятилетие четко обозначилась тенденция перехода к духовной составляющей семейных отношений как более важной, нежели материальной. При этом наибольший прогресс наблюдается среди молодежи 18–24 лет. Для нее идеал семьи, прежде всего, связан с взаимопониманием (78%). В когорте 25–34-летних довольно значим фактор благополучия, достатка (25%).

Основные причины конфликтов, которые возникают в семьях опрошенных нами жителей Ростовской области, это бытовые, финансовые проблемы и сложности выстраивания отношений с родственниками (как правило, родителями мужа/жены). Последний фактор – сложности общения с родственниками – назывался очень часто, что также подчеркивает специфику семейной культуры в России, в рамках которой семейные миры молодых пар уязвимы со стороны «вторжения» взрослых

родственников, особенно в сельской местности. Городская семейная культура характеризуется большей автономностью молодых семей.

Заключение

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе глубинных интервью с представителями молодых семей Ростовской области и специалистами в области семейной медиации, позволил прийти к следующим выводам. Основные причины конфликтов, которые возникают в молодых семьях изучаемого нами региона, связаны с бытовыми, финансовыми проблемами, сложностями выстраивания отношений с родственниками (как правило, родителями мужа/жены). В качестве важной причины определился также фактор неготовности самих молодых людей к семейной жизни, к конструированию грамотных семейных отношений, отсутствие желания идти на компромисс, умения разрешать семейные конфликты. Эксперты-медиаторы именно на последнем факторе сделали акцент, считая, что отсутствие культуры семейных отношений и изменение к семье как ценности в молодежной среде – важнейшая причина возникающих на начальном этапе семейной жизни конфликтов.

Молодая семья в Ростовской области не склонна обращаться к помощи специалистов для урегулирования возникающих конфликтов. Этот способ воспринимается, как крайняя мера, когда исчерпаны все остальные ресурсы и способы решения семейных споров и конфликтов. В целом, признавая важность помощи специалистов, причем чаще всего речь шла о семейных психологах, молодые семьи предпочитают самостоятельно разбираться в отношениях, спорах и конфликтах, полагая, что «выносить сор из избы» – признак дурного тона.

Иными словами, на данный момент еще не сформировались установки на то, что семья – такой же живой организм, как и организм человека, и он также нуждается в помощи со стороны специалистов, если в какой-то момент дал сбой, обозначились признаки «болезни». В итоге, эти «болезни» в виде конфликтов пытаются вылечить методом самолечения, оставляя на крайний случай вмешательство посторонних лиц (специалистов). Хорошо известно, к чему приводит самолечение на уровне медицинских заболеваний, – порой врачи оказываются бессильны что-либо сделать, предложить схему лечения для выздоровления человека. И с семьей в аналогичной ситуации происходит то же самое – запущенный конфликт может настолько сильно поразить семейный «организм», что, в итоге, в качестве способа его разрешения супругам видится только один – развод. В судебной практике на современном этапе принято во время бракоразводного процесса обращаться к услугам медиаторов, но, как правило, это происходит по настоянию судебных органов.

Мы считаем, что потенциал семейной медиации в России и в Ростовской области в том числе превышает реальные результаты применения медиативных практик. Это связано с низкой культурой решения социальных конфликтов, а также с недостатком доверия к медиации как способу урегулирования семейных конфликтов при сложившейся установке на иные способы разрешения конфликтов, не предполагающие привлечение «третьей», причем незнакомой стороны. Сами медиаторы считают, что потенциал семейной медиации позволяет добиваться более значимых результатов, т. е. сохранить семьи, и такие примеры приводятся специалистами (Редакция Медиатор. РФ., 2024), однако, массовыми их не назовешь.

Литература

Бегинина, И.А. Молодая семья в регионе: теория, практика и проблемы семейной политики / И.А. Бегинина // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 255–260. – <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260>. – EDN ZCBGLI.

Богданова И.Н., Артамонова Я.В. Молодая семья как "ускользающий" социальный феномен в современных российских условиях / И.Н. Богданова, Я.В. Артамонова // *Caucasian Science Bridge.* – 2022. – Т. 5. – № 3(17). – С. 74–82. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>. – EDN XACPSH.

Бричкалевич И.В. Эксперты раскрыли удручающую статистику разводов в России: как изменить ситуацию. Режим доступа: <https://www.mk.ru/2024/10/04>.

Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Проблемы и риски распада молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики / А.В. Верещагина, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // *Гуманитарий Юга России.* – 2016. – № 6. – С. 55–63. – EDN XBJKZB.

Верещагина А.В., Рачина А.В., Самыгин С.И., Щербакова Л.И. Молодая семья в России в условиях демографического кризиса: монография. / А.В. Верещагина, А.В. Рачина, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова // *Москва: РУСАЙНС* – 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Виноградова Е.С. Эксперты при Минтруда описали «портрет» неполной семьи в России. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/2024/10/04>.

ВЦИОМ. Идеальная семья – 2023. Режим доступа: <https://www.wciom.ru/2024/10/04>.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. пер. с нем. Л.Ю. Пантинной / Р. Дарендорф // Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – 2002. – 288 с.

Кикоть А.С. Макросоциологические индикаторы рисков социальной дезадаптации молодой семьи в России / А.С. Кикоть // *Гуманитарий Юга России*. – 2018. – Т. 7. – № 1. – <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.15>. – EDN VWNBJVJ.

Кикоть А.С. Социальная адаптация молодой семьи в России. / А.С. Кикоть. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 114 с. – EDN YNURLC.

Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. М.: «Идея-Пресс», 2000. – 208 с.

Кириллов Д.А. В Ростовской области чаще всего разводятся пары от 26 до 35 лет. Режим доступа: <https://www.donnews.ru/2024/08/06>.

Назарова А.А. Демографы прогнозируют убыль населения в Ростовской области в ближайшие 15 лет. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/2024/08/06>.

Постановление Администрации Ростовской области от 16.12.2009 г. №672 «Концепция демографической политики Ростовской области на период до 2025 года». Режим доступа: <https://www.donland.ru/2024/05/06>.

Редакция Медиатор. РФ. Сохраняем семьи: как медиация помогла избежать развода. Режим доступа: <https://медиатор.рф/2024/10/04>

Ростовская Т.К. Развитие института молодой семьи в современном обществе. / Т.К. Ростовская // *Государственный советник*. – 2013. – № 2(2). – С. 46–52. – EDN REZRFL.

Тарасенко Л.В., Артамонова Я.В. Риски разрушения жизненного мира молодой семьи в пространстве трансформационной среды / Л.В. Тарасенко, Я.В. Артамонова // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 219–227. – <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-219-227>. – EDN KYQNAM.

Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/2024/10/05>.

References

Beginina I.A. The young family in the Region: theory, practice, and issues of family policy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = News of Saratov University*. 2022; 22(3): 255–260. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260>. (In Russ.)

Bogdanova I.N., Artamonova Y.V. The young family as a "elusive" social phenomenon in contemporary Russian conditions. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2022; 5(3):74–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>. (In Russ.)

Brichkalevich I.V. Experts revealed the dismal divorce statistics in Russia: how to change the situation. Available at: <https://www.mk.ru/2024/10/04> (In Russ.)

Vereshchagina A.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. Problems and risks of the collapse of the young family in its first year of life from the perspective of its typological characteristics. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2016; 6: 55–63. (In Russ.)

Vereshchagina A.V., Rachipa A.V., Samygin S.I., Shcherbakova L.I. The young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: Izdatel'stvo RUSAYNS = Ru-Science Publishing House; 2016. 128 p. (In Russ.)

Vinogradova E.S. Experts from the ministry of labor described the «portrait» of a single-parent family in Russia. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/2024/10/04> (In Russ.)

VTsIOM. Ideal Family – 2023. Available at: www.wciom.ru/2024/10/04 (In Russ.)

Dahrendorf R. The contemporary social conflict. An essay on the politics of freedom / Translated from German by L.Yu. Pantina. *Moskva: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN) = Moscow: Russian Political Encyclopedia*; 2002. 288 p. (In Russ.)

Kikoty A.S. Macrosociological indicators of social disadaptation risks for young families in Russia. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2018; 7(1). (In Russ.)

Kikoty A.S. Social adaptation of young families in Russia. Moscow: Izdatel'stvo RUSAYNS = Ru-Science Publishing House; 2020. 114 p. (In Russ.)

Coser L. The functions of social conflict. Moscow: Ideya-Press = Idea-Press; 2000. 208 p. (In Russ.)

Kirillov D.A. In Rostov Region, couples aged 26 to 35 divorce most often. Available at: <https://www.donnews.ru/2024/08/06> (In Russ.)

Nazarova A.A. Demographers predict population decline in Rostov Region in the next 15 years. Available at: <https://www.kommersant.ru/2024/08/06> (In Russ.)

Resolution of the Administration of Rostov Region from 16.12.2009 No. 672 «Concept of Demographic Policy of Rostov Region until 2025». Available at: <https://www.donland.ru/2024/05/06> (In Russ.)

Mediator Editorial Board. RF. Saving families: How mediation helped avoid divorce. Available at: <https://mediator.rf/2024/10/04> (In Russ.)

Rostovskaya T.K. The development of the institution of the young family in modern society. *Gosudarstvennyy sovetnik = State Counselor*. 2013; 2(2):46–52. (In Russ.)

Tarasenko L.V., Artamonova Y.V. Risks of the destruction of the life world of the young family in the space of the transformational environment. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the South Russian State Technical University*. 2022; 15(4): 219–227. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-219-227>. (In Russ.)

Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ «On Youth Policy in the Russian Federation». Available at: <https://www.zakonrf.info/2024/10/05> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 2.09.2024

Дата окончания рецензирования: 7.10.2024

Дата принятия к публикации: 12.10.2024

Информация об авторе

Жиденко Ангелина Александровна – ассистент кафедры Экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), начальник отдела по воспитательной работе и реализации молодежных программ РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zhidenko Angelina Aleksandrovna – Assistant of the Department of Economic Theory of Rostov State University of Economics (RINH), Head of the Department for Educational Work and Implementation of Youth Programs of the Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia; e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

The author has no conflict of interest to declare

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья

УДК 316.752.4

<https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.10>

EDN RTOSYJ

Ценностный конфликт в восприятии недружественных стран жителями среднего южно-российского города (на примере г. Таганрога)**Данил. А. Киселев¹**¹Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: danil.kiselev.2015@list.ru

Аннотация

Введение. В данной статье предпринимается попытка выявления причин ценностного конфликта в восприятии жителями Ростовской области ряда недружественных государств и оценка его возможных последствий. Основная цель исследования - анализ мнения жителей Таганрога о ряде антипатичных им стран, выбранных при этом в качестве привлекательных для потенциального визита в случае возможности, что является основанием для возникновения конфликта ценностей.

Методы. Исследование опирается на эмпирические данные пилотажного социологического исследования, выполненного коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2023 году. В качестве основного метода исследования было выбрано анкетирование, опрос проведён среди жителей города Таганрога.

Результаты и их обсуждение. Выявлены причины возникновения ценностного конфликта в восприятии ряда недружественных стран – США, Великобритании, Франции и Германии. Установлено, что в связи с влиянием ряда внешних факторов таганрожцам присущ конфликт познания ценностей, то есть ситуация, в которой реализация вторичных постматериалистских ценностей (социальные, культурные, духовные, рекреационные) невозможна без достижения ценностей первичных материалистских (безопасность, экономическое благополучие). Обозначены возможные последствия ценностного конфликта: ухудшение психологического и социального самочувствия индивида, формирование стереотипов, ухудшение межличностных и межэтнических отношений. Результаты, описанные в данной статье, могут быть полезны для дальнейшего изучения социологии международных отношений, а также использованы для планирования мероприятий, направленных на борьбу с формированием у жителей Таганрога устойчивых негативных стереотипов о жителях недружественных государств и способствующих дальнейшему развитию двустороннего межэтнического сотрудничества.

Ключевые слова: ценности; ценностный конфликт; общественное мнение; недружественные страны; двусторонние отношения.

Для цитирования: Киселев Д. А. (2024). Ценностный конфликт в восприятии недружественных стран жителями среднего южно-российского города (на примере г. Таганрога). *Caucasian Science Bridge*, 7(3), С.108-116. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.10>

The value conflict in the perception of unfriendly countries by the residents of an average city in the South Russia (on the example of Taganrog)**Danil. A. Kiselev¹**¹South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: danil.kiselev.2015@list.ru

Abstract

Introduction. This article attempts to identify the causes of the value conflict in the perception of residents of the Rostov region of a number of unfriendly states and assess its possible consequences. The main purpose of the study is to analyze the opinions of Taganrog residents about a number of countries they dislike, while choosing them as attractive for a potential visit, if possible, which is the basis for a conflict of values.

Methods. The study is based on the empirical data of a pilot sociological study conducted by the staff of the SRB – FRSC RAS in 2023. A questionnaire was chosen as the main research method, and a survey was conducted among residents of the city of Taganrog.

Results and its discussion. The reasons for the emergence of a value conflict in the perception of a number of unfriendly countries – the United States, Great Britain, France, and Germany - are revealed. It is established that due to the influence of a number of external factors, Taganrog residents are characterized by a conflict of cognition of values, that is, a situation in which the realization of secondary post-materialistic values (social, cultural, spiritual, recreational) is impossible without achieving primary materialistic values (security, economic well-being). The possible consequences of the value conflict are outlined: deterioration of the psychological and social well-being of the individual, the formation of stereotypes, deterioration of interpersonal and interethnic relations. The results described in this article can be useful for further study of the sociology of international relations, as well as used for planning activities aimed at combating the formation of stable negative stereotypes among residents of Taganrog about residents of unfriendly states and contributing to the further development of bilateral interethnic cooperation.

Keywords: values; value conflict; public opinion; unfriendly countries; bilateral relations.

For citation: Kiselev D. A. (2024). The value conflict in the perception of unfriendly countries by the residents of an average city in the South Russia (on the example of Taganrog). *Caucasian Science Bridge*, 7(3), P.108-116. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.10>

Введение

Ценностные конфликты — это сложные социальные явления, возникающие в результате столкновения разных культурных, политических и социальных установок и мировоззрений. В современном мире, где глобализация и международные отношения становятся всё более многообразными и напряжёнными, исследование восприятия недружественных стран приобретает особую актуальность. Ростовская область, находящаяся на границе с Европой, представляет собой уникальную площадку для изучения таких конфликтов, поскольку её жители активно вовлечены в глобальные мировые процессы и особенно остро ощущают на себе масштабные политические, экономические, социальные и культурные метаморфозы, свидетелями которых являются.

Данная статья сосредоточена на восприятии недружественных стран, в числе которых США, Великобритании, Франции и Германии, жителями Таганрога, одного из крупнейших городов Ростовской области. Несмотря на происходящие в этих странах события и политические разногласия, они по-прежнему остаются привлекательными для потенциальных посетителей, что может повлечь зарождение ценностного конфликта и, в связи с этим, представляет интерес для научного исследования.

Прежде чем говорить о ценностном конфликте и его особенностях, необходимо эксплицировать понятие «ценностей» в целом. Основоположителем социологической теории ценностей принято считать Э. Дюркгейма, который в своих научных трудах обозначал связь ценности и некоторого идеала, подчёркивая их обоюдно изменчивую природу. В конечном счёте, по мнению учёного, данный синтез порождает систему, в которую входят как экономические, так и «ценности нравственные, религиозные, эстетические, метафизические» (Дюркгейм, 1991, С. 109). Похожие трактовки впоследствии давали также П.А. Сорокин и В.П. Бранский, сравнивая ценности не только с идеалом, но и с эталоном как более практичным образом для стремления и подражания (Максименко, 2011, 286).

Продолжил развивать эти идеи М. Вебер, описывающий ценности как «не только мотив человеческого действия, но и фундаментальные нормы любых видов действий» (Вебер, 1990, 628). По мнению исследователя, сам факт существования разнообразия сфер ценностей предполагает возникновение конфликтов между ними.

Писал о ценностях и Т. Парсонс, при этом значительно расширяя функциональную роль данного явления и подчёркивая, что они «занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» (Парсонс, 1998, 18).

Таким образом, ценности можно определить как базовые регулятивные нормы поведения в обществе, отражающие не только идеалы и стремления самого индивида, но и ожидаемые социальной системой в целом результаты этих действий.

Существует несколько типологий ценностей, в числе которых четырёхуровневая М. Шелера и семиуровневая А. Маслоу, в основе которой лежит иерархия потребностей, однако в данной статье будет использована концепция Р. Инглхарта. Учёный предложил разделять рассматривать ценности в рамках двух обширных систем – материалистической и постматериалистической. Первая особенно актуальна в ситуациях выживания индивида или группы при условии ограниченности ресурсов и включает в себя «материальное благосостояние, экономический рост, безопасность» (Инглхарт, 1997, 87). Другая приобретает первостепенное значение во времена стабильности, когда ценности из первой системы уже удовлетворены, поэтому люди стремятся к построению гармоничных взаимоотношений, познанию окружающего мира, духовно-нравственному развитию, самореализации. Герчак А.В., расширяя понимание постматериалистических ценностей, относит к ним также «представления граждан о социальной справедливости, социальном порядке, свободе личности, безопасности, правах и свободах граждан, вере в Бога» (Герчак, 2011, 99).

Тогда что такое «ценностный конфликт» и при каких условиях он возникает? Троценкова Е. В. даёт следующее определение данному феномену: ценностный конфликт представляет несоответствие между различными аспектами структуры системы ценностей, которое впоследствии способно стать «источником противоречия между конкурирующими ведущими принципами в поведении или между ожиданиями, предъявляемыми действительности, и реальным положением дел» (Троценкова, 2012, 25).

Н. Гартман, исследуя ценностные конфликты, подразделяет их на два вида:

1. Межценностный конфликт, в рамках которого ценности вступают в противостояние друг с другом в силу изначальной несовместимости или противоречивости. Гартман подчёркивает, что данный тип конфликта особенно опасен для индивида, поскольку не предполагает выбора между позитивным и негативным явлением, но между двумя позитивными, указывая на невозможность компромиссного исхода: «альтернатива здесь не заключается в выборе между грехом и добродетелью, но между грехом и грехом. При выборе между ценностью и ценностью одна из них неизбежно будет отброшена, а другая исполнена» (Гартман, 2002, С. 248-249).

2. Конфликт познания ценностей, отличающийся от предыдущего вида не тем, что исключает возможность выбора между двумя ценностями как таковой, но осложняет его в силу действия внешних обстоятельств, препятствующих их параллельной гармоничной реализации: «они требуют от человека выбора, но не потому, что что-то из них не является ценностью, а потому, эти две или более ценности не могут в данной конкретной ситуации стать целью человеческих поступков» (Перов, 2019, 243).

Позитивная функция данного явления может проявляться в гармоничном функционировании человека и общества, поскольку индивид, находящийся перед моральным ценностным выбором, не теряет нравственность, а также лучше усваивает и впоследствии воспроизводит этические нормы.

В связи с тем, что в рамках данной статьи будет рассмотрен ценностный конфликт не в вакууме, но конкретно в восприятии недружественных стран, необходимо также обратить внимание на ряд исследований по теме.

Так, Г.И. Козырев, эксплицируя понятие «образ врага», характеризует его как «оценочную характеристику, приписываемую «аутгруппе», сформированную в общественном сознании для противопоставления «ингруппе», характеризующейся враждебным отношением» (Козырев, 1999, С. 112). При этом исследователь выделяет долю субъективности в процессе формирования такого образа, связанную с эмоциональностью индивидов, а также искажением интерпретации в СМИ и общественном сознании.

А.С. Магранов среди факторов, формирующих позитивное или негативное восприятие конкретного государства, особенно отмечает деловые и торговые отношения, а также необходимость «укрепления позиций и завоевания авторитета у мирового сообщества» (Магранов, 2023, С. 209). Масштабное переформатирование в общественном сознании россиян образа «друзей» и «врагов» происходит, по мнению учёного, во времена серьёзных геополитических изменений, к числу которых можно отнести специальную военную операцию, направленную на демилитаризацию и денацификацию Украины, которая началась в феврале 2022 года.

Схожей позиции придерживаются исследователи В.А. Шилова и В.А. Веденин, исследовавшие «образ врага» в контексте ведения информационно-психологических войн. Авторы подчёркивают амбивалентность оснований формирования антипатичного восприятия той или иной страны. В частности, Шилова и Веденин выделяют факторы естественные,

сопряжённые с объективным и реальным историческим контекстом, а также целенаправленные, к которым можно отнести конкретные шаги или инициативы определённого государства, влекущие за собой негативные последствия (Шилова, Веденин, 2022, 33).

Ю.В. Латов обозначает антипатичное отношение россиян к странам Запада термином «антизападничество», подчёркивая политическую детерминированность данного явления. Автор даёт следующую трактовку этому понятию: «современное российское «антизападничество» – это в первую очередь антиамериканизм, негативизм по отношению к ведущему политическому противнику Российской Федерации и его союзникам» (Латов, 2017, С. 119). К причинам возникновения негативного восприятия к недружественным России государствам Латов относит фактор столкновения цивилизаций, который, по мнению учёного, может повлечь за собой, как и мирное стабильное сосуществование в условиях высокой конкуренции, так и масштабные конфликты. Кроме того, исследователь подчёркивает цикличность описанных процессов, которые в определённый момент истории неизбежно сменяют друг друга.

А.А. Горшков также указывает на высокий конфликтогенный потенциал процесса формирования устойчивого негативного образа той или иной страны: «враждебность и агрессивность, формируемые образом врага в самосознании индивида, отражаются в разнообразных социальных явлениях, таких как межгрупповые и межличностные конфликты, стигматизация, агрессия против аутгрупп, дискриминация, стресс и тревожность» (Горшков, 2017, С. 43). Автор признаёт наличие и позитивной объединяющей функции, которую выполняет возникновение устойчивой антипатии к определённому государству – по мнению Горшкова, таким образом формируется национальная идентичность, но исключительно в краткосрочной перспективе. Чрезмерное повышение уровня враждебности, особенно искусственное, способно повлечь за собой ряд деструктивных последствий: повышение уровня стресса, развитие психологических проблем, разрушение социальных связей, возникновение межличностных конфликтов.

Резюмируя, ценностный конфликт – это противоречие, возникающее в ситуации выбора между несколькими ценностями или невозможностью выбора какой-либо из них в силу внешних обстоятельств. В контексте данной работы ценностный конфликт рассматривается в контексте восприятия ряда недружественных государств, антипатичный образ которых складывается в сознании многих россиян. Это обусловлено, с одной стороны, сильным желанием узнать культуру и традиции этих стран, с другой — давлением, оказываемым негативными установками, сформированными под воздействием политической риторики и средств массовой информации.

Методологическая база исследования (теоретические основы)

В период с лета по осень 2023 года коллектив Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН) воспроизвёл социологическое исследование Б.А. Грушина конца 60-х годов прошлого века под названием «Таганрожцы у карты мира: образы друзей и врагов» (Грушин, 2006, С. 782). Целью стало получение новых данных о восприятии жителями Таганрога зарубежных стран в условиях современных реалий и глобальных международных процессов, а также последующий анализ собранной информации. По результатам исследования, выборочная совокупность которого составила 6689 респондентов среди местного населения, удалось сделать выявить ряд представляющих научный интерес закономерностей. Так, среди списка популярных стран, в которые таганрожцы по возможности хотели бы отправиться, попало несколько недружественных держав, к которым опрошенные, несмотря на наличие мотивации для потенциального визита, относятся антипатично (в данном случае речь идёт о США, Великобритании, Франции и Германии). Данный факт, на наш взгляд, может свидетельствовать о возникновении ценностного конфликта, причины и вероятные последствия которого необходимо установить.

Результаты и обсуждение

Благодаря результатам, полученным в ходе исследования, нам удалось выявить список наиболее востребованных для потенциального посещения жителями Таганрога иностранных государств. Несмотря на то, что лидирующую позицию занимает Китай (Киселев, 2024, С. 136), сохраняется повышенный интерес респондентов к странам, которые в силу ряда факторов были признаны недружественными по отношению к Российской Федерации, что закреплено в распоряжении правительства от 5 марта 2022 №430-р. Перечень впоследствии дополнялся, в настоящее время в него включено 47 государств, часть из которых была отмечены таганрожцами как привлекательная для потенциального визита.

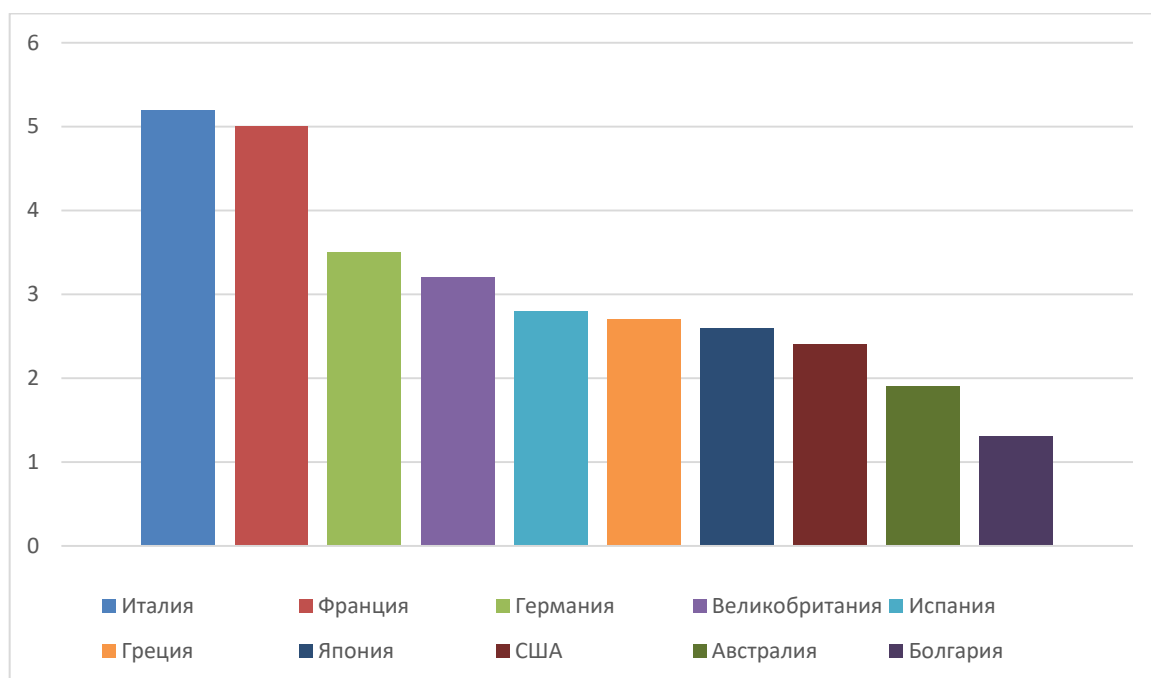

Рисунок 1. Недружественные страны, которые респонденты в случае возможности посетили бы с наибольшей вероятностью, %

Несмотря на ярко выраженную антипатию к таким недружественным странам, как США, Великобритания, Франция и Германия, у достаточно большого числа респондентов сохраняется желание посетить эти государства при возможности (совокупно 14,3% от общего числа опрошенных). Этот факт может говорить о ценностном конфликте таганрожцев, причины которого необходимо попытаться установить.

Примечательно также, что не все из государств, представленных на рисунке 1, в равной степени вызывают негативные чувства у опрошенных. Так, в список наиболее антипатичных стран, помимо США (23%), Великобритании (4,9%), Франции (1,8%) и Германии (1,7%) вошли Украина и Польша (5,9% и 3,7% соответственно), а также государства Прибалтики – Латвия, Литва, Эстония (1,8%, 1,7% 1,6% соответственно) и КНДР (2,6%, единственная дружественная страна из списка), но они не будут анализироваться в рамках данного исследования, поскольку не являются востребованными для посещения и не представляют собой причину для зарождения ценностного конфликта у жителей Таганрога.

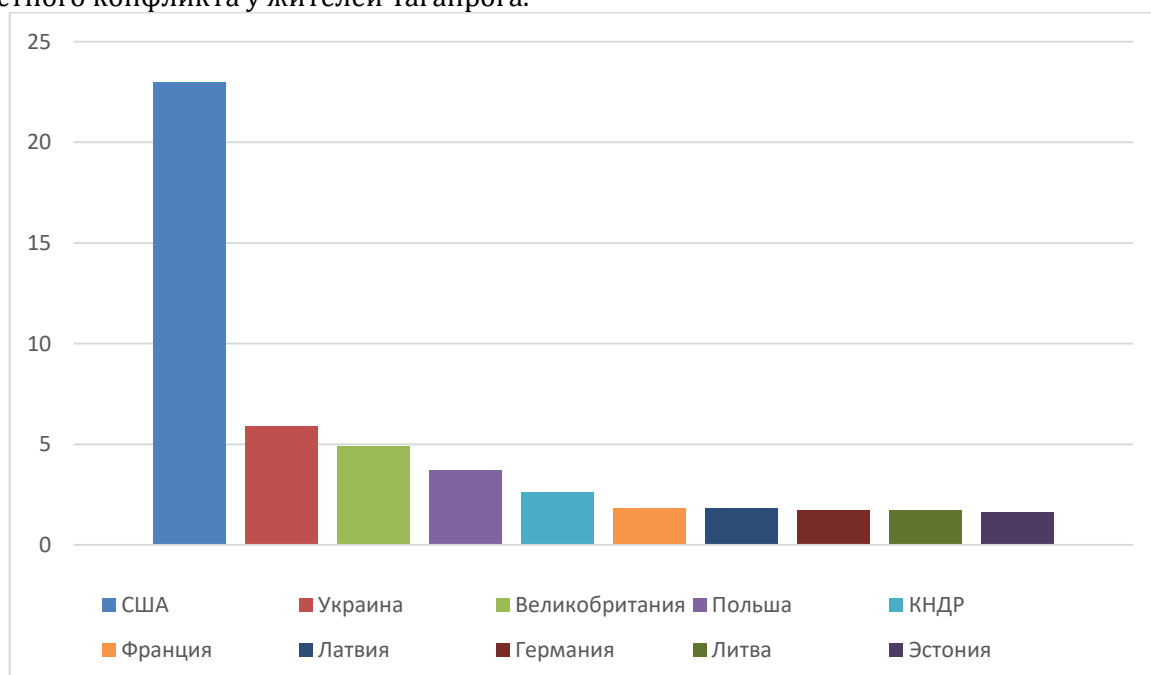

Рисунок 2. Зарубежные страны, вызывающие у респондентов антипатию, %

Исходя из полученных в ходе исследования данных, отрицательное отношение к ряду недружественных стран обусловлено агрессивной внешней политикой, которую проводит руководство этих государств. Так, 90,7% таганрожцев выделяют данный фактор как наиболее значимый в случае с Германией и в 83,3% в случае с США. Франция и Великобритания также проводят достаточно агрессивную внешнюю политику (73,2% и 73% соответственно), но в их случае респонденты отмечают особенно враждебное отношение к России (94,7% и 80,8%), которое наблюдается и в случае с Германией и США, но в несколько меньшей степени (86% и 79,4% соответственно). Немаловажными причинами, обуславливающими возникновение антипатии у жителей Таганрога к рассматриваемым недружественным странам, выступает поддержка неофашизма/неонацизма (84,9% в Германии; 73,2% во Франции; 63,9% в Великобритании и 63,5% в США), а также враждебное отношение к странам, которые не разделяют господствующие у них идеи, взгляд на мир (72,1% в Великобритании; 66,3% в Германии; 58,3% в США; 52,6% во Франции). Наименьшее, но всё-таки заметное, влияние на формирование отрицательного отношения таганрожцев к анализируемым государствам оказывает специфика национального характера (34% в Германии; 22% в США; 20,7% в Великобритании; 20,2% во Франции) и реакционная внутренняя политика (20,7% во Франции; 17,9% в США; 16,4% в Германии; 15,9% в Великобритании). Приведённые данные говорят нам о нескольких трендах. Во-первых, достаточно низкая значимость национального характера как фактора формирования антипатии, говорит о слабовыраженной этнической предвзятости к жителям той или иной недружественной страны. Во-вторых, примечателен факт лидерства Германии в этом аспекте: несмотря на прошествие почти восьмидесяти лет со времён Великой Отечественной войны, продолжает проявляться историческая память о событиях 1941–1945 гг., вследствие чего «образ врага», сформированный тогда, оказывается очень устойчивым в общественном сознании.

Рисунок 3. Основания отрицательного отношения к странам, %

Таким образом, негативное отношение респондентов к рассмотренным странам обусловлено в наибольшей степени факторами, влияющими на материалистические ценности таганрожцев, поскольку они способны оказать деструктивное влияние на их безопасность и экономическое благополучие (агрессивная внешняя политика, поддержка неофашизма/нацизма, враждебное отношение к России и странам, не разделяющим подобные взгляды).

Однако стоит обратить внимание и на причины выбора жителями Таганрога недружественных стран для посещения, несмотря на явную антипатию. Так, в случае с каждым из рассматриваемых государств, абсолютное большинство респондентов отмечает желание лучше узнать страну (81% США; 72,7% Францию; 70,7% Великобританию и 70,3% Германию). Вторая по популярности причина – возможность хорошо провести там время (51,7% в США; 54,8% во Франции; 47,3% в Великобритании; 46,6% в Германии). Профессиональные интересы побуждают таганрожцев сделать выбор в пользу США и Великобритании в 28% и 24% случаев

соответственно, в то время как профессиональные интересы в случае с Францией и Германией отходят на четвёртый или даже пятый план (17,2% и 12% соответственно), а большее значение имеет желание приобрести там необходимые товары (21,3% и 15,3% соответственно; в случае с США и Великобританией эти показатели ниже составляют 19,6% и 15,4% соответственно). Немаловажную роль в причинах выбора играет желание посетить знакомые места (Франция 17,8%, Великобритания 17,1%, Германия 14,7%, США 13,3%). Особый интерес представляет фактор желания встречи с близкими людьми, который опрошенные практически не отмечали в случае с США, Францией и Великобританией (6,1%, 5,7%, 5,6% соответственно), но при этом достаточно активно выбирали в отношении Германии (15,2%).

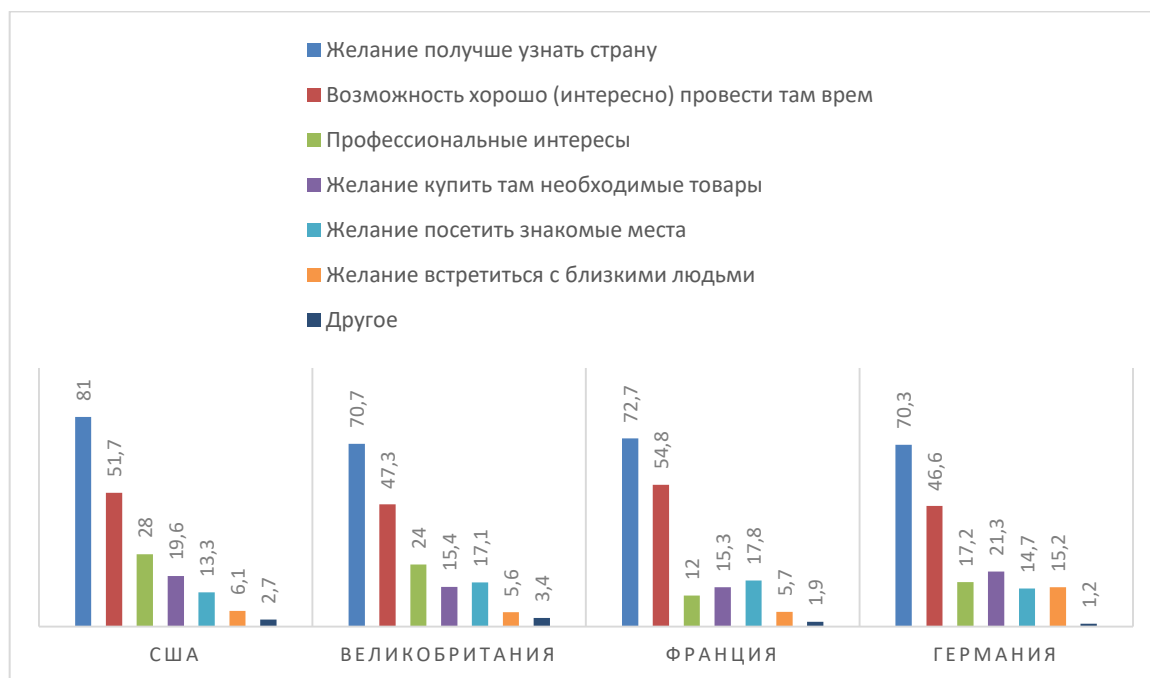

Рисунок 4. Причины выбора недружественных стран, %

В случае причин выбора стран для посещения значимость приобретают постматериалистические ценности, связанные с образованием и духовным развитием (желание лучше узнать страну), стремлением удовлетворить рекреационные и социальные потребности (возможность хорошо провести время, желание посетить знакомые места и встретить близких людей), приобретением определённых товаров, профессиональным ростом. Однако, поскольку обозначенные ценности в силу своего характера имеют вторичный характер, полноценно реализовать таганрожцы их не могут из-за ряда факторов, к числу которых можно отнести не только антипатию к недружественным государствам, но также последствия санкционного режима, бюджетные ограничения, нехватку свободного времени. Это говорит нам о возникновении конфликта познания ценностей, в рамках которого приходится делать выбор в пользу материалистических ценностей под давлением внешних факторов.

Заключение

Таким образом, на основе результатов исследования можно сделать ряд важных выводов. Так, мы установили, что ценностный конфликт в отношении ряда недружественных зарождается по причине невозможности гармоничной реализации двух видов ценностей – материалистических и постматериалистических. Агрессивная политика, враждебность, активная поддержка деструктивных для человека и общества идеологий и ряд других факторов, вызывающих негативное отношение у жителей Таганрога по отношению к США, Великобритании, Франции и Германии, вынуждает респондентов думать, прежде всего, о собственной безопасности, защищаться и консолидироваться. Этот факт значительно затрудняет достижение вторичных ценностей – социальных, культурных, рекреационных, которые продолжают быть востребованными у таганрожцев вне зависимости от глобальных событий и потрясений, но отходят на второй план под влиянием внешних факторов.

Какие негативные последствия может повлечь за собой ценностный конфликт, возникающий у опрошенных? В первую очередь, важно отметить, что рассмотренный в рамках данной статьи тип конфликта по сути своей является внутриличностным, поэтому долгое

нахождение индивида в таком состоянии способно нанести психологический вред самому субъекту и осложнить его межличностные отношения с окружающими, провоцируя новые конфликтные ситуации. Не стоит исключать также фактор формирования образа врага (как естественного в силу объективных причин, так и искусственного в ходе деятельности политиков и СМИ), о чём свидетельствует достаточно популярная причина антипатичного отношения по отношению к США, Великобритании, Франции и Германии – «специфика национального характера». Всё это в перспективе может укрепить стереотипы об иностранцах и негативно влиять на динамику межнациональных отношений.

Однако сильное желание посетить недружественные страны, узнать их получше, хорошо провести время и встретиться с близкими, несмотря на антипатию, сигнализирует о том, что вышеописанные тенденции пока не являются доминирующими, и ситуация имеет шансы измениться в позитивную сторону при условии корректировки государственной политики и предложения конкретных шагов со стороны руководства США, Великобритании, Франции и Германии, направленных на стабилизацию и нормализацию международного сотрудничества. Безусловно, это двусторонний процесс, требующий обоюдной заинтересованности и вовлечённости, и, исходя из результатов данного исследования, россияне готовы к этому, поскольку в случае успеха внешние факторы перестанут препятствовать достижению обоих видов ценностей, тем самым разрешив и ценностный конфликт.

Литература

Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

Гартман, Н. Этика / Перевод А. В. Глаголева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 712 с.

Герчак, Я.В. Категория ценности в современной социологии // *Социология власти*. – 2011. – №5. – С. 96–100.

Горшков, А.А. Образ врага. Негативные эффекты для социального конструирования // *Мир науки. Педагогика и психология*. – 2017. – №4. – С. 43.

Грушин, Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.

Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения // *Социологические исследования*. – 1991. – № 2. – С. 106–114.

Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. – 1997. – 1997. С. 87.

Киселев, Д.А. Динамика ценностных представлений о странах у жителей Ростовской области (на примере отношения к КНР) // *Гуманитарий Юга России*. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 132–143. – DOI 10.18522/2227-8656.2024.3.11. – EDN KVDPIG.

Козырев, Г.И. Введение в конфликтологию, М., 1999. – 176 с.

Латов, Ю. В. Антизападничество во внешнеполитическом менталитете современных россиян (по данным социологических опросов) // *СНУСП*. 2017. №4 (20). С. 108–123.

Магранов, А.С. Восприятие молодежью зарубежных стран: образы «друзей» и «врагов» (На примере студенчества г. Таганрога) // *Гуманитарий Юга России*. 2023. №6. С. 208–221.

Парсонс, Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

Перов, В. Конфликт ценностей и ценность конфликта в этике Н. Гартмана // *HORIZON. Феноменологические исследования*. – 2019. – №1. – С. 230–246.

Троценкова, Е.В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. – 2012. – №2. – С. 24–34.

Шилова, В.А. «Образ врага» в информационных войнах в контексте отношений России с Украиной, Великобританией и США в 2019 году (анализ контента политических блогеров социальной сети Twitter) // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. – 2022. – Т. 7. № 4. – С. 27–66.

References

Durkheim E. Value and «real» judgments. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 1991; 2:106–114. (In Russ.).

Gerchak Ya. V. The category of value in modern sociology. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 2011; 5:96–100. (In Russ.).

Gorshkov A. A. The image of the enemy. Negative effects on social construction. *Mir nauki. Pedagogika i psixologiya = The world of science. Pedagogy and psychology*. 2017; 4:43. (In Russ.).

Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life is 2nd. The Brezhnev Era (part 2). *Moskva: Progress-Tradiciya = Moscow: Progress-Tradition*. 2006, 464 p. (In Russ.).

Hartman N. Ethics / Translated by A.V. Glagolev. *Sankt-Peterburg: Vladimir Dal' = St. Petersburg: Vladimir Dahl*. 2002, 712 p. (In Russ.).

Inglehart R. Postmodernity: Changing values and changing societies. *Polis*. 1997; 4: 87. (In Russ.).

Kiselev D. A. Dynamics of value ideas about countries among residents of the Rostov region (on the example of attitudes towards China). *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2024; 3:132–143. (In Russ.).

Kozyrev G. I. Introduction to conflictology. *Moskva = Moscow*. 1999, 176 p. (In Russ.).

Latov Yu. V. Anti-Westernism in the foreign policy mentality of modern Russians (according to sociological surveys). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2017; 4 (20): 108–123. (In Russ.).

Magranov A. S. Perception by the youth of foreign countries: images of "friends" and "enemies" (On the example of Taganrog students). *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023; 6: 208–221. (In Russ.).

Parsons T. The system of modern societies. Translated from English by L.A. Sedova and A.D. Kovalev. Edited by M.S. Kovaleva. *Moskva: Aspekt Press = Moscow: Aspect Press*, 1998. 270 p. (In Russ.).

Perov V. The conflict of values and the value of conflict in N. Hartman's ethics. *HORIZON. Phenomenological research = HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 2019; 1:230–246. (In Russ.).

Troshchenkova E. V. Value conflict in various types of communicative situations: the influence of value mental representations on communication strategies. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*. 2012; 2:24–34. (In Russ.).

Weber M. Selected works: translated from German. comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov; preface by P.P. Gaidenko. M.: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 27.10.2024

Дата окончания рецензирования: 25.11.2024

Дата принятия к публикации: 27.11.2024

Информация об авторе

Киселев Данил Александрович – младший научный сотрудник, Южно-Российский филиала Федерального научного-исследовательского центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: danil.kiselev.2015@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kiselev Danil Alexandrovich – Junior research assistant, South-Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: danil.kiselev.2015@list.ru

The author has no conflict of interest to declare

Информация для авторов

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERINPLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются вне), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет деление на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц* и *рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a*, *b*, *c* (*a*, *b*, *c*), выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*a*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (*групповое авторство*), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключения составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. Важно: все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и дату доступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNA.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRB.

Четыре автора:

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memoriam. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис..... канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: автореф. дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQHBVB.

Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES**Книги, статьи**

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTAS RAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.).

Диссертация, автореферат диссертации

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p.

Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference*. St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов¹,

¹Университет, город, страна, e-mail

Петр П. Петров²

² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редакцией решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.